

КИРИЛ ПИГАРЕВ

**СОЛДАТ-
ПОЛКОВОДЕЦ**

1943

КИРИЛЛ ПИГАРЕВ

СОЛДАТ- ПОЛКОВОДЕЦ

Очерки о Суворове

*Потомство моё, прошу
брать мой пример.*

СУВОРОВ.

*Солдат есть имя общее,
знаменитое: солдатом назы-
вается первейший генерал
и последний рядовой.*

ПЕТР I.

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1944

ВВЕДЕНИЕ

Шестю движется на Россию вся Европа. Она найдёт там Фермопилы, Лисонья и свой гроб¹.

Суворов.

Есть народное предание. Записано оно в середине прошлого столетия у крестьян Боровицкого уезда Новгородской губернии. Там, в тиши села Кончанского, корючал Суворов томительные дни вынужденного досуга.

В глухом тёмном лесу, — рассказывают крестьяне, — среди мхов и болот лежит огромная каменная глыба. Подступ к ней претрещён поточинами и ржавыми окнами. Вход в неё скрыт за урёмою, под болотом. Гробовая тишина парит вокруг. Зверь лесной не заходит сюда. Лишь ворон гаркает порою да орёл парит над таинственным камнем. А внутри пещеры, склонив седую голову на выступ камня, спит мёртвым сном богатырь — Суворов. И будет спать он до тех пор, покада не покроется русская земля кровью бранному коню по щиколотку. Тогда пробудится от сна могучий воин и освободит свою родину от злой напасти².

В этом предании выразилось твёрдое убеждение в том, что Суворов не может умереть. Он будет жить в своих заветах, бессмертных в памяти народа. А народ, хранящий заветы Суворова, побеждён быть не может.

¹ Фукс, Собрание разных сочинений, стр. 158.

² Елизеев А. В., Народные предания о Суворове — «Древняя и новая Россия», 1879, т. I, № 8, стр. 340—341.

В наши дни это новгородское предание о Суворове приобретает особый исторический смысл, глубокое пророческое значение. В годину величайшей в истории мира войны не случайно обращаются наши взоры в далёкую мглу XVIII столетия, откуда возникает перед нами героический облик великого русского полководца. Оправдываются слова Гоголя: «Мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как и живые»¹. В боевых традициях родного народа воскресает Суворов.

Человек исключительной широты и многогранности, величайший стратег и тактик своего времени, творец бессмертной «Науки побеждать», гениальный воспитатель русских войск, — Суворов заслуживает нашего внимания с самых различных сторон. Он оживотворял всё, к чему ни прикасался. «Полевой солдат», Суворов показал себя искусным командующим флотом; недаром знаменитый Нельсон обращался к нему как к «брату». «Знают меня Суворовым и зовут Римникским, а не Вобаном»², — утверждал Суворов, но это не мешало ему быть опытным инженером-фортификатором. Обрисовать личность Суворова со всех этих точек зрения — задача заманчивая, но и чрезвычайно трудная, предмет, достойный специальной монографии и требующий многих лет усидчивого труда.

Настоящая книга не преследует цели всестороннего освещения личности Суворова. Это лишь ряд очерков на частные темы, связанные единством мысли.

Первый очерк включает в себе сравнительную военно-историческую характеристику Суворова и суворовцев; второй посвящён суворовским наставлениям о достоинствах офицера, слагающимся в своеобразный литературный автопортрет Суворова; третий ставит своей задачей дать почувствовать Суворова через язык и стиль его писем, приказов и обращений к солдатам. За всеми этими темами стоит одна общая тема: Суворов — военный воспитатель. Создаёт ли он на основе глубокого знания отличительных черт русского человека свою замечательную «Науку побеждать», рисует ли в письмах к молодым командирам идеальный образ героя, воплощает ли его в живой жизни, задаёт ли

¹ Гоголь Н. В., О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах — Сочинения, изд. 10-е, т. V, М., 1889, стр. 502—503.

² Петрушевский Я., т. II, стр. 23; письмо Нельсона к Суворову — «Русский архив», 1872, вып. 3 и 4, стлб. 747.

своим подчинённым головоломные вопросы-загадки, беседует ли с солдатами «их языком», рассуждает ли об исторических деятелях или о произведениях литературы, — он неизменно выступает перед нами как полководец и как воспитатель духа русского воина. Кровная связь Суворова с родным народом, с национальными традициями его истории и культуры обусловила исключительную действенность его военно-воспитательной школы и неувядающую жизненность его заветов. На примере военно-воспитательных приёмов Суворова автор и стремился показать многогранность этого полководца по призванию и раскрыть глубоко народное содержание его военного искусства.

Суворов придавал первостепенное значение историческим примерам. Следовать по стопам великих людей и в свою очередь служить живым примером было его правилом.

Вся жизнь твоя — разверста книга,
Могуща подавать пример, —

сказал Суворову его современник, поэт И. И. Дмитриев¹. Эта «книга» раскрыта перед нами. Мы не устанем читать её, ибо ярким светочем горит и в наши дни вдохновляющий пример Суворова. Его мудрые наставления и заветы пережили его эпоху и через голову поколений обращены к нам, его далёким потомкам. И каждый из нас может и должен сказать себе: *последуй Суворову.*

¹ Дмитриев И. И., Сочинения, т. I. СПб.. 1893, стр. 155.

СЛАВА И ЧЕСТЬ РУССКОГО ОРУЖИЯ

Горжусь, что я русский.
Суворов.

I

Справедливо отмечают биографы Суворова, что «военный его гений, несмотря на всю оригинальность свою, выработался под влиянием классических впечатлений»¹. Корни родословной Суворова-полководца теряются в глубокой древности.

Во время швейцарского похода, отдыхая на соломе в альпийской хижине, старый Суворов поучал молодого Милорадовича; «Возьми себе в образец героя древних времён, наблюдай его, иди за ним вслед; поровняйся, обгони — слава тебе! Я выбрал Цезаря — альпийские горы за нами... Орлы русские облетели орлов римских»².

Но Юлий Цезарь не был единственным «наставником» Суворова. Он вдохновлялся примером Эпаминонда, умиравшего с гордым сознанием, что за всю жизнь не проиграл ни одного сражения. Он проникался неподкупной справедливостью Аристиды.

Учился Суворов искусству войны и у полководцев позднейшего времени, умея извлекать пользу как из безрассудной решительности Карла XII, так и из нерешительной рассудительности Монтекукули.

¹ Петрушевский, т. I, стр. 13.

² Лёвшин, стр. 135—136.

Генеалогия Суворова-полководца естественно насчитывает в своих рядах в сущности всех выдающихся военачальников далёкого и недавнего прошлого. Однако, называя имена учителей и предшественников Суворова, обычно забывают одного, служившего непосредственным образцом для него; перечисляя книги, оказавшие воздействие на суворовскую мысль, упускают одну, бывшую для него своего рода азбукой. Я разумею Петра I и его «Устав воинский».

Пётр казался Суворову «Прометеем», «редким, чудесным смертным». Он поражался, «как такие сверхчеловеческие силы вмещались в голову, не образованной, по словам беллетристов, учёным воспитанием»; советовал иностранцам учиться русскому языку, чтобы лучше познакомиться с этим «великим человеком»; удивлялся его гению «и на Ладожском канале, и на Полтавском поле»; считал, что Ладожский канал — лучший «монумент» Петру — ждёт лиры Державина («водопад — чудо природы, здесь — чудо искусства», говорил он); находил, что один Пётр обладал «великой тайной выбирать людей»; цитировал его изречения. Наконец Пётр был в глазах Суворова «первым полководцем своего века». Высказывая это, Суворов ссылался на авторитет Румянцева: «Мнение моё и Румянцев удостоил одобрить»¹.

Суворов родился несколько лет спустя после смерти Петра I, но вырос в атмосфере петровских традиций. Отец его, Василий Иванович Суворов, был крестником Петра и служил при царе денщиком. Дружбу с ним водил известный «арап Петра Великого», Абрам Петрович Ганнибал. Мальчик Суворов не мог не слышать их рассказов о «батюшке Петре Алексеевиче», — оба они были питомцами Петра. Посмертным «птенцом гнезда Петрова» становится и Суворов. Недаром Ганнибал сказал однажды своему приятелю, что если бы жив был Пётр Великий, то поцеловал бы его сына в лоб и похвалил за настойчивые труды.

Суворов вполне подходил к типу нового русского человека, воспитанного Петром. Руководящим правилом этого нового человека было: «жить для пользы и славы государства и отечества, не жалеть здоровья и самой жизни для общего блага». Это правило внедрял в его сознание сам Пётр, не знавший частного интереса вне интереса общего².

¹ Фукс, Анекдоты, стр. 16, 40, 80, 102; Петрушевский, т. III, стр. 338.

² Ключевский и В. О., Пётр Великий среди своих сотрудников — «Очерки и речи», т. II, М., 1913, стр. 467—477.

В натуре Суворова было много родственного с Петром. Их сближает между собой самоотверженная любовь к отечеству, возвышенное понимание своего долга перед родным народом, неутолимая жажда деятельности, исключительное умение владеть своим временем, прямота и упорство характера, отвращение к внешней условности в обращении с людьми, русский склад ума с его грубоватой приветливостью и живым чувством высокого и смешного. Даже пресловутые чудачества Суворова, неспроста названные им своими «рекреациями», несколько сродни подобным же выходкам Петра: в них находила разрядку вечно напряжённая и целеустремлённая энергия двух великих русских людей.

Такую бьющую ключом энергию, такое всеподчинение себя своему призванию встречаем мы только в одном современнике Суворова: лишь в одном Ломоносове сказался в такой же полной мере человек петровской закваски. В разных областях Суворову и Ломоносову суждено было выполнить однородное дело. С «благодарной упряжкой» и неукротимой пылкостью отстаивал Ломоносов национальный характер русского просвещения, — неотразимой силой личного примера и боевого опыта утверждал Суворов национальные начала русского военного искусства.

Возвращение Ломоносова из-за границы и вступление Суворова на военную службу совпали с первыми годами царствования Елизаветы. Позор бироновищины был позади; господству иностранных карьеристов, казалось, был положен предел. Музыкаль балов и пестротой маскарадов обновлённый двор старался разогнать унижительный и тягостный кошмар предыдущего десятилетия. Однако, быть может менее открыто и ясно, чем раньше, немцы всё ещё продолжали, по выражению мемуариста, как «однодневные мошки, забиваться в мельчайшие изгибы государственного тела России»¹. Вот тут-то и поднялись на защиту «труда Петра Великого» (Ломоносов) подлинные наследники его заветов, — говоря словами Петра, — «истинные сыны российские». Задачей их было вновь вызвать к жизни заглушенные петровские традиции.

Между петровским «Уставом воинским» (1716) и суворовской «Наукой побеждать» в её окончательной форме (1796) лежат восемьдесят лет. Почти сорок лет отделяют первые

¹ Випский Г. С., Записки — «Русский архив», 1877, ч. II, стр. 161.

самостоятельные выступления Суворова как военного наставника от петровской эпохи. Между ними тянется полоса упадка. Военный историк так характеризует эту эпоху: «Во времена Миниха и других иноземцев-начальников на первом плане была строгая «муштровка». Мелочи «ружистики», детально-педантическое исполнение уставных пунктиков немецкой школы — всё это заглушало корни военно-воспитательных вопросов, установленных Петром, которые в своей своеобразной форме могли быть вполне понятны только природным русским людям, воспитанным в национальной, а не в иноземной школе»¹.

Таким природным русским человеком, воскресившим военно-воспитательные начала Петра I, и был Суворов.

II

Пётр I заставлял переводить на русский язык книги по военному делу и считался с военными авторитетами (так, например, «Юлиус Цесарь» с почтением упомянут в «Уставе воинском», но в основу его боевого искусства положен большой личный опыт. На это указывают постоянные обмолвки и оговорки Петра в его инструкциях: «я в последней акции видел сам...», «усмотрел я...», или его ссылки на пример «последней баталии»².

Суворовская «Наука побеждать» впитала в себя весь многовековой опыт величайших полководцев всех стран и народов, но этот опыт был принят Суворовым только после личной проверки его на «практике».

Военно-воспитательные положения Петра вытекают из глубокого знания национальных, исторических черт русского воина. Существенной особенностью его Пётр считал природную выносливость и способность к дисциплине («ни единый народ в свете так послушен, как российский»). Под ферулой грубого воспитателя эти черты могут выродиться в тупую покорность раба. История крепостнической России знает немало примеров такого полного морального подавления человека. Наоборот, в руках умелого воспитателя-психолога те же самые свойства обращаются в мощное и гибкое средство пробуждения и развития человеческого

¹ Масловский, вып. II, стр. 93—94.

² Масловский Д. Ф., Строевая и полевая служба русских войск времён императора Петра Великого и императрицы Елизаветы, М., 1883, примечания, стр. 23.

достоинства. Денис Давыдов писал о Суворове: «Найдя повиновение начальству — сей необходимый, сей единственный склеп всей армии — доведённым в нашей армии до совершенства, ...он удесятерил пользу, приносимую повиновением, сочетав его в душе нашего солдата с чувством воинской гордости и уверенности в превосходстве его над всеми солдатами в мире, — чувством, которого следствию нет пределов»¹. Суворов приучал смотреть на послушание — «субординацию» — как на «мать» военного искусства. При Павле и Аракчееве, внушаемая дикими окриками и свистом шпиритенов, субординация превратилась в ненавистную *мачеху* военной службы.

Молодой Суворов, стоявший на часах, отказался взять от императрицы Елизаветы крестовик, твёрдо зная, что военный устав запрещал часовому принимать деньги от кого бы то ни было. Этот известный эпизод из биографии Суворова показывает, насколько строго соблюдал он предписания устава. Смолоду в Суворове глубоко вкоренилось убеждение, что, прежде чем повелевать, нужно самому уметь повиноваться.

Крепкая дисциплина, основанная на субординации, служила в глазах Петра одним из залогов нравственного воспитания солдата. В «Уставе воинском» говорится: «...ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда, которой пример суть дети, в воле, без наказания и страха возвращённые, которые обыкновенно в беды впадают. Но случается после, что и родителям пагубу приносят. Тако и в войске командующий суть отцом оных, которых надлежит любить, снабдевать, а за прегрешения наказывать. А когда послабит, то тем по времени вне послушания оных приведёт и из добрых злых сочинит и нерадетельных и в своём звании оплошных. И тако себе гроб ископает и государству бедство приключит...» Следуя этому правилу устава, затверженному наизусть, Суворов не допускал нарушения дисциплины и требовал твёрдости от командиров. В одном из приказов он предписывает: «В случае оплошности взыскивать и без наказания не оставлять, понеже ничто так людей к злу не приводит, как слабая команда. Почему командующему за прегрешения неослабно наказывать, ибо когда послабит, то тем временем в непослушание придут и в своём звании

¹ Давыдов Д. В. Встреча с великим Суворовым — «Военные эскизы», М., 1940, стр. 44—45.

оплошно учинятся». Чем выше был чин, тем строже взыскивал Суворов с виновного за проступки против дисциплины. Во время итальянской кампании 1779 года, видя, что генерал Розенберг медлит выполнить данный ему приказ, Суворов писал ему: «Не теряя ни минуты, немедленно сие исполнить, или под военный суд»¹.

Строгость Суворова не умаляла его популярность. И солдаты, и офицеры знали, что если он наказывает, то наказывает не зря, а за дело. Он никогда не оскорблял и не унижал в человеке человеческого достоинства; он, по справедливому замечанию Дениса Давыдова, «не сделал несчастным» ни одного подчинённого. Нередко полные укоризны слова: «ты не русский», «это не по-русски» действовали сильнее любого наказания. И достаточно было Суворову сказать: «Покажи на деле, что ты русский», чтобы виновный постарался всячески загладить свой проступок².

Внушая молодым офицерам, каким должен быть образцовый командир, Суворов включал в число обязательных его качеств «подчинение без униженности». Суворов требовал не слепого повиновения, а сознательного исполнения своего долга. Поступая так, а не иначе, каждый должен был отдавать себе полный отчёт в том, почему именно он поступает так, а не так. В приказе, относящемся ко времени итальянской кампании 1799 года, Суворов писал: «Не довольно, чтобы одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой манёвр. Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный. Болтун и без того будет наказан»³.

Сознательность была одним из начал, прививаемых военно-воспитательной системой Петра. «Устав воинский» 1716 года с тем и был «учинён», дабы всякий «знал свою должность и обязан был своим званием, и неведением не отговаривался». В 1722 году Пётр присоединил к нему дополни-

¹ «Устав воинский», СПб., 1717, стр. 38—39; приказ от 28 февраля 1772 г. — Петрушевский, т. I, стр. 69; Милютин, т. II, стр. 58.

² Глинка С. Н., Русские анекдоты военные и гражданские, ч. II, М., 1822, стр. 162.

³ Милютин, т. I, стр. 578.

тельные пункты, предписывающие офицерам, под угрозой строгой ответственности, «рассуждать» и сообразовываться с обстоятельствами, применяя правила устава, а не держаться их «яко слепой стены», «ибо там порядки писаны, а времён и случаев нет»¹.

Тем самым предоставлялась командиру полная свобода проявить свои способности и свои знания. Военный устав заключал лишь общие, исходные данные, всё остальное зависело от «мудрой осторожности командующего». Суворов никогда не уставал напоминать офицерам, насколько на войне необходима инициатива. Он избегал давать им до мелочей разработанные инструкции. В этом отношении показательна составленная им диспозиция первой экспедиции на Туртукай: «...Атака будет ночью с храбростью и фурией российских солдат. Расстройки: против правого неприятельского положения, где у них первый незнатный лагерь, потом, пробиваясь до пашинских палаток, где у них лагерь поменьше, а наконец и версты 3 оттуда далее, до их лагеря побольше... Сия есть генеральная диспозиция атаки; ...а подробности зависят от обстоятельств, разума, искусства, храбрости и твёрдости господ командующих». Истоки этих суворовских наставлений нетрудно отыскать в петровском уставе. Так, например, после общего указания, как войскам строиться в бою, в уставе следует пояснение: «Сие всё зависит от осторожности, искусства и храбрости генерала, которому положение земли, силу неприятеля и обыкновение оного знать и потому своё дело управлять надлежит»².

Здесь уже содержатся зёрна основных правил суворовской науки побеждать. Сочетать храбрость с умением, развивать «глазомер» (иными словами, знать «положение земли»), изучать своего противника — всего этого требовал и Суворов. Умение порождает уверенность в себе, уверенность в себе порождает храбрость, — таково было убеждение Суворова. Суворовская «на себя надёжность» — это то же, что петровское «бесконфузство». В инструкции 1708 года для обучения войск Пётр чётко отделяет, так сказать, внешнюю, материальную сторону военного искусства от внутренней, нравственной его стороны. К первой он относит «справную и неспешную стрельбу», «добрый» прицел, отсту-

¹ «Устав воинский», стр. 3; Масловский, вып. II, стр. 1—11.

² Там же, примечания и приложения, стр. 90—91; «Устав воинский», стр. 192—193.

пленение и наступление, «секундирование» и «прочие обороты и подвиги воинские»; ко второй — «бесконфузство», которое «всему мать есть.., ибо кто его не блюдет, тот всегда бесприкосновение потеряет». «Бесконфузство» — уверенность в себе, самообладание, неустранимость — «едино войска возвышает»¹.

«Готовься в войне к миру, а в мире к войне» — этими словами передавал Суворов завет Петра: «надеясь на мир, не ослабевать в военном деле»². Пётр считал необходимым в мирное время всячески поддерживать боевые способности войска («надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать»); Суворов достигал этого постоянными «экзерцициями», проводившимися в обстановке, наиболее близкой к условиям боя.

Понятие воинской чести были выписаны Суворовым из петровской школы. Не щадивший своей жизни ради отечества, Пётр требовал того же и от каждого отдельного воина. Ещё в 1704 году он утвердил инструкцию, в которой говорилось: «...если какую причиной или множеством (неприятельских людей) назад пожмут, и тогда отнюдь не должен никто бегать назад, но стоять до последнего человека, как доброму солдату надлежит, под наказанием смерти, также и во время боя приказано задним стрелять из пушек и из ружья по тем беглецам без всякого милосердия»³. Пётр строго-настрого запрещал «господам генералам» отступать до получения на то директив от главнокомандующего.

Нравственная подготовка сражения занимает видное место в военном искусстве Петра I. В знаменитом приказе по войскам в день полтавской битвы он выказал глубочайшее понимание психологии русского воина, умение вдохнуть в него мужество и геройский пыл. Этот приказ Петра — замечательное обращение русского полководца к русским войскам. Наступил решительный час. Не за Петра предстоит им сражаться, но за государство, за отечество, за «род свой». Не должна смущать их «слава непобедимости неприятеля»: ложь её не раз доказали они своими победами. А ему,

¹ Масловский, Строевая и полевая служба..., примечания, стр. 15.

² Петрушевский, т. II, стр. 242; Масловский, вып. II, стр. 1.

³ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. II, СПб., 1893, стр. 78.

Петру, жизнь не дорога, «...жила бы только Россия во славе и благоденствии»¹.

Эти слова Пётр подкрепляет делом. В критическую минуту полтавского боя, когда ряды русских войск были разорваны шведами, Пётр во главе одного батальона сам бросается в сечу и восстанавливает дрогнувшее равновесие.

Презрение к трусости было одной из отличительных черт нравственного облика суворовца. «Чем ближе к врагу, тем лучше», — твердил ему Суворов. «Храбрый впереди — и жив; трусишку и назади убивают, как собаку; ему, если и жив останется, ни чести, ни места нет». Шаг назад равносильен смерти.

Воспитывая в своих подчинённых чувство нравственной силы, твёрдой уверенности в себе, Суворов изгонял из официального языка термины, выражавшие понятия противоположного свойства, высмеивал слова, отвечавшие инстинкту самосохранения: «*Сикурс* (поддержка.— К. П.) есть слово ненадёжной слабости, а *резерв* — склонности к мужественному нападению; *опасность* есть слово робкое и никогда, как и *сикурс*, не употребляемое и от меня заказанное. А на то служит *осторожность*, а кто в воинском искусстве твёрд, то *предосторожность*, но не торопливость»².

Суворов не допускал ненужных бравад, но в решительную минуту всегда готов был подать пример бесстрашия и самообладания. Дважды раненный в кинбурнской битве, он, пока позволяют ему силы, остаётся в строю и воодушевляет солдат.

Подобно Петру, Суворов мастерски осуществлял нравственную подготовку сражения. Объезжая полки, он заражал их духом непобедимости, вспоминал прошлые победы, вселял в них уверенность в неминуемом успехе. «Богатыри, неприятель от вас дрожит», — таков был лейтмотив его напутствий в бой.

Чувство уныния было органически чуждо Суворову. Когда его донимали козни недругов, он раздражался, сердился, негодовал, но не унывал никогда. Суворов умел разогнать чувство уныния и растерянности в окружающих. Средства, к которым обращался при этом Суворов, были разнообразны. Он умелою рукою касался патриотических струн души рус-

¹ Маёловский Д. Ф., Записки по истории военного искусства в России, вып. I, СПб., 1891, стр. 138.

² Приказ ротмистру Вагнеру от 25 февраля 1771 г. — Петрушевский, т. I, стр. 55.

ского воина. «Русак не трусак; пройдем», — говорил он, когда его войска, казалось, были обречены на гибель в альпийских пропастях, — и русак проходил. Он шутил и смеялся, когда на сердце его гнетущим камнем лежало австрийское предательство, — и этот смех, и шутки, и народные прибаутки, срывающиеся с его уст, разряжали сгущенную атмосферу усталости, лишений и разочарований. Современный английский фельдмаршал Уйэвелл, рассуждая об искусстве полководца, заметил: «Только один знаменитый полководец обладал чувством смешного — это русский генерал Суворов»¹. Напоминание о Рымнике и Измаиле и уместная шутка были в устах Суворова одинаково действенными средствами для пробуждения нравственного элемента в походных или боевых условиях.

Не одним штыком поражали противника суворовские «чудо-богатыри», они поражали его своим моральным превосходством. Военная этика Петра и Суворова предписывала гуманное и великодушное отношение к пленным. Оно служило резким контрастом бесчеловечному обращению с русскими пленными в других странах.

В 1705 году Пётр I представил британскому, прусскому и голландскому послам в Москве двух солдат, бежавших из шведского плена: у обоих на руках и на ногах были обрублены пальцы. По их показанию, это было сделано на глазах шведского короля. В предшествующем году шведы сожгли здание, в котором находилось до двухсот русских военнопленных. По приказу самого Карла XII, захваченные в плен русские казаки избивались до смерти палками. В 1706 году с исключительной жестокостью были умерщвлены все русские, взятые в плен при Фрауштадте: их клали один на другого по два и по три и кололи штыками, пиками и ножами. «Лютость таковая происходила по точному повелению самого короля шведского», — замечает летописец «деяний Петра Великого» Голиков. Тот же Голиков повествует, что после полтавской победы Пётр милостиво принял пленных неприятельских генералов, возвратил им шпаги, пригласил к своему столу. «А между тем по его повелению угощаемы были столом и все пленные офицеры, накормлены со изобилием и все пленные же солдаты». На содержание пленных Пётр определил «довольные деньги»².

¹ «Красная звезда», 1941, № 71.

² Голиков И. И., Деяния Петра Великого..., ч. II, М., 1788, стр. 253—255; ч. III, стр. 113—117.

В Семилетнюю войну, в битве под Цорндорфом, Фридрих II «приказал не щадить ни одного русского». Исполняя приказ короля, пруссаки сбрасывали в ямы раненых русских солдат и закапывали их вместе с убитыми. Между тем фельдмаршал Салтыков отмечает в своих реляциях, что русские солдаты проявляли в высшей степени человеческое отношение к побеждённым. Очевидец рассказывает: «Многие наши легко раненные неприятельских тяжело раненных на себе из опасности выносили; солдаты наши своим хлебом и водою, в коей сами великую нужду имели, их снабжали»¹.

Воинский устав Петра I «под смертным страхом» воспрещал, «не токмо в своей союзничьей или нейтральной землях, но и в неприятельской» причинять какие-либо «обиды мирным жителям. Инструкция 1706 года генерал-майору Брюсу и бригадиру Шонбургу также внушала никаких «бесчинств отнюдь не чинить, но поступать как вышним, так и рядовым так, как добрым и честным солдатам надлежит...»²

Так ещё с отроческих лет русской военной мощи внедрялось в сознание наших войск правило, позднее сформулированное в известном афоризме Суворова: «Солдат — не разбойник».

Правило это, определявшее гуманный образ действий по отношению к пленным и к обывателям на чужой стороне, стало одной из лучших национальных традиций русской армии. Всякое отступление от него являлось своего рода аномалией, истекавшей из чуждых русской военной этике принципов. Знаменательно, что, упоминая о фактах насилия и разбоя, допущенных некоторыми офицерами во время взятия Варшавы в 1794 году, один мемуарист — русский немец — замечает: «К моему удивлению, эти офицеры большей частью не русские, а немцы»³.

Особенной жестокостью запятнал себя ещё в эпоху первой польской войны подполковник Древиц, немец на русской службе. Он с полным хладнокровием отрезал кисти рук у пленных поляков. Необузданная жажда наживы была основным стимулом его военной карьеры.

Письма Суворова к главнокомандующему русскими войсками в Польше И. И. Веймарну кипят негодованием против

¹ Коробков Н., Пальциг и Кунерсдорф — «Военно-исторический журнал», 1940, № 1 (6), стр. 83.

² «Устав воинский», стр. 42—43; Голаков, Деяния Петра Великого..., ч. II, стр. 360—361.

³ Петрушевский, т. II, стр. 164.

Древица. Этот иностранец напрасно кичится своими победами: их одерживал не он, а русские солдаты. Сам он чужд России и не понимает её,— «он в определённые три года российской грамоте не научился». Древиц угрожает своим «абшитом», отставкой,— пусть, найдётся довольно русских, чтобы заменить его. Он только позорит честь русского оружия, действуя «в стыд наш... в стыд России, лишившейся давно таких варварских времён»¹.

Это писал Суворов, которого враги его называли северным варваром. Немилосердно коверкая его фамилию, французы пользовались созвучием между «loup-garou» (оборотень) и «Souvarou» и стращали непослушных детей именем русского полководца.

Только лютая злоба и открытая ненависть могли превращать Суворова в буку и пугало.

Предписывая бить, колоть, рубить и преследовать неприятеля, «пока истреблён не будет», Суворов строго разграничивал противника сопротивляющегося и противника, складывающего оружие. «Неприятель сдался — пощада»,— гласит суворовская «Наука побеждать». В своих приказах Суворов беспрестанно напоминает: «Если неприятель будет сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружие»; «с пленными быть милосерду»; «...сильно бить, гнать и истреблять неприятеля холодным ружьём; но покоряющимся давать *пардон* подтверждается»; «...кричать *пардон*, а ежели не сдаются — убивать»².

Суворов требовал, чтобы с пленными обращались человечно, кормили хорошо, «хотя бы то было и сверх надлежащей порции». Сам он показал пример рыцарски благородного отношения к пленным, вернув шпагу французскому генералу Серюрье со словами: «Кто ею так владеет, как вы, у того она неотъемлема»³.

Суворов строжайшим образом запрещал трогать мирных жителей. За «шалости на квартирах» он гневно взыскивал с виновных. «Солдат бей врага на сражении, а с бабами не воюй, не крадь»,— говаривал он. «Вор не служивый; он худой солдат»⁴.

Слова эти глубоко западали в душу суворовской армии.

¹ Петрушевский, т. I, стр. 89—90.

² Приказы 1799 г. — Милютин, т. II, стр. 243, 246, 279.

³ Петрушевский, т. I, стр. 123; Фукс, Анекдоты, стр. 103.

⁴ «Москвитянин», 1843, ч. I, № 2, стр. 492.

«Вас могут... утешить великодушие и умеренность победителей в отношении побеждённых,— писал комендант Варшавы Орловский пленному польскому патриоту Костюшко.— Если они будут всегда поступать таким образом, вы увидите, что наш народ, судя по его характеру, крепко привяжется к победителям». Поступая так и уча других поступать так, Суворов действовал с «благосудной» обдуманностью и дальновидностью. Это давало ему возможность утверждать в 1795 году, когда назревала опасность войны с Пруссией: «Если бы прусский король вздумал предпринять что-либо против России, то большая часть жителей употребит оружие в нашу пользу»¹.

Восстановление монархии в Неаполитанском королевстве в 1799 году сопровождалось жестоким преследованием республиканцев и всех подозреваемых в сочувствии республике. Казни, убийства, грабежи бушевали в Неаполе. Лишь в домах, занятых русскими войсками, находили надёжное убежище обречённые, ускользнувшие от ножа разнуздавших палачей. Среди спасённых был знаменитый итальянский композитор Чимароза. Рассказывая об этой резне, историк восклицает: «Срам Италии и слава русским!»².

Солдаты Суворова помнили, что русское слово твёрдо.

Когда Суворов спросил одного из участников войны 1799 года, кто внушил ему чувство гуманности и верность своему слову,— тот отвечал: «Русская азбука: с, т (слово твёрдо) и словесное вашего сиятельства к нам поучение»³.

III

Расценивая Петра как «первого полководца» своей эпохи, Суворов, конечно, имел в виду не одни военно-воспитательные его приёмы. Родоначальник всех выдающихся русских полководцев нового времени, Пётр явился самобытным новатором в области европейской стратегии и тактики.

Пётр-полководец сочетал в себе решительность с осторожностью, то есть качества, составляющие в глазах Суворова неотъемлемое достояние истинного героя. Именно эта стро-

¹ «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1866, кн. 3, смесь, стр. 57; письмо к кн. П. А. Зубову — Петрушевский, т. II, стр. 176.

² Botta Ch., Histoire d'Italie de 1789 à 1814 Paris, 1824, t. IV, p. 215; ср. М и л ю т и н, т. II, стр. 384—385.

³ Ф у к с, Анекдоты, стр. 61.

гая поверка себя рассудком и делает Петра великим полководцем. Полной противоположностью ему был его современник и соперник Карл XII, обладавший только необузданной смелостью и действовавший всегда очертя голову.

Основным началом стратегии Петра было конечное истребление неприятельской армии. Сосредоточивая, а не раздробляя свои войска, Пётр избирает главной целью своих ударов не крепости, как при нём было принято на Западе, но живую силу противника; пассивной обороне, общепринятой в Западной Европе, предпочитает активную, рассматривая оборону лишь как подготовку к наступлению; не довольствуется честью выиграть поле сражения, но обращается к немедленному преследованию врага¹.

Стратегия Петра, как и его военная педагогика, проникнута мыслью, что главную силу армии, её основную ценность составляет *солдат*. Тем самым определялось и устанавливаемое Петром отношение командиров к подкомандным, «яко отцов к детям». «Целость солдата» вменялась в обязанность офицеру².

Было бы неправильным думать, что возрождение петровских начал русского военного мастерства было делом одного Суворова. Его наука побеждать возникла не на пустом месте. Пётр заложил для неё прочный фундамент, но он успел искрошиться и обветшать от времени. Над восстановлением недостающих в нём камней, над очисткой его от сору потрудился целый ряд русских людей, выступивших вместе с Суворовым на военном поприще. Но нужно было быть Суворовым, чтобы возвести на этом основании стройное и величественное здание подлинно национального военного искусства.

Из всех современников Суворова наиболее убеждённым поборником петровских военных традиций был Румянцев. Суворов недаром называл себя учеником Румянцева³. «Обряд службы» Румянцева, общепринятый с 1770 года, и его «Мысли о воинской части» во многом предваряют суворовскую «Науку побеждать».

Первым, основным правилом стратегии Румянцев считал уничтожение живой силы противника. «Никто не берёт

¹ См. Леер Г., Пётр Великий как полководец — «Военный сборник», 1865, № 3, отд. II, стр. 6; № 4, отд. II, стр. 209—210, 223.

² Масловский, вып. II, стр. 93.

³ Фукс, Анекдоты, стр. 41.

города, не разделившись прежде с силами, его защищающими», — таков был руководящий принцип его образа действий.

В эпоху Миниха внешние мелочи военного обучения совершенно вытеснили внутреннюю сущность военного искусства — задачу нравственного воспитания солдата. Румянцев первый провёл отчётливую грань между вопросами *обучения* и вопросами *воспитания*. Создание же классически законченной военно-воспитательной системы выпало на долю Суворова¹.

Успех обучения обуславливается, по убеждению Румянцева, «трудолюбивым примером» младших начальников и простотой устава. Чем проще правила, тем они доступнее. Этими указаниями Румянцева подготавливалось суворовское положение: «Обучение нужно, лишь бы с толком и кратко»².

Военному искусству Румянцев уделял должное внимание. От искусства зависит инициатива. В эпоху выступления Румянцева на военное поприще самостоятельность военачальника сковывалась заранее разработанными планами. Ещё в 1769 году, в начале русско-турецкой войны, Румянцев убедился в полной несостоятельности плана, составленного военным советом при петербургском дворе (копия австрийского гофкригсрата). План составлялся на основании «ряда предположений о вероятнейших способах действия противника», и соответственно этому определялся «способ действий армии на каждый случай». Румянцев решительно восстал против подобного связывания рук главнокомандующего и всячески поощрял и развивал в своих подчинённых дух инициативы, основанной на «искусстве и способностях»³. Суворов смолоду проникся твёрдой уверенностью в невозможности выиграть «баталию» по «идеальным выметкам» кабинетов, и эта уверенность усвоена им в румянцевской школе.

В своих «Мыслях о воинской части» Румянцев определяет субординацию как «душу службы». Там же он отводит отдельные статьи «чистоте» и «лучшему призрению и врачеванию больных», то есть опять-таки тем сторонам армей-

¹ Масловский, вып. II, стр. 131.

² Письмо к П. И. Турчанинову от 13 декабря 1792 г. — «Сборник Русского исторического общества», т. I, СПб, 1867, стр. 295.

³ Масловский, вып. II, стр. 143, 147.

ского быта, которые были предметом неусыпного попечения Суворова ¹.

Из всех современников Суворова Румянцев более других приближался к тому идеальному образу полководца, какой рисовался в его воображении. Отличавшийся бесстрашием и учивший других презирать страх («ближе к неприятелю — ближе к победе»), Румянцев был предан своему делу и любил свою армию. Десять лет спустя после кагульской битвы Румянцев случайно встретил в Орле одного сторожа, служившего ранее рядовым под его начальством, узнал его, назвал по имени и расцеловал ².

Суворов уважал и ценил Румянцева и считался с его мнением. Известно, что он посылал Румянцеву военные репортажи даже тогда, когда не был подчинён ему.

Не один Румянцев ратовал за национальные основы русского военного искусства. Той же мыслью проникнуты «Инструкция ротным командирам» графа С. Р. Воронцова и анонимная «Инструкция пехотного (конного) полка полковнику». Последняя вменяла в обязанность внушать войскам при помощи исторических примеров, что «никакие страхи и трудности храбрость и верность российскую солдат никогда поколебать не могли». По мнению Воронцова, это сознание и должно порождать то честолюбие — «амбицию», «которое одно может возбуждать к преодолению трудов и опасностей и подвигнуть на всякие славные подвиги» ³. Здесь мы встречаем то же понимание честолюбия, какое было свойственно Суворову. Это — честолюбие патриота.

С. Р. Воронцов, впоследствии известный дипломат, посол в Лондоне и корреспондент Суворова, написал свою «Инструкцию» в бытность полковником первого гренадерского полка, в 1774 году. Поклонник Румянцева, Воронцов отличился под его знамёнами при Ларге и Кагуле. Когда он составлял «Инструкцию ротным командирам», Суворов уже несколько лет применял свои приёмы обучения и воспитания войск. Но «суворовские» замечания Воронцова о субординации, чистоте, опрятности, солдатском честолюбии, отношении командиров к подчинённым не свидетельствуют о какой-либо зависимости Воронцова от Суворова. Они говорят о

¹ Масловский, вып. II, примечания и приложения, стр. 10.

² Фукс, Анекдоты, стр. 7.

³ Масловский, вып. II, стр. 100; «Военный сборник», т. LXXXII, 1871, № 11, ноябрь, отд. I, стр. 36.

другом — о едином направлении мыслей и о едином руководстве. Таким руководством для Воронцова, как и для Суворова, был военный устав и артикулы Петра I. Воронцов сумел провести в жизнь коренные положения военно-воспитательной системы Петра. Как начальник он оставил по себе хорошую память: «Он нам был отец, а не командир», — говорили о нём солдаты¹.

Пользовались любовью войск и Салтыков, и Румянцев. Однако ни кунерсдорфский победитель, ни кагульский герой не были для солдат тем, чем стал для них Суворов. «Великолепный князь Тавриды» Потёмкин «худо спал» от заботы о солдатах, а они распевали про него:

Вор-Потёмкин генерал
В своём полку он не бывал².

Потёмкин смотрел на солдата, как на «стража целости отечества», писал разумные, продиктованные трезвой необходимостью соображения о «туалете солдатском», ввёл в армии новое удобное обмундирование, но солдаты не считали его своим. Он мог потребовать себе солдатского квасу или каши, но делалось это им не по-суворовски: в Потёмкине то было прихоть, пресыщенностью тонкими яствами, и солдат знал, что расшитый шатёр, раскинутый посреди лагеря, китайской стеной отгораживает Потёмкина от солдатской палатки. Только один Суворов может быть назван в полном смысле слова *первым солдатом* среди своих подчинённых.

Военная служба, начатая с «долговременного бытия в нижних чинах», крепкой внутренней спайкой связала Суворова с солдатской средой, — в этом тайна его неотразимого влияния на солдат. Суворов, как никто, знал и любил русского солдата, ибо плечо о плечо с ним прошёл весь длинный путь военной службы — от капрала до главнокомандующего. Это не значит, что, держа себя с ним на равной ноге, Суворов допускал запанибратское отношение к себе. В суворовских войсках существовала строгая дисциплина, но основанная на чувстве глубокого уважения к достоинству человека. Петровское правило, обязывающее командира блюсти «целость солдата», было хорошо усвоено и осознано Суворовым. «Солдат дорог», — внушал Суворов, наставляя офицеров внимательно относиться к каждому рядовому в отдель-

¹ «Архив князя Воронцова», кн. VIII, М., 1876, стр. 95—96.

² Петрушевский, т. III, стр. 377.

ности («взирать на каждого особо»), молодых рекрутов приучать к службе исподволь, «со старыми не равнять», пока не окрепнут. «Удержание здоровья» в войсках путём упорядочения санитарного состояния армии составляло всегда предмет неусыпных забот Суворова. Того же требовал он и от своих подчинённых, строго взыскивая с тех, чьим «небрежением» развивались болезни и росла смертность в войсках. Суворов при этом прекрасно понимал, что не всем придется по душе его приказы «о сохранении здоровья» или выработанные под его руководством «правила медицинским чинам». В письме к П. И. Турчанинову из Екатеринослава от 13 декабря 1792 года он передаёт колоритный диалог с одним из своих ординарцев: «Зыбин, что вы бежите в роту, разве у меня вам худо, скажите по совести?»—«Мне там на прожиток в год 1 000 рублей».—«Откуда?»—«От мёртвых солдат». Смысл этих коротких реплик понятен: заболевшие или умершие солдаты не показывались в делах выбывшими из полка, а за счёт этих «мёртвых душ» наживались разные армейские Чичиковы. Со свойственной ему настойчивостью Суворов добивается улучшения качества провианта, отпускаемого для солдат, и тут наталкиваясь на разного рода злоупотребления. Зная, что мелкие хищники часто прячутся за расшитые спины знатных покровителей, Суворов смело заявляет: «Кого бы я на себя ни подвиг, мне солдат дороже себя; лучше его я имею способы к самоблюдению»¹.

Если про Суворова без преувеличения можно сказать, что он относился к солдатам, как отец к детям, то и они в свою очередь относились к нему, как дети к отцу: любили, боялись и берегли его. Субординация не клала преграды между ними. Он болел душой за «вверенное» ему войско; суворовцы охраняли *вверенного* им полководца. Участник швейцарской эпопеи, повествуя о переходе через гору Бинтнерсберг, рассказывает: «Глаза мои встречали нашего неутомимого вождя, бессмертного Суворова. Он сидел на казачьей лошади, и я слышал сам, как он усиливался вырваться из рук двух шедших по сторонам его дюжих казаков, которые держали его самого и вели его лошадь; он беспрестанно

¹ Приказ 1787 г. — Масловский Д. Ф., Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потёмкина и П. А. Румянцева..., СПб., 1893, стр. 8; «Сборник Русского исторического общества», т. I, СПб., 1867, стр. 285; письмо к П. И. Турчанинову — Петрушевский, т. II, стр. 20.

говорил: «Пустите меня, пустите, я сам пойду!» Но усердные его охранители молча продолжали своё дело, а иногда с хладнокровием отвечали: «Сиди!» И великий повиновался»¹.

Много громких побед одержал на своём веку Суворов. Плоды одних были вырваны из его рук завистниками и недоброхотами, результат других был испорчен тупоумием людей, ничего не смысливших в военном деле. Но одной крупнейшей победы не мог его лишить никто, она навсегда осталась за ним: он завоевал души своих солдат.

Это блестящее завоевание было осуществлено им в итоге многолетнего личного примера. Всё, чему учил он своих подкомандных и чего от них требовал, было предварительно пройдено и проделано им самим. Не брезгуя никакой чёрной работой, Суворов-полковник с удовлетворением писал: «Знают офицеры, что я сам то делать не стыдился.. Суворов был и майор, и адъютант, до ефрейтора, сам везде видел, каждого выучить мог»². И величайшим предметом гордости для Суворова всегда было сознание, что солдат с него пример берёт.

В этом отношении из всех русских полководцев до Суворова с ним можно сравнить опять-таки лишь одного Петра. Для него не существовало мелочей, всё оказывалось важным и требующим его внимания. Он сам показывал пример субординации, последовательно проходя сухопутную и морскую службу с низших чинов. Позволяя повышать себя в чине лишь за действительные военные заслуги, Пётр-барабанщик дослужился до полного генерала. Желая с точностью определить размер солдатского пайка, Пётр в течение месяца жил солдатской жизнью и выполнял все солдатские обязанности. О таком Петре поётся в песне:

Сам ружьём солдатским правил,
Сам и пушку заряжал³.

И знаменательно, что в памяти народа некоторые песни и сказания о Петре перерождаются позднее в песни и предания о Суворове.

¹ Орлов Н. А., Поход Суворова в 1799 г. по запискам Грязева, СПб., 1898, стр. 121.

² Письмо к И. И. Веймарну — Петрушевский, т. I, стр. 67.

³ «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 9. М., 1872, дополнения, стр. XXXVIII

Суворовская «Наука побеждать» — плод не только военного гения, но и многолетних наблюдений проницательного психолога, заглянувшего в глубины души русского воина, — возникла как противовес схематически-сухой системе Фридриха II, основанной на полном пренебрежении к солдату-человеку и считавшейся в ту пору последним словом военного искусства. Понятно поэтому, что когда венчаный маньяк Павел I, смотревший на солдата как на движущийся автомат, стал *преобразовывать* русскую армию на прусский лад, возмущению Суворова не было предела. Нововведения Павла опрокидывали всю полувековую «практику» солдата-полюководца, подменяли основные положения науки побеждать, выдержавшие огненное испытание на полях сражений, мёртвыми правилами отжившего военного устава, найденного «в углу развалин древнего замка, на пергаменте, изъеденном мышами»².

Новый 1797 год Суворов встречает запиской под многоговорящим заглавием: «Буря мыслей». Эту «бурю» вызывают в нём павловские *реформы*, прежде всего больно задевавшие патристическое чувство Суворова. «Русские прусских всегда бивали; что ж тут перенять?» — спрашивает он, намекая на слепое преклонение Павла пред системой Фридриха².

Какая разница между полной достоинства субординацией Суворова и палочной дисциплиной Павла II! Суворов не обвиняя называет её «тиранством»: «Милосердие покрывает строгость. При строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство. Я строг в удержании здоровья, истинного искусства благонравия, — милая солдатская строгость. А за сим — общее братство. И во мне строгость по прихотям была бы тиранством»³.

Достаётся от Суворова и прочим частностям военного устава Павла. С большой едкостью и сарказмом нападает он на замену прежнего обмундирования новым — маскарадным нарядом, не пригодным не только к условиям похода, но и к обстановке военной службы в мирное время. Взбалмошному реформатору до этого не было дела: старая форма была ему

¹ Письмо к Д. И. Хвостову, январь 1797 г. — Петрушевский, т. II, стр. 347.

² Петрушевский, т. II, стр. 345.

³ Письмо к Д. И. Хвостову от 12 января 1797 г. — «Красный архив», 1941, т. 3 (106), стр. 164.

ненавистна, ибо она была введена в войсках ненавистным ему Потёмкиным.

Князь Таврический умел порою откликнуться на нужды русского солдата. Его соображения относительно обмундирования русских войск целиком разделялись Суворовым, и последний вполне мог бы скрепить своей подписью замечания Потёмкина по этому поводу: «Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов. Если бы можно было счесть, сколько выдано в полках за шегольство палок и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет. Простительно ли, чтоб страж целости отечества удручён был прихотьюми, происходящими от вертопрахов, а часто и от безрассудных»¹.

И вот царственная прихоть превращает этого «стража» родины в какой-то костюмированный манекен, «удручает» его голову напудренной причёской с косой, перевитой чёрной лентой, а ноги — лакированной обувью со множеством всяких крючков, подтяжек и петель. Глядя на эту дикую форму, Суворов мечет афоризмами; летучая молва подхватывает их и разносит по свету: «Косой не колоть, буклей не пашить, пудрой не стрелять», «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак; я не немец, а природный русак». В письмах Суворов ещё резче обрушивается на прусский образец нововведённого обмундирования: «Нет вшивее пруссаков, лаузер или вшивень назывался их плащ; в шилтгаузе и возле будки без заразы не пройдёшь, а головную их поцию вам подарят обморок. Мы от гадины были чисты, и первая докука ныне солдат — штиблеты: гной ногам...»²

Нужно было быть безнадёжно тупым, чтобы слепо подражать *внешним* формам чужой военной системы, когда сами иностранцы начинали сознавать *внутреннее* превосходство суворовской системы. Вот что писал ещё в 1795 году один немец: «Русские только одни могут переменить нашу в немецкой земле войну. Суворова с 30 000 довольно; 60 000 без него мало. Когда победителя Шверина убили в Праге, бесподобный Фридрих говорил: я потерял в нём 10 000 человек. Что касается вашего Суворова, я стою ценю втрое больше. Фабий побеждал, удаляясь от сражения, а Суворов

¹ Дубровин Н. Ф., А. В. Суворов среди преобразователей катерининской армии, СПб, 1886, стр. 109—110.

² Петрушевский, т. II, стр. 350—351; Лёвшин, стр. 159; письмо к Д. И. Хвостову, январь 1797 г. — Петрушевский, т. II, стр. 347.

побеждает, наступая на неприятеля. Ежели б наши немецкие войска имели начальником своим пол-Суворова, Французы бы не прогнали их до Майнца...¹ Суворов только может спасти и спасёт, когда во всём вручено будет его попечению. Ежели бы войско и всё составлено было из героев, не может оно ничего произвести в дело, когда начальник лишён головы или принуждён требовать от военного совета, что ему делать?!. ...Суворовские курьеры всегда привозят известия о победах, а курьеры императорские спрашивают позволения побеждать»².

После суворовских побед перенимать отжившую, «протухлую» систему Фридриха мог только человек, для которого солдат не существовал за чертой плацпарада. Между тем военное искусство Суворова вытекало из повседневного общения с солдатом в живой жизни. Суворов не терпел ничего, отзывавшегося кабинетными расчётами. В своей автобиографии он говорит: «Никакой баталии в кабинете выиграть не можно и теория без практики мертва»³.

На лучезарном закате своего боевого поприща, в героические дни итальянского и шведского походов, «полевому солдату» Суворову пришлось выдерживать трудную и упорную борьбу с кабинетными стратегами Вены, пытавшимися всячески сковать самостоятельность его действий как главнокомандующего союзной русско-австрийской армией. Вне себя от нелепых и часто унижительных для него предписаний венского гофкригсрата (придворного военного совета) Суворов заявлял, что не может нести службу, «когда хотят операциями править за тысячи вёрст, не зная, что всякая минута на месте заставляет оные перемывать». Между тем «проекторы, элоквенты, пустобаи» гофкригсрата, возглавляемые бароном Тугутом, настаивали на беспрекословном исполнении их планов, без каких-либо от них отступлений, хотя бы и вынужденных непредусмотренными обстоятельствами. Как это расходилось с «практикой» Суворова, чьи краткие директивы всегда чётко намечали основные контуры его военного замысла, но в деталях его осуществления никогда не связывали самостоятельности

¹ Имеется в виду взятие города Майнца в 1792 г. французским генералом Кюстином.

² Письмо надворного советника Вердье от 25 января 1795 г. из Гессена — Марченко А. В., Суворов в своих рукописях. СПб., 1900, стр. 40—41.

³ «Русский архив», 1900, вып. 5, отдельное приложение, стр. 8.

исполнителей! Вспомним письмо Суворова к графу И. Е. Ферзену из Варшавы от 5 ноября 1794 года: «Рекомендую вашему превосходительству полную *решимость*. Вы генерал! Я издали, и вам ничего приказать не могу. Иначе стыдно было бы: вы локальный. Блудите быстроту, импульсию (натиск — К. П.), холодное ружьё...»¹.

Страдая лихорадкой, подхваченной им в Италии, Суворов в августе 1799 года пишет графу П. А. Толстому: «Я уже с неделю в горячке, больше от яду венской политики». Этой горячкой пышут его итальянские и швейцарские письма. «Сия сова не с ума ли сошла или того никогда не имела?» — с раздражением спрашивает он, имея в виду Тугута. «Начало моих операций, — объясняет Суворов императору Павлу, — будет и должно зависеть единственно от обстоятельств времени, назначение которому венский гофкригсрат делает по старинному навыку к таковым идеальным политическим выметкам. Бесперывные от того последовавшие неудачи, помрачавшие славу австрийского оружия, не научили его ещё поныне той неоспоримой истине, что от единого иногда мгновения разрешается жребий сражения. Столь же мало послужило ему полезным уроком и то, что быстрое, неслыханное и безостановочное нанесение неприятелю удара за ударом, приводя его в замешательство, лишает его всех способов оправляться»².

Свое единоборство с Тугутом Суворов рассматривает как своего рода патриотический долг. Он знает: «Меня не будет, не будет никого, кто против Тугута правду скажет». Правду о том, что австрийцы хотят загребать жар чужими, русскими руками, что невежественный гофкригсрат подкапывается под него, Суворова, как чужестранца, что австрийские генералы не гнушаются заведомой клеветой «для очернения даже наших войск», тех самых войск, которые вливали «в уладший дух австрийцев соревнование», — эту правду Суворов разглашает открыто и смело³.

Большой помехой Суворову была деятельность русского посла в Вене графа А. К. Разумовского, бывшего пешкой

¹ Письмо к гр. Ф. В. Ростопчину — Петрушевский, т. II, стр. 192; «Отечественные записки», ч. X, № 24, апрель 1824, стр. 107.

² Милютин, т. III, стр. 421; «Русская старина», т. СII, 1900, май, стр. 316; Милютин т. II, стр. 436.

³ Петрушевский, т. III, стр. 215—216; там же, стр. 148, 152; Милютин, т. III, стр. 486.

в руках Тугута. Своим подслуживанием австрийскому министру Разумовский выводил Суворова из себя. Напоследок Суворов вовсе отказался от непосредственных сношений с досадившим ему послом и демонстративно вступил в переписку с его помощником и будущим преемником — С. А. Колычёвым. «Будьте твёрды, — увещевал его Суворов, — не заразитесь воздухом совиного гнезда; чуть вы гибки, — Тугутова гибкость вас одолеет и будете в узде, как граф Андрей Кириллович»¹.

Накинуть узду на Суворова Тугуту не удалось, — *гибкости* в русском полководце не было. А потому австрийское командование вероломно покинуло своего союзника в альпийских снегах. Только благодаря гениальности своего вождя и собственной самоотверженности, ценой жестоких испытаний и тяжких жертв суворовская армия прорвала опутавшую её паутину предательства и преодолела горные кручи Швейцарии. Враги Суворова злорадствовали: знаменитый «генерал Вперёд» *отступил*.

Суворов горячо возражал на эти обвинения: «Во всю жизнь свою я не знал ни отступления, ни обороны». Не только *понятие* отступления было изгнано из его военного катехизиса, но и самое *слово* «ретирада» вычеркнуто из словаря военных терминов, употребительных в его войсках. «Нет ретирады», — гласит один из приказов Суворова 1774 года. «Ни о каких ретирадах в пехоте и кавалерии не мыслить», — сказано в «Науке побеждать». В заметках, диктованных Суворовым в сентябре 1798 года в селе Кончанском генерал-майору Прево де Люмиану и содержащих соображения Суворова касательно предстоящей войны с Францией, мы снова встречаем запрет «помышлять о ретирадах»².

Хотячее мнение представляет Суворова действующим всегда наступательно, наперекор любым обстоятельствам Французский генерал Моро, разбитый Суворовым при Касано, отзывался о нём как о полководце, «который обла

¹ «Русская старина», т. СII, 1900, май, стр. 318. Употреблённое в тексте письма сокращённое обозначение: «Г. ан. К.» раскрыто в «Русской старине», как: «Г[енерал] ан[шеф] К[орсаков]», тогда как, совершенно очевидно, следует читать: «Г[раф] Ан[дрей] К[ириллович]», то есть Разумовский.

² Письмо Суворова к эрцгерцогу Карлу от 21 октября/1 ноября 1799 г. — Милютин, т. IV, стр. 375; Масловский, вып. II, примечания и приложения, стр. 68; Милютин, т. I, стр. 261.

дает стойкостью выше человеческой, который погиснет сам и уложит свою армию до последнего солдата, прежде чем отступит на один шаг»¹.

И, однако, он действительно отступил; но отступил так, что Ф. В. Ростопчин с восхищением писал ему: «В Вене ваше последнее чудесное дело удостоивают названием *une belle retraite* (прекрасное отступление — К. П.); если бы они умели так ретироваться, то бы давно завоевали всю вселенную»².

Суворовское военное искусство не было статичным: он постоянно развивал его «непрестанной наукой» и непрестанной «практикой». Вот почему Суворова-полководца необходимо изучать в его эволюции.

«Глазомер» Суворова подсказывал ему, что «все кампании различны между собой»³. Итальянский поход обогатил его новым опытом. В 1799 году «Наука побеждать» расширяется и дополняется новым понятием — *прекрасного отступления*.

Когда Суворов затыкал уши при слове «ретирада» или издевался над «подлой обороной», он руководствовался прежде всего педагогическими соображениями. Подводя итог наставлениям Суворова, М. Драгомиров следующим образом пересказывает его мысли об отступлении: «Избегайте, как величайшей опасности, всех тех упражнений, которые отвечают инстинкту самосохранения и, следовательно, могут дать ему пищу; и, наоборот, давайте возможно большее развитие упражнениям, воспитывающим человека в упорстве, бесстрашии, решимости, находчивости, готовности на все неожиданности; солдат подобного закала будет хорошо отступать, ибо для этого важно знать не механическое движение отступления, но именно быть упорным, бесстрашным, предприимчивым»⁴. Считая, что обучать солдат механическим приемам отступления незачем («инфлюенция их, — то есть влияние, — солдату весьма вредна»), Суворов был

¹ Цитируется по книге Н. А. Орлова «Разбор военных действий Суворова в Италии...», СПб., 1892, стр. 323.

² Петрушевский, т. III, стр. 283.

³ См. рассуждения Суворова по поводу войны 1799 г. Французский подлинник — Милютин, т. V, стр. 479; перевод — Фукс Е., История российско-австрийской кампании 1799 г..., ч. III, СПб., 1826, стр. 654.

⁴ Драгомиров М. И., Сборник оригинальных и переводных статей..., т. II, СПб., 1881, стр. 232.

далёк от того, чтобы уложить всю армию до последнего человека, лишь бы устоять на месте. Суворов дорого ценил жизнь своих воинов: вся земля не стоила в его глазах «одной капли бесполезно пролитой крови».

Ратуя за наступательную тактику, «победительную атаку», предписывая Багратиону «от ретирад отучить» необученные тирольские войска, Суворов в то же время с исчерпывающей ясностью изложил свой взгляд на отступление в замечательном письме к австрийскому генералу Краю: «Ни одного поста не должно считать крепостью; нет стыда уступить пост превосходному в числе неприятелю; напротив, в том и состоит военное искусство, чтобы во-время отступить без потери; упорное же сопротивление для удержания иного поста стоило бы дорого, между тем впоследствии придётся, всё-таки, отдать его превосходному неприятелю... Уступленный пост можно снова занять, а потеря людей невозвратима; нередко один человек дороже самого поста»¹.

На итальянском театре войны Суворов не раз отдаёт приказания об отводе войск на прежние позиции. Так, форт Серавалле, осаждённый Багратионом, не заслуживал, по мнению Суворова, больших жертв, и он предоставляет неустрашимому «князю Петру» полную волю — в случае, если обнаружится неравенство сил, — отойти заблаговременно назад².

Подобно Петру I, Суворов признаёт только активную оборону. Но и отступление становится в его руках средством активного сопротивления; это не та «гадкая ретирада» (*garstige Retraite*), которую он старался вытравить из сознания австрийцев. Суворов «оглядывается назад», но не с тем, чтобы бежать, а чтобы напасть³.

На это с полной определённостью указывает следующая диспозиция Суворова: «Неприятель наступает через Акви, Сильвано, Гави, Арквату, С. Себастьяно. Аванпосты, стоящие на означенных дорогах, должны получить верные сведения о неприятеле; держаться лишь против слабых отрядов, но стараться захватывать пленных, а перед пре-

¹ См. ниже (стр. 36) письмо Суворова к кн. П. И. Багратиону от 30 мая 1799 г. и в приложениях письмо к бар. Краю.

² Петрушевский, т. III, стр. 156—157, 159.

³ «Keine garstige Retraite» — гласит стихотворное предписание Суворова генералу Меласу, написанное перед сражением при Нови. — Петрушевский, т. III, стр. 160; Фукс, Анекдоты, стр. 168.

восходными силами отступить; ибо никакого от армии подкрепления ожидать не должны, так как цель наша — выманить неприятеля на равнину»¹.

Биограф Суворова А. Петрушевский яркими красками изображает, что представляло собой *суворовское* отступление. Даже тогда, когда о скором контрнаступлении не могло быть и речи, когда русская армия в Швейцарии была истощена от недостатка продовольствия и в сумках солдат оставались лишь считанные патроны, — и то «суворовские батальоны не ограничивались сдерживанием французов, переходили в атаку, дерзко бросались в штыки и не только останавливали сильного неприятеля, но заставляли его осаживать назад»².

В героический месяц альпийской эпопеи двойная забота волновала Суворова: забота о чести русского оружия и забота о людях, чья жизнь была ему доверена. В дни, когда союз России с Австрией уже висел на волоске, Суворов писал Колычёву: «При сём для сведения вашего превосходительства препровождаю переписку мою с эрцгерцогом (Карлом, главнокомандующим австрийской армией. — К. П.). Недовольствие его, что я не соглашаюсь на его требования, обнаруживается довольно в сих бумагах; но слава и честь высочайше вверенного мне войска для меня священнее, и все замыслы Тугута не вовлекут меня в расставленные им сети; я твёрдое принял намерение дать войскам нашим нужный отдых, снабдить их всеми потребностями, и потом уже расположить свои действия».

Отступая, Суворов обдумывал план «открытия новой кампании», лелея мысль предпринять новое наступление»³.

Швейцарский поход явился блестящим подтверждением афоризма Суворова: «Где проходит олень, там пройдёт и солдат». Под колючим снегом альпийских вершин, в своём поношенном, «ветром подбитом», плаще Суворов провёл своих «чудо-богатырей», воодушевляя их горящим взором и бодрящим словом. И несмотря на то, что они видели своего полководца живущего их жизнью, знали что он спит на соломе и грызёт солдатские сухари, он казался им каким-то сказочным богатырём, производил впечатление везде-

¹ Милютин, т. III, стр. 301.

² Петрушевский, т. III, стр. 277.

³ Письмо к С. А. Колычёву от 17 октября 1799 г. из Линдау — «Русский архив», 1869, вып. 2, стлб. 210; Милютин, т. IV, стр. 188, 355.

, сущности. Как и в дни прежних походов, «он был повсюду: и в передовых войсках (в авангарде), и в замке войск (в аррьергарде); всё видел и во всех вливал дух порядка, дух богатства. — Чудны были дела его!.. Неутомима деятельность!..»¹

V

Перемена курса внешней политики Павла I не позволила Суворову осуществить его военных замыслов, а годы и неутомимая деятельность сломили его силы. Больным возвратился он на родину, где ожидали его высочайшие оскорбления и смерть.

Суворова не стало, но он завещал потомству своё военное искусство и свой пример.

Следовать за Суворовым можно и должно, подражать — нельзя.

Нескольких Суворовых не бывает: это явление слишком самобытное, слишком исключительное. Важно быть *суворовцем*, оставаясь самим собою. Кутузов был настоящим суворовцем, но прежде всего — *Кутузовым*.

На первый взгляд может показаться, что между двумя великими русскими полководцами мало общего и, наоборот, очень много несходного.

Любители классических сравнений называли Кутузова Фабием. Кунктатор (Медлитель) представлялся им прототипом Кутузова. «Он решился выждать и преуспел», — писала о русском фельдмаршале французская писательница Сталь².

Современники изошрялись в сочинении подобных параллелей между Суворовым и Кутузовым: «Один быстр — как Цезарь; другой медлен — как Фабий. *Быстрота, глазомер, натиск* — тактика нашего Цезаря; *спеши медленно* — нашего Фабия. Одно слово *ретирада* приводило Суворова в гнев и исступление... Кутузов, со скорбным молчанием, отдаёт врагу первопрестольный град, и донесение, что *потеря Москвы не есть потеря России*, окропляется его слезами»³.

Эта параллель — образчик поверхностного суждения. Не в том дело, что Суворов был худ и подвижен, а Кутузов ту-

¹ «Москвитянин», 1842, ч. VI, № 12, стр. 303.

² «Русская старина», 1872, май, стр. 701, перевод с французского.

³ Фукс, Суворов и Кутузов — «Собрание разных сочинений», СПб., 1827, стр. 157, 158.

чен и неповоротлив; что первый был аскет, а второй — гастроном; что один, являясь ко двору, щеголял пренебрежением к «светским наружностям», а другой почтительно подчинялся этикету, ни на минуту, впрочем, не роняя собственного достоинства. Дело не в том, что Суворова, при всей его многогранности, можно определить вполне лишь двумя словами, слившимися в одно понятие, — *солдат-полководец*, в то время как Кутузов был и сановником, и вельможей, и дипломатом. Важно другое. Кутузов-полководец образовался в суворовской школе: пройдя через неё, он стал тем, чем он был для солдат, — не тенью Суворова, а Кутузовым, *русским полководцем*. Его назначение главнокомандующим в 1812 году было встречено в войсках как настоящий праздник: «Приехал Кутузов бить французов». С ним вместе пришла к солдатам уверенность в победе.

Но мысль о победе в представлении русских воинов была неразлучна с воспоминаниями о Суворове. Вот почему, когда Кутузов, обращаясь к солдатам, воскрешал в их памяти заветы великого полководца, это вызывало восторг и воодушевление: «Кутузов любит, Кутузов помнит Суворова»¹.

Как было ему забыть того, чьей «правой рукой» он был под Изнамлом, кто ценил его военные способности, его мудрую хитрость, не позволявшую кому бы то ни было обойти и обмануть его!

Получив специальное военное образование, Кутузов был одним из просвещёнейших людей своей эпохи. Знавший однако хорошо как теорию, так и практику военного дела, Кутузов состоял одно время директором Сухопутного кадетского корпуса, с которым в годы своей молодости был тесно связан и Суворов. На этом посту Кутузов показал себя опытным администратором и искусным руководителем.

Кутузов имел огромное нравственное влияние на солдат. Он умел говорить с ними на их языке. В общении с солдатами, в трудах войны Кутузов словно перерождался: сибарит и любитель комфорта, он преспокойно почивал на соломе и по-суворовски, а не по-потёмкински довольствовался солдатской кухней.

Кутузов как бы выбрал своим девизом суворовские слова: «Солдат дорог». Русского солдата Кутузов берёг, как зеницу ока; за десятерых французов он отказывался отдать

¹ Глянка С., Русские анекдоты военные и гражданские, ч. V, М., 1822, стр. 74.

одного русского. Обескровить, ослабить противника и, наконец, «проломать ему голову» было основной целью Кутузова; этой цели он добивался твёрдо и неуклонно, но не жертвуя ни единой каплей «бесполезно пролитой крови» своих воинов. «Какая от того польза отечеству, если, захотев блеснуть храбростью, владимся в опасность бесполезную? — говорил он. — Не тот истинно храбр, кто по произволу своему мечется в опасность, а тот, кто повинуется»¹.

От солдат и командиров Кутузов требовал стойкости в бою. Ему принадлежат известные слова: «Ни шагу назад — стоять на смерть». В разгар бородинской битвы он карандашной запиской предписывает генералу Дохтурову «держаться» во что бы то ни стало до тех пор, пока от него не последует приказ об отступлении. И он же на знаменитом военном совете в Филях, вопреки мнению большинства генералов, рвавшихся сразиться с врагом, властью главнокомандующего приказал отступить.

Во всех трёх случаях Кутузовым руководил исключительный дар «глазомера» и дальновзоркости.

Кутузовское отступление не было поражением, ибо благодаря ему отступление Наполеона превратилось в настоящее бегство. История русского военного искусства до Кутузова могла гордиться только двумя блестящими образцами отступления: я разумею вывод русских войск из Гродно в 1706 году² и возвращение суворовской армии из Швейцарии в 1799 году. Все три отступления, осуществлённые тремя великими русскими полководцами — Петром I, Суворовым и Кутузовым, — в совершенно различных условиях преследовали общую цель: сохранить величайшую ценность армии — её живую силу.

Не один Кутузов из героев отечественной войны 1812 года был отмечен суворовской печатью. Целый выводок славных русских полководцев вырос под крылом Суворова.

Если Кутузов был правой рукой Суворова при взятии Измаила, то в продолжение всей войны 1799 года правой рукой его был бесстрашный Багратион, умевший с одного намёка понимать своего начальника. «Мой Багратион, — говорил о нём Суворов, — имеет присутствие духа, расто-

¹ Глинка С., Русские анекдоты военные и гражданские, ч. V, М., 1822, стр. 91.

² В 1706 году русская армия в Гродно была блокирована шведами, но выведена из окружения без потери единого человека.

ропность, отважность и счастье». По словам близко знавшего его Д. Давыдова, Багратион «почерпнул в этой бесмертной войне ту быстроту в действиях, то искусство в изворотах, ту внезапность в нападениях, то единство в натиске, которые приобрели ему полную доверенность, неограниченную любовь и глубокое уважение всей армии»¹.

Неискущённому глазу таланты Багратиона открывались не сразу. «В беседе с ним его не увидишь», — сказал Суворов². Не получив военного образования, Багратион искупал недостаток теоретических знаний огромным боевым опытом. Он умел показывать товар лицом лишь на полях сражений. Недаром Наполеон считал его лучшим генералом русской армии.

Но Суворов знал, что Багратион не только опытный военачальник, но и надёжный военный наставник. Именно ему поручил он передать австрийским войскам графа Бельгарда «тайнство» своей «Науки побеждать»³.

Решительный, смелый, горевший любовью к отчизне, с характером пылким и открытым, Багратион обладал ключом к сердцу русского солдата, умением возвышать его дух, превращать слабых и робких в настоящих героев. Отстаивая свою позицию при Бородине, Багратион показывал пример воинского долга и стойкости; его унесли с поля битвы смертельно раненным.

Воодушевляющая сила личного примера всегда была отличительной чертой суворовцев, могущественным военно-воспитательным средством в их руках.

Однажды во время швейцарского похода русские войска в замешательстве остановились на краю крутого спуска к деревне Урзерн, куда им было приказано идти. «Посмотри-

¹ Фукс, Анекдоты, стр. 50; Давыдов Д. В., Материалы для истории современных войн — «Сочинения», т. I, СПб., 1893, стр. 130.

² Фукс, Анекдоты, стр. 50.

³ «Славянин», 1827, № 6, стр. 99—100 — письмо Суворова к Багратиону от 30 мая 1799 г.: «Князь Пётр Иванович! Графа Бельгарда войска из Тироля приидут под Александрию необученные, чужды действия штыка и сабли. Ваше сиятельство, как прибудете в Асти, повидайтесь со мною и отправьтесь не медля к Александрии, где вы тайнство побиения неприятеля холодным ружьём бельгардовым войскам откроете и их к сей победительной атаке примерно направите. Для обучения всех частей довольно 2—3 раз: и коли время будет — могут больше сами учиться; а от ретирад отучите. Наблюдайте сие крепко и над российскими. Скорее возвращайтесь к своей команде».

ге, как возьмут в плен вашего генерала!» — закричал Мило-
радович и с этими словами на спине скатился с утёса в рав-
нину. Этого было достаточно, чтобы солдаты бросились за
любимым начальником и стали мигом выстраиваться в виду
неприятеля¹.

Исключительно цельный и законченный образ командира-
суворовца представляет Кульнев.

Воспитанник Сухопутного кадетского корпуса, он вполне
отвечал тем требованиям, которые предъявлял Суворов к
молодым офицерам. Знаток истории, Кульнев умел по-своему
осмыслять исторические события и ставить в пример своим
подчинённым подвиги русских и римских героев.

Кульнев был настоящим питомцем суворовской школы,
проводившим в жизнь все основные положения «Науки по-
беждать».

«Я не сплю и не отдыхаю, — чтобы армия спала и отды-
хала», — говаривал он. Ложась спать, он только снимал
саблю и клал её у изголовья. В течение ночи его будили по
семи-восьми раз возвращавшиеся разведчики, имевшие при-
казание докладывать ему в любое время о результатах
разведок².

Перед лицом врага Кульнев был бесстрашен. «Чем ближе,
тем видней», — сказано в одном его приказе эпохи фин-
ляндской войны 1808 года. Он сурово преследовал всякое
проявление трусости и малодушия. Денис Давыдов в своих
воспоминаниях о Кульневе говорит, что «он был неумолимо
строг к солдатам, уклонявшимся от неприятельских выстре-
лов и оставлявшим свои места под предлогом снабжения себя
патронами, в замену из стрелянных ими». Тот же Д. Давыдов
приводит красноречивый приказ Кульнева одному офицеру:
«...Ежели бы у вас осталось только два человека, то честь
ваша состоит в том, чтоб иметь неприятеля всегда на глазах
и обо всём меня уведомлять. Впрочем, старайтесь отста-
ивать пункт, который вы защищаете, до самого нельзя; к
ретираде всегда есть время, к победе редко»³.

Нарушение воинской дисциплины и притеснение мирных
жителей карались Кульневым так же строго, как и недоста-
ток стойкости в бою. Основным правилом Кульнева было:
«Солдат должен быть чист честью». Попечительный о нуж-

¹ См. Милютин, т. IV, стр. 45.

² Давыдов Д. В., Воспоминание о Кульневе в Финляндии —
«Военные записки», М., 1940, стр. 147.

³ Там же, стр. 156, 150.

дах своих войск, Кульнев считал, что обеспечение солдата как в мирное, так и в военное время всем необходимым служит залогом его нравственной крепости. «У голодного брюха нет уха», — любил повторять он¹.

Кутузов, Кульнев, Д. Давыдов продолжают благородную русскую традицию гуманного обращения с военнопленными. Холодная жестокость Фигнера вызывает негодование со стороны Д. Давыдова и оправдывает справедливость суворовского утверждения: «Гражданские доблести не заменят бесполезную жестокость в поисках»².

Благоговей перед Суворовым, при котором он служил во время польской войны 1794 года, Кульнев во многом следовал его примеру. Из всех современных ему русских генералов Кульнев более других может быть назван командиром-солдатом. Но солдатские привычки Кульнева не были наигранными, а вытекали из его тесной повседневной близости с солдатской средой.

Смерть Кульнева была осуществлением его мечты — пасть на поле брани, «пожертвовать последнюю каплю крови.., защищая отечество»³.

Из тёплых воспоминаний Д. Давыдова вырисовывается цельный и героический образ Кульнева, этого русского сердцем и умом полководца. «Он был таким, — пишет Давыдов, каким мы представляли себе россиян того времени, когда все их сделки, все их обещания, все клятвы их скреплялись одним словом: «Да будет мне стыдно» и соблюдались не от страха законов, а от страха упреков собственной совести»⁴.

Пробуждение и развитие этого чувства ответственности воина перед самим собою — быть может, одно из самых блестящих достижений военно-воспитательной системы Суворова, нравственный стержень созданной им национальной школы русского военного искусства.

К славному в русской военной истории семейству суворовцев вполне принадлежит и Д. В. Давыдов. Девятилетним мальчиком он видел Суворова. Прославленный полководец перекрестил грудь ребёнка и заронил воинственную искру

¹ Давыдов Д. В., Воспоминание о Кульневе в Финляндии — «Военные записки», М., 1940, стр. 147.

² Письмо к Д. И. Хвостову от 12 января 1797 г. — «Красный архив», 1941, т. 3 (106), стр. 164.

³ Давыдов, Воспоминание с Кульневе..., стр. 152.

⁴ Там же, стр. 153, 154.

в его сердце. Маленький Денис воспитывался в суворовских традициях, в чувстве вражды к «гатчинцам», заглушавшим корни военно-воспитательной системы Суворова. Посвятив себя военной службе, Давыдов-офицер видел претворение в жизнь суворовских заветов в деятельности своих начальников — Багратиона и Кульнева. Как и они, он принадлежал к так называемой «русской партии» в среде высшего офицерства александровской эпохи. Отсюда его ненависть к «пруссачеству», то есть ко всему, что противоречило духу военной школы Суворова; штабных генералов — советчиков Александра I и Николая I — Давыдов называл «бездарными невеждами, истыми любителями изящной ремешковой службы». Сам он «избирал все роды службы (кроме постыдных), чтобы быть полезнее, от первого до последнего выстрела не отступая с передовых постов армии...»¹

В натуре Давыдова были черты, сродные с натурой Суворова. Если о кн. Н. В. Репнине Суворов однажды высказался так: «Князь Репнин упражнялся больше в дипломатических изворотах; солдатского мало», то в Денисе Давыдове как раз было очень много *солдатского*. Давыдов в мирное время или в отставке тяготится покоем, скучает в бездействии, не скрывает своей злобы «на гонителей или на сгонителей с поля битв на пашню», считает, что он «ещё слишком молод для сохи и мыслями и чувствами». Но он совершенно преобращается, когда вокруг него грохочут пушки, развеваются ратные знамёна, раздаются взрывы победных кликов: «Теперь я пан, ...я уже теперь в моей стихии, ...я среди сего хаоса кручусь, как перо в вихре; ...я опять солдат, опять человек»². Эти строки мог бы написать Суворов.

Гоголь сравнивал Пушкина с «поэтическим огнём, от которого, как свечки, зажглись другие самоцветные поэты». Это сравнение хочется применить к Суворову. От его «огня» загорелись другие «самоцветные» герои. На небосклоне нашей родины наряду с пушкинской плеядой поэтов мы созерцаем суворовское созвездие полководцев. Ярче всех сверкает главная звезда этой плеяды — Суворов, но и мерцающие вокруг большие и малые светила горят своим, а не отражённым блеском.

¹ Письмо Д. В. Давыдова к И. В. Васильчикову, 1814 г. — Давыдов Д. В., Военные записки, М., 1940, стр. 16.

² «Отечественные записки», 1841, т. XIV, отд. II, стр. 4; Давыдов Д. В., Военные записки, стр. 18—19.

ГЕРОЙ СУВОРОВА

Никогда самолюбие, чаще всего порождаемое мгновенным порывом, не управляло моими действиями, и я забывал себя, когда дело шло о пользе отечества¹.

Суворов.

Незадолго до смерти Суворова, в бытность его в Праге в 1800 году, курфюрст саксонский прислал к нему своего придворного живописца Шмидта, чтобы написать портрет знаменитого полководца. «Ваша кисть изобразит видимые черты лица моего, но внутренний человек во мне скрыт...» — сказал Суворов художнику перед первым сеансом². Передать внутренний облик Суворова не удалось ни одному из живописцев, писавших его. Никто не сумел ярче и образнее охарактеризовать его, чем сделал это он сам в своих устных и письменных беседах с современниками.

В 1795—1796 годах вышло первое жизнеописание Суворова, составленное Антингом. Автор рисует своего героя как полководца, пользующегося полным доверием солдат и «наводящего страх и ужас» на неприятеля своими стремительными переходами, внезапными нападениями, «упреждением» вражеских замыслов, «предприимчивостью, мужеством, присутствием духа, неустранимостью, расторопностью». Он —

¹ Письмо к А. И. Бибикову от 25 ноября 1771 г., перевод с французского — Глинка С., Жизнь Суворова, им самим описанная..., ч. I, М., 1819, стр. 18—21.

² Перевод с немецкого — «Русская старина», 1875, т. XIII; май, стр. 150.

строгий и справедливый начальник, пекущийся о нуждах своих подчинённых и лично довольствующийся весьма малым. В кудрявых выражениях повествует Антинг о невзыскательности Суворова: «...ложе его состоит из самопростейшего произведения природы, на чём отдыхает утруждённый земледелец, то есть из нескольких охапок свежего сена»¹.

Первая часть труда Антинга, ещё до печати прочитанная автором Суворову, была им одобрена и исправлена его замечаниями. Следы этих суворовских указаний можно уловить в предисловии, содержащем характеристику Суворова как полководца и человека. Едва ли не подсказаны Суворовым следующие слова Антинга: «Любовь к отечеству и ревность сражаться за его славу служат сильнейшими побуждениями неутомимой его деятельности; и подобно древним римлянам, жертвует оному всеми прочими чувствами, не щадя ни своего здоровья, ни своей жизни»². Во всяком случае, слова эти звучат как бы отголоском суворовского завета последующим поколениям — «до издыхания» быть верными отечеству.

Второй частью книги Антинга Суворов остался недоволен. «Много немогузнайства и клокотни,— заметил он состоявшему при нём П. Н. Ивашеву. — Тебе лучше известно: куда пуля, когда картечь, где штык, где сабля; исправь, пожалуй, солдатским языком, отдай каждому справедливость и себе— я свидетель»³.

Одно время Суворов сам собирался писать о своих юношеских годах, о своём воспитании, о службе в лейб-гвардии Семёновском полку, то есть восполнить то, чего нет у Антинга⁴. На склоне дней он хотел диктовать свои воспоминания. Смерть помешала ему осуществить его намерение. Две сохранившиеся автобиографии его официально деловиты и сухи, приближаясь к распространённым послужным спискам, и не в них раскрывается во всей своей непо-

¹ Цитируется по русскому переводу: «Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымникского...», изданные Максимом Парпурою, т. I, СПб., 1799, стр. VI—VII, X, XIV.

² Там же, стр. XIII.

³ Ивашев П. Н., Из записок о Суворове — «Отечественные записки», 1841, т. XIV, отд. II, стр. 2.

⁴ См. Фукс, Анскдоты, стр. III.

вторяемости в высшей степени своеобразная натура Суворова.

Подлинным зеркалом, отражающим внутренний облик Суворова, настоящей автохарактеристикой и автобиографией его — если понимать под автобиографией не голую хронику внешних жизненных фактов — является его переписка. Это до сих пор ещё далеко не исчерпанный источник данных для понимания великого полководца.

В 1794 году граф Цукато, служивший под знамёнами Суворова, замыслил написать биографию своего начальника и обратился к нему с просьбой предоставить необходимые для этого материалы. Ответное письмо графу Цукато — маяк, зажжённый Суворовым для своих биографов.

Суворов начинает с указания на то, что его личная жизнь настолько слита с его военной карьерой, что невозможно отделить первую от второй, не повредив цельности его портрета. Иначе сказать, *биограф* Суворова должен сочетать в себе *историка*. Далее он переходит к самохарактеристике: он пренебрегает «соблазнительной прелестью удобств и изящности», он «скуен в отношении драгоценнейшего из своих достояний — времени», он — «в непрестанном движении, в непрестанном действии, как в походе, так и в мирном уединении»; он с трудом подчиняется планам, зато «с постоянством и поспешностью» старается «ловить ускользающую минуту» счастья (эту мысль не раз высказывал Суворов: «одна минута решает исход баталии», «я действую не часами, а минутами») ¹. Созданный им самим для своего руководства «образец» часто помогал ему «одерживать верх над своенравной богиней, именуемой Фортуна» (Суворов любил говорить, что у Фортуны только один хохол на лбу; не успеешь поймать её за хохол, а она уже улетела и «кажет голый затылок») ². «Вот всё, что я знаю о себе; оставляю своё доброе имя современникам и потомству. Такая, на глазах у всех протекающая жизнь, как моя, не может быть вполне искажена биографом. Всегда найдутся неложные свидетели истины, а большего я и не прошу от того, кто мнит меня достойным, дабы обо мне судили и писали... Я хотел бы, чтобы мой

¹ Петрушевский, т. III, стр. 33—34.

² См. письма Суворова к Д. И. Хвостову от 5 мая 1796 г. и к гр. А. К. Разумовскому от 27 июня 1799 г. — «Красный архив», 1941, т. 3 (106), стр. 162; М я л ю т и н, т. II, стр. 336.

биограф строго соблюдал ясный и простой слог и чистейшую истину, основанную на точном знании моего образа действия»¹.

Немало ценных автобиографических высказываний Суворова сохранено памятью мемуаристов. Е. Б. Фукс, начальник походной канцелярии Суворова во время войны 1799 года, среди своих «анекдотов» о великом полководце записал следующее: «Александр Васильевич спросил меня однажды, как по-латыни пословица: «Поэты рождаются, а ораторы делаются». Я отвечал: «Poetae nascuntur, oratores fiunt». — «Жаль, — сказал он, — что нет на латинском языке и этой: одни генералы рождаются генералами, а другие делаются. Первых видел я на передовых постах в дыму пороха, со штыками и саблями, а последних на паркете перед кабинетами полотёрами и несменными стражами. А мундиры у тех и у других одинаковы»².

Боевая обстановка была подлинной стихией Суворова, он нуждался в ней, как рыба в воде. На войне он всегда стремился быть в самых ответственных и жарких местах. Ничто так не тяготило его, как выжидание, бездействие, вынужденная медлительность. В таких случаях он не в силах сдержать своих сетований: «Колика бы мне была милость, если бы дали отдохнуть хоть один месяц, то есть выпустили бы в поле. С божьей помощью на свою бы руку я охулки не положил»³. Военная служба представляет прелесть в его глазах лишь тогда, когда она соединена «с практикой». Вот почему в дни мира он добивается такого рода службы, который бы возможно более напоминал ему дни войны.

В 1791 году Суворова, недавнего покорителя Измаила, посылают на работы по укреплению наших северных границ. Самолюбие его уязвлено не тем, что в его отсутствие Потёмкин пожинает незаслуженные лавры, а тем, что превращён из «солдата» в «инженера». «Баталия мне лучше, чем лопата извести и пирамида кирпича, — жалуется

¹ Перевод с французского. Подлинник см. в журнале «Москвитянин», 1845, ч. I, № 1, январь, отд. VI, стр. 18—20. Неточный перевод этого письма напечатан в «Отечественных записках», 1830, ч. XII, кн. СХХI, май, № 121, стр. 230—232; здесь при письме имеется дата: «Варшава, 28 декабря 1794 года».

² Фукс, Собрание разных сочинений, стр. 140—141.

³ Письмо к Я. И. Булгакову, январь 1770 г. — Петрушевский, т. I, стр. 89.

ся он.— Мне лучше две-три тысячи человек в поле, чем двадцать-тридцать тысяч в гарнизоне». Петербургские корреспонденты Суворова утешают его, ссылаясь на то что его жизнь теперь спокойна и лишена походных тревожений. Эти доводы бесят Суворова: «Я не могу оставить пятидесятилетнюю привычку к беспокойной жизни и моих солдатских приобретённых талантов; я привык быть действующим непрестанно, тем и питается мой дух...»¹

Зато в Тульчине, в 1796 году, занимаясь обучением войск по окончательно выработанной к тому времени «Науке побеждать», Суворов чувствовал себя как нельзя лучше. «...Наступил сезон его любимых удовольствий — поля, ученья, лагеря, беспрестанное движение: ему ничего больше не нужно, чтобы быть счастливым», — рассказывает человек, наблюдавший его в эти дни².

Солдатская среда была той средой, которой требовало солдатское сердце Суворова. Он с молодых ногтей сжился с нею и казался созданным для неё.

Известно, что со времени Петра каждый дворянин обязан был начинать военную службу с нижних чинов. Однако связи и деньги давали возможность легко обходить этот закон. Родители записывали барахтающегося в колыбели сына капралом (младший унтер-офицер) или сержантом (старший унтер-офицер) в гвардию. Вспомним пушкинского Петра Андреевича Гринёва: «Я был записан в Семёновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Я считался в отпуску до окончания наук». По милости князя Б. или графа В., такой «недоросль», ещё до окончания своих немудрёных наук, играя дома в лошадки или прыгая с верёвочкой, мог доиграться и допрыгаться до следующих чинов. Военная служба Суворова сложилась несколько иначе: на пятнадцатом году он был записан в Семёновский полк *рядовым*, два года числился в отпуску, затем был произведён в капралы и тотчас же начал нести действительную службу. Ближайшее общение молодого капрала с солдатской средой и явилось одним из залогов тесного взаимопонимания, установившегося между Суворовым и солдатами. Высоких постов, до

¹ Письмо к Д. И. Хвостову, 1792 г. — Петрушевский, т. I, стр. 432; письмо к П. И. Турчанинову, 1792 г. — Там же.

² Письмо Фалькони к Д. И. Хвостову. — Там же, т. II, стр. 269.

которых дошёл Суворов на военном поприще, он достиг не теми кратчайшими путями, какими достигало их большинство военачальников его времени, не имевших ни боевого опыта, ни военных способностей. До высших званий он не докланялся на паркетe, а *дослужился* в боях и походах — «ранами, и увечиями, и многими победами». Имея за спиной «пятьдесят лет практики», Суворов писал: «...я всех старше службою и возрастом, но не предками и не камердинерством у равных». Не в его характере было бы кичиться своей «породой» или добиваться чести варить утренний кофе временщику. Высмеивая и вышучивая придворных, Суворов причислял себя к разряду тех генералов, которые рождаются генералами, а не делаются ими. Он гордился, что от его осанки, вкусов, манеры держать себя отдавало лагерем, а не ароматами «серая», каким был в его глазах дворянин. Ему претили условности светского обхождения: «Долговременное бытие моё в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать», — писал он Потёмкину. Однажды на придворном балу, в ответ на вопрос Екатерины, чем его «поподчивать», Суворов попросил «благословить» его водочкой. «А что скажут красавицы-фрейлины, которые будут с вами разговаривать?» — «Они почувствуют, что с ними говорит солдат», — возразил Суворов¹.

Недоброжелатели Суворова упрекали его в честолюбии. Можно при желании на примере отдельных фактов, выхваченных из его жизни, тех или иных фраз, вырванных из его писем, доказать, что Суворов действительно был честолюбив. Но вопрос в том — должно ли ставить ему в вину такое честолюбие, каким он обладал, и не много ли оно свойства, чем честолюбие Зубовых и им подобных?

Честолюбие, якобы сневашнее Суворова, — это благородное честолюбие человека, с юных лет сознавшего заложенные в нём силы на славу и гордость родной страны и

¹ Письмо к Д. И. Хвостову от 29 декабря 1796 г. — «Красный архив», 1941, т. 3 (106), стр. 164; письмо к П. И. Турчанинову, 1792 г. — Петрушевский, т. I, стр. 432; письмо к Г. А. Потёмкину от 10 декабря 1784 г. — «Письма и бумаги Суворова из Суворовского сборника Императорской публичной библиотеки», СПб., 1901, стр. 26—27 — Петрушевский, т. II, стр. 235.

поставившего своей жизненной целью *быть героем*¹. И, зная как достигал Суворов этой цели, мы видим в честолюбии Суворова не порок, а качество,— одну из многогранных форм его горячего патриотизма. Он сам подчеркнул это в замечательных строках своего письма к А. И. Бибикову: «Доброе имя должно быть у каждого честного человека; лично я видел это доброе имя в славе своего отечества; мои успехи имели исключительной целью его благоденствие». Смолоду задумывавшийся над своим идеалом героя и в итоге боевых трудов и жизненного опыта создавший в своём представлении законченный его образ, Суворов вносил в число обязательных его качеств — *честолюбие без кичливости*. Требуя признания своих заслуг, Суворов говорил: «Титлы мне — не для меня, но для публики потребны». Он хотел, чтобы награждения, получаемые им, вдохновляли других на такие же подвиги. Никогда не упуская представлять к наградам отличившихся подчинённых, Суворов видел в этом «источник ободрения другим»².

Созданный Суворовым идеал героя — это и был тот «образец», служивший ему руководством в жизни, о котором он упоминает в письме к графу Цукато. Этому «образцу» Суворов придавал большое воспитательное значение. С исчерпывающей полнотой он изложил своё представление об истинном герое в письмах к А. Карачаю и П. Н. Скрипицыну.

Сын одного из любимых соратников Суворова, Карачай в честь него был назван Александром. Суворов был его крестным отцом. Ещё в детском возрасте, по просьбе родителей, крестник Суворова был зачислен на военную службу поручиком. Суворов по этому случаю послал ему письменное наставление. Конечно, в то время (1793 год) малолетний Карачай не мог ещё им воспользоваться, но Суворов писал своё поучение в расчёте на будущее своего крестника.

¹ Ещё в бытность свою командиром Суздальского пехотного полка Суворов не переставал внушать своим подчинённым, что нужно начинать с «солидного», а кончать «блистательным». О самом Суворове его современник В. Х. Дерфельден говорил: «Мы все видим неутомимое его стремление быть героем...» — Фукс, Анекдоты, стр. VII.

² Письмо к А. И. Бибикову от 25 ноября 1771 г., перевод с французского — Г л и н к а, Жизнь Суворова, им самим описанная..., ч. I, М., 1819, стр. 18; письмо к Д. И. Хвостову от 5 мая 1796 г. — «Красный архив», 1941, т. 3 (106), стр. 162; письмо к И. И. Веймарну от 16 июня 1771 г. — «Письма и бумаги», стр. 84.

Едва ли даже обращение к Карачаю не было для Суворова просто поводом, чтобы изложить своё мнение об обязанностях военачальника и тем самым передать свой полувековой опыт молодому поколению. Письмо Суворова в списках ходило по рукам и тем самым приобрело литературную известность. Хотя оно и написано почти полтора года тому назад, общий смысл наставлений великого полководца и по сей час не утратил своей жизненной силы¹.

«Любезный сын мой, Александр!»

Как человек военный, вникай в сочинения Вобана, Кэгорна, Кураса, Гибнера, будь несколько сведущим в богословии, физике и нравственной философии; внимательно читай Евгения, Тюренна, Комментарии Цезаря, Фридриха II, первые тома Роллена с продолжением и графа Саксонского; знание языков полезно для знакомства с литературой; танцуй, упражняйся в верховой езде и в фехтовании.

Достоинства военные суть: для солдата отвага, для офицера смелость, для генерала доблесть², руководствуемые началами порядка и дисциплины, управляемые бдительностью и предусмотрительностью.

Будь чистосердечен с друзьями твоими, умерен в своих нуждах и бескорыстен в своих поступках; проявляй пламенную ревность к службе своему государю; люби истинную славу; отличай честолюбие от гордости и кичливости; с юных лет приучайся прощать проступки ближнего и никогда не прощай своих собственных; тщательно обучай подчинённых тебе солдат и подавай им пример.

Непрестанное изощрение глазомера делает тебя великим полководцем. Умей пользоваться местоположением: будь терпеливым в трудах военных; не поддавайся унынию от неудач; предупреждай обстоятельства истинные, сомнительные и ложные; остерегайся неуместной запальчивости.

¹ Письмо Суворова к Карачаю, написанное на французском языке, впервые было напечатано в переводе М. Антоновским — «Наука побеждать», СПб., 1806, стр. 28—31, перепечатано в подлиннике и в переводе в 1809 г. — Лёвшин, стр. 61—62, 64—66. Печатается нами в заново отредактированном переводе.

² Фраза построена на излюбленной Суворовым игре синонимов: «Bravoure au soldat, courage à l'officier, valeur au général». Та же мысль была выражена им и по-русски: «Солдату — бодрость, офицеру — храбрость, генералу — мужество». См. ниже в приложениях наставление Суворова И. О. Курису.

Храни в памяти имена великих людей и в своих походах и действиях с благоразумием следуй их примеру.

Никогда не презирай своего неприятеля, каков бы он ни был; знай хорошенько его оружие и способы обращения с ним; знай, в чём заключается сила и в чём слабость врага.

Приучайся к неутомимой деятельности; повелевай счастьем, ибо одна минута решает победу; покоряй себе эту минуту с быстротой Цезаря, который столь хорошо умел застигать врасплох своих врагов, даже среди бела дня, обходить их и нападать на них там, где ему было угодно, и тогда, когда угодно...¹; будь искусным в том; чтобы твоя войска никогда не испытывали недостатка в пропитании. Да возвысит тебя бог до геройства знаменитого Карачая!»

С различными требованиями подходил Суворов к рядовому солдату и к офицеру. Недаром за проступки против военной дисциплины он гораздо строже взыскивал со второго, чем с первого.

На обязанности («должности») командира лежит не только воспитать себя, но и воспитать солдата, развить в нём основное качество воина — уверенность в себе.

О своих приёмах обучения солдат Суворов писал: «Каждый шёл через мои руки, и сказано ему было, что более ему знать ничего не осталось, только бы выученное не забыл. Так был он на себя и надёжен, — основание храбрости»². Это «основание храбрости» приобреталось усвоением военного искусства в пределах суворовской «Науки побеждать» с её доходчивыми, врезающимися в память правилами, облечёнными в форму пословиц и поговорок.

Е. Б. Фукс рассказывает, что однажды, разговаривая с Милорадовичем «о военных добродетелях», Суворов поручил ему и Фуку сделать разбор четырех французских слов-

¹ Многоточием отмечена часть фразы, испорченная в тексте Лёвшина неправильным чтением и не поддающаяся точному переводу: «...c'est le moment qui donne la victoire; maîtrisez-le par la célérité de César qui savait si bien surprendre ses ennemis, même en plein jour, les tourner et les attaquer aux endroits où il voulait et à quel temps [il voulait], sans y laisser obliger leur couper les vivres et les fourrages (?)». М. Антоновский передаёт это место так: «не упускай пресекать им съестные припасы». Возможно, однако, что Суворов имеет в виду неожиданность и внезапность нападения, а не медленное ослабление противника измором, путём «пресечения подвоза съестных припасов и фуража».

² Письмо к И. И. Веймарну—Петрушевский, т. I, стр. 68.

синонимов: *vaillance, valeur, courage, bravoure* (мужество, доблесть, смелость, отвага)¹. Эта любовь и чуткость к синонимам сказалась и в письме Суворова к Карачаю. Указывая на то, что от солдата требуется отвага, от офицера — смелость, от генерала — доблесть, Суворов, играя; казалось бы, неуловимыми оттенками в смысловом значении слов, подчёркивает различную долю ответственности, которую несут рядовой, командир и полководец. От первого он требует, в сущности, одного: был бы «на себя надёжен». Отваге, как проявлению личной неустрашимости, противопоставляются смелость и доблесть, то есть та же храбрость, но поверяемая рассудком и знанием. Солдат отвечает сам за себя, командир не только за себя, но и за вверенное ему войско. Чем выше командир, тем большую ответственность он несёт.

Глубокое знание военного дела — обязанность командира. «Искусство» это приобретается не одним боевым опытом, — «службой с практикой», как любил выражаться Суворов, — но и усвоением военного опыта знаменитых полководцев.

А потому, если прошедшему «через руки» Суворова солдату говорилось, что больше ему знать нечего, лишь бы «выученного не забыл», то военачальнику, будь то простой офицер или генерал, предписывалась Суворовым «непрестанная наука из чтений»².

Знания, требуемые Суворовым от офицеров, многосторонни. В вопросе о военном обучении Суворов как военный педагог примиряет два течения, обозначившиеся в екатерининскую эпоху. И. И. Бецкий выставлял на первый план общеобразовательные предметы, считая усвоение их первоочередной задачей юношей, предназначенных к военной службе. П. И. Шувалов настаивал на практическом знании военного дела и специальном изучении военных наук³. Суворов обязывает командира не только теорети-

¹ Фукс, Собрание разных сочинений, стр. 100.

² См. ниже, в приложениях наставление Суворова И. О. Курису.

³ И. И. Бецким был выработан в 1766 г. новый устав Сухопутного кадетского корпуса. В основу устава положена следующая мысль: «Александр Великий, Цезарь и множество других в наши дни видимых примеров свидетельствуют, что к производству войны со славою надлежит быть весьма искусну и в прочих знаниях». П. И. Шувалову принадлежит составленная в 1753 г. записка «О военной науке». Бросая взгляд на историю Греции, Шувалов отмечает, что могущество последней продолжа-

чески и практически овладеть военным делом, но и быть вообще образованным человеком. Широкое образование необходимо ему для того, чтобы нравственно воспитать себя и служить нравственным авторитетом в глазах своих подчинённых.

Письмо своё маленькому Карачаю Суворов начинает с указания на необходимость для него как будущего военачальника прилежного и постоянного самообразования. Наряду с именами классиков военного дела в его письме мелькают имена авторов общеобразовательных трудов. В своём наставлении Суворов называет преимущественно авторов тех книг, которые легко могли быть найдены любым офицером в русском переводе, что делало их доступными и тому, кто не владел иностранными языками.

Обращая внимание молодых командиров на специальных военных писателей, Суворов называет таких, знание которых может принести чисто практическую пользу. Из перечня рекомендуемых им военных авторитетов он исключает, например, «современного Вегеция» — Монтекукули «Монтекукули очень древен и много отмены сообразати с нынешними правилами...», — оговаривается Суворов в своём словесном наставлении И. О. Курису. Наоборот, «старинный Вегеций», латинский военный писатель IV века, назван им в том же наставлении.

Суворов обладал исключительным умением извлекать пользу как из положительных, так и из отрицательных примеров. В свою «Науку побеждать» он перенёс всё жизнеспособное, что подсказывал ему ратный опыт веков и народов. Известное суворовское изречение: «Победа зависит от ног, а руки только орудие победы»¹ перефразирует афоризм Морица Саксонского: «Вся тактика в ногах» «Одна минута решает исход сражения», — утверждал Суво

лось до тех пор, «пока военное искусство не пришло в пренебрежение». Записку свою Шувалов заканчивает словами Петра I: «Надеясь на мир, не падлежит ослабевать в военном деле, дабы с нами не так стало, как с монархией греческою». По мнению Шувалова, в России ещё мало людей, которые бы «трактовали военную науку»; между тем она нужна русской армии, «как разумная душа телу». Шувалов предлагал учредить при Сухопутном кадетском корпусе специально Военную академию на тридцать человек; мысль эта не была осуществлена. См. Масловский, вып. II, примечания и приложения, стр. 12—13.

¹ Слова из суворовского приказа 1771 г. — Петрушевский т. I, стр. 65.

ров и властно подчинял её своей воле. Эту решающую минуту Мориц называл «красавицей», возлюбленной полководца (*sa belle*). Но, откликаясь на чужие мысли, прислушиваясь к чужим словам, Суворов всегда остаётся самим собой. Его «Наука побеждать» — не просто историческая ступень в развитии мирового военного искусства, но прежде всего создание русского военного гения. Приучавший своих подчинённых понимать себя с полуслова, Суворов предельно краток в изложении своей боевой системы. Десяток страниц «Науки побеждать» — это своего рода конспект по теории и практике военного дела. Но, в сущности, всё, что написано Суворовым, — его приказы, донесения, письма, — дополняет и развивает отдельные положения той же науки, а блестящим осуществлением их на деле была замечательная жизнь самого Суворова.

Основной чертой Суворова как военного наставника является то, что каждое его наставление освящено его личным примером, что слово у него не расходится с делом.

Если Суворов пишет: «Приучайся к неутомимой деятельности», то сам он приучил себя быть «действующим непрестанно», считая, что «деятельность есть важнейшее из всех достоинств воинских»¹.

Если он требует от других постоянного самообразования, то в первую очередь он трудится над тем, чтобы «образовать себя науками»².

Англичанин лорд Клинтон называл Суворова «учёнейшей поенной академией». «Историю — древнюю и новую — цитировал он с точностью и памятью исключительной. Поистине он был чудом образованности», — с восторгом отзывался о Суворове один из его первых биографов-иностранцев³. Достигнуть этого при кочевом, походном образе жизни Суворову удалось потому, что ни одна минута не пропала у него даром. Все свободные от своих служебных обязанностей часы Суворов посвящал «беседе с мёртвыми приятелями» — Цезарем, Плутархом, Вобаном, неустанно

¹ Письмо к гр. Бельгарду от 20/31 мая 1799 г. См. ниже в приложениях.

² Суворов в данном случае следовал правилу, изложенному им самим в словах: «Генералу необходимо образовать себя науками».

³ Фукс, Анекдоты, стр. 13; Laverne, Histoire du feldmaréchal Souvoroff..., Paris, 1809, p. 473.

пополняя и поверяя свой боевой опыт боевым опытом знаменитых полководцев¹.

Интересуясь прошлым, Суворов зорко следит за настоящим. Он — подписчик целого ряда русских, французских, немецких и польских газет и журналов. При этом он «выписывал лучшие газеты и останавливал своё внимание на лучших журналах Европы, сообщавших или наиболее ценные научные сведения, или наиболее интересные политические и военные новости». Между прочим, он получал «Journal encyclopédique», расценивавшийся Вольтером как «первый по достоинству из числа 173 журналов, которые ежедневно появлялись в Европе»².

Если Суворов указывает на пользу изучения иностранных языков, то сам он, владея в разной степени восемью языками, до последних дней не переставал в них совершенствоваться. И, конечно, не только «для знакомства с литературой» делал он это. Он делал это потому же, почему считал нужным изучать оружие неприятеля. Он понимал, насколько необходимо командиру знать язык врага.

Суворову было чуждо бахвальство. Он знал, что противника надо не шапками закидывать, а поражать штыком. Он учил перенимать у врага то, чем он силён, и бить его там, где он слаб и наиболее уязвим. Но Суворов искал победы не над слабым, а над сильным противником. «Мало славы было бы разбить шарлатана,— сказал Суворов после битвы при Нови,— лавры, которые похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть»³.

Каждое из требований, предъявляемых Суворовым молодому поколению военных, может быть подкреплено ссылкой на его личный пример. Суворов требует от других

¹ Полковник Я. М. Старков, сподвижник Суворова, рассказывает: «Александр Васильевич в свободное от своей деятельности время читал записки Юлия Цезаря, Плутарха, Вобана и многие другие сочинения лучших писателей; даже ночью часу до 12-го и просыпаясь рано, до света часа за два, занимался тем же» — «Москвитянин», 1842, ч. VI, № 12, стр. 300. В одном из своих писем к Д. И. Хвостову, касающихся воспитания своего сына, Суворов предписывает последнему вместо светских «визитов и контр-визитов» «беседу с мёртвыми приятелями», то есть с книгами — Петрушевский, т. II, стр. 401—402.

² Симанский П. Н., Опыт исследования суворовской литературы. — «Журнал Императорского русского военно-исторического общества», 1911, кн. I, стр. 18.

³ Фукс, Аnekдоты, стр. 45.

только того, что уже достигнуто им самим. «Храни в памяти имена великих людей и с благоразумием следуй их примеру», — завещал Суворов своему маленькому крестнику. Призывая Милорадовича «взять себе в образец героя древних времён», Суворов прибавил: «Я выбрал Цезаря»¹.

Юлий Цезарь был любимым «героем» Суворова. Он не расставался с «Записками о Галльской войне», постоянно ссылаясь на слова и опыт Цезаря. «Я, как Цезарь, — говорил он, — не делаю никогда планов частных; гляжу на предметы только в целом; вихрь случая всегда переменяет наши заранее обдуманнные планы». Когда при Суворове удивлялись стремительности его походных передвижений, он возражал: «Это ещё ничего, римляне двигались шибче, прочтите Цезаря»².

Провожая на военную службу своего племянника Горчакова, Суворов наставлял его словами: «Последуй Аристиду в правоте, Фабрициану в умеренности, Эпаминонду в нежелживости, Катону в лаконизме, Юлию Цезарю в быстроте, Тюреню в постоянстве, Лаудону в нравах». О самом себе он писал Потёмкину: «Наука просветила меня в добродетели; я лгу, как Эпаминонд (шутка: следует понимать в обратном смысле; ср. выше слова о «нежелживости» Эпаминонда), бегаю, как Цезарь, постоянен, как Тюрень, и праводушен, как Аристид»³.

Требую от других справедливости Аристиды и правдивости Эпаминонды, сам Суворов не боялся резать правду в глаза, как бы соперничая в этом со своим певцом Державиным, сказавшим о себе, что он «горяч и в правде чорт».

Предписывая другим подражать умеренности Фабриция, сам он подавал пример суворовской умеренности. Отсюда кажущиеся причуды Суворова, этот потёртый «отцовский» плащ, согревавший его в походах, это сено вместо матраца, пышно взбитое в сверкающих покоях Таврического дворца.

Пресловутый лаконизм Катона мог бы поспорить с лаконизмом Суворова. Знаменитое изречение Цезаря: «Пришёл — увидел — победил» Суворов находил возможным свести к двум словам: «пришёл — победил». «Почитая дело

¹ Лёвшин, стр. 135—136.

² Там же, стр. 166; Петрушевский, т. I, стр. 105.

³ Петрушевский, т. II, стр. 34; письмо к Потёмкину от 10 декабря 1784 г. — «Письма и бумаги... из Суворовского сборника», стр. 26—27.

лучше описания», Суворов был необычайно краток в своих военных донесениях, посылавшихся с поля боя; такой же сжатостью отличались и его обращения к войскам.

Ставя в пример другим безупречную нравственность своего современника, австрийского полководца Лаудона, сам Суворов в эпоху всеобщего «повреждения нравов в России» (выражение М. М. Щербатова), в эпоху расцвета фаворитизма, мог бы служить образцом граничащей с аскетизмом нравственности. Он воспитал в себе это качество, обуздывая влечение к жизненным соблазнам. И, преклоняясь перед Цезарем, он отказывался оправдать его пороки.

Жадно черпавший в истории примеры, заслуживавшие подражания, глубоко вникавший в жизнеописания великих людей, в особенности знаменитых полководцев, Суворов по образу и подобию излюбленных им героев выработал собственный «образец» героя.

Написав своё наставление Карачаю, Суворов сам способствовал распространению его в военных кругах, переслав копию с него молодому офицеру П. Н. Скрипицыну служившему под его начальством и пользовавшемуся большим его расположением. Письма Суворова к Карачаю и Скрипицыну взаимно дополняют друг друга, причём второе представляет не меньший интерес, чем первое¹.

«Бесценный мой Павел Николаевич!»

Ты видишь перед собою список с наставления, писанного к одному из моих друзей, родившемуся в прошлую кампанию посреди знаменитых побед, одержанных его отцом, и наречённому при крещении моим именем.

Герой, о коем идёт речь, весьма смел, но без запальчивости, скор без опрометчивости, деятелен без легкомыслия.

¹ Так же как и наставление Карачаю, письмо Суворова к Скрипицыну написано по-французски. Напечатано впервые в переводе М. Антоновским. — «Наука побеждать», СПб., 1806, стр. 25—28; перепечатано в подлиннике и в переводе в 1809 г. — Лёвшин, стр. 59—60, 63—64. Печатается нами в заново отредактированном переводе. По сообщению С. Н. Глинки, письмо написано Суворовым в Варшаве, следовательно в 1794—1795 гг. См. Г л и н к а С., Жизнь Суворова, им самим описанная..., М., 1819, ч. II, стр. 71; письмо Суворова к Скрипицыну перепечатано Глинкой под заглавием «Изображение героя».

подчинён без униженности, начальник без самонадеянности, победитель без тщеславия, честолюбив без кичливости, благороден без гордости, непринуждён без лукавства, твёрд без упрямства, скромн без притворства, основателен без педантизма, приятен без ветренности, целен без примеси, благорасположен без коварства, проницателен без пролырства, откровенен без простодушия, приветлив без окопичностей, услужлив без корыстолюбия; решительный, избегающий колебаний, он предпочитает здравый рассудок остроумию; враг зависти, ненависти и мщения, он низлагает своих противников снисхождением и господствует над друзьями своей верностью; он утомляет своё тело, дабы больше укрепить оное; он стыдлив и воздержан; религия служит ему законом нравственности, а примером — добродетели великих мужей; чистосердечный, он гнушается лжи; прямодушный, он попирает криводушие; он общается только с честными людьми; честь и честность составляют его достояние; он любим своим государем и войском, всё предано ему с полной доверенностью; в день сражения или в походе он всё полагает на весы, всё обдумывает и совершенно препоручает себя провидению; он никогда не увлекается течением обстоятельств, но подчиняет их себе, действуя всегда по правилам своей неусыпной прозорливости».

Этот созданный Суворовым образ героя не только литературный опыт характера, но и очень верный психологический автопортрет самого Суворова. Казалось, он сочетал в себе одном все достойные подражания черты, открытые им в «героях» прежних времён. Для молодого поколения, в пример которому ставил Суворов свой «образец» идеального героя, последний приобретал большую жизненную убедительность, ибо оно не могло не видеть живого воплощения этого собирательного характера в самом Суворове.

Суворов знал, что взоры солдат устремлены на него, и гордился этим. «В продолжение полувека я — солдат», — писал он о себе в 1794 году. От своих солдатских привычек он не хотел отказаться даже тогда, когда изнурительная болезнь приковала его к постели, предвещая скорый конец. Не слушаясь предписаний врача, Суворов упорно твердил: «Ведь я солдат». — «Вы — генералиссимус», — возражал

сму лейб-медик Вейкарт. «Правда,— отвечал Суворов,— но солдат с меня пример берёт»¹.

Чем Суворов был для своих современников, тем он остался и для последующих поколений: «образцом» полководца, героя, гражданина,—примером, ведущим к победе.

Существует рассказ о том, как в Семилетнюю войну два французских гренадера посетили в Страсбурге могилу Морица Саксонского и наточили свои сабли о надгробный камень знаменитого маршала. Они хотели тем самым освятить своё оружие и придать ему особую силу.

И у нас есть свои дорогие могилы. У нас есть свой священный для нас надгробный камень, о который мы точим наши мечи.

Правда, там — пышный саркофаг, тут — скромная плита, но зато «здесь лежит Суворов».

Простая и величественная надпись вполне соответствует нашему представлению о нём.

Чудесный образ этого русского героя и гениального полководца близок нам тем, что при всей своей сложности он прост в своём героизме и героичен в своей простоте.

А ведь эти черты его — черты глубоко народные, отличавшие и отличающие русского человека на всём протяжении его многовековой истории.

¹ Письмо к О. М. Рибасу, перевод с французского — «Русский архив». 1866, вып. 7, стлб. 1006; Петрушевский, т. III, стр. 436.

АТАКА СЛОВОМ И ПЕРОМ

Мой стиль не фигуральный, но
натуральный при твёрдости моего
духа¹.

Суворов.

1

Если бы я не был полководцем, то был бы писателем», — говорил Суворов². В устах человека, гордившегося званием *солдат*, слова эти приобретают особую значительность: они показывают, как высоко стояло в глазах Суворова звание *писатель*, раз оно как бы приравнивается им к званию *полководец*.

Едва ли молодой Суворов, подобно древнему богатырю на перепутьи, когда-либо задумывался над тем, какую дорогу ему выбрать, — до того определившеюся представляется уже тогда его склонность к военному делу. Подлинных задатков к художественному творчеству в нём не было, и если бы выбор между мечом и пером был решён Суворовым в пользу последнего, то от этого несравненно менее выиграла бы русская литература, чем проиграло бы русское военное искусство. Но одно несомненно — это неослабевавшее с юных лет до седины влечение Суворова к литературе.

Однако литературу Суворов ценил по-суворовски, смотря

¹ Письмо к В. С. Попову от 18 августа 1788 г. — «Архив князя Воронцова», кн. XXIV, М., 1880, стр. 315.

² Глинка С. Н., Жизнь Суворова, им самим описанная..., ч. II, М., 1819, стр. 110.

на неё глазом военачальника и накладывая на свои суждения о памятниках художественного слова яркую печать своей индивидуальности.

«Быстрота и натиск — душа настоящей войны», гласит один из приказов Суворова¹. Непрístupен был Измаил; дважды русские терпели неудачу под его стенами. Но стоило Суворову взять в свои руки осаду гордой твердыни, как успех дела был решён стремительным штурмом.

Враг длительных осадных сидений, Суворов не скрывал своего нетерпения, читая гомеровское повествование о десятилетней осаде Трои ахейцами. «Люблю Гомера, но не люблю десятилетней трояновской осады, — возмущался он. — Какая медленность! Сколько бед для Греции! Не могу быть Агамемноном; я бы не поссорился с быстроногим Ахиллесом. Люблю друга Патрокла за его быстроту; где он появится, там врага нет»².

Мы узнаём в этих словах Суворова, раздражённо острившего по поводу мешкотности Потёмкина под Очаковым: «одним гляндем крепости не возьмёшь»; узнаём полководца, приучавшего своих «орлов» и «соколов» налетать на неприятеля «как снег на голову»³.

Книга была неизменным походным спутником Суворова. Ей придавал он большое значение в деле воспитания боевого духа. Предписывая молодым командирам «непрестанную науку из чтений», Суворов разумел не только изучение опыта теоретиков и практиков военного дела. «Для *возвышения духа*» он предлагал обращаться к «старому Роллену», автору многотомных трудов по истории древнего мира. Называл он также и несколько «стариннейших, возбуждающих к мужеству» книг: «Комментарии Кесарева» (то есть «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря), «Историю о Александре Великом, царе македонском» Квинта Курция, известные ещё в древней Руси греческий роман «Александрия» и латинскую повесть Гвидо де Жолумны о троянской войне⁴.

Суворов был ненасытным и жадным читателем. Этот на первый взгляд грубоватый чудак представлял собой настоящий кладёз знаний и притом самых разнообразных. Он

¹ Приказ 1799 г. — Милютин, т. I, стр. 576.

² Фукс, Собрание разных сочинений, стр. 101.

³ Петрушевский, т. I, стр. 325; «Наука побеждать».

⁴ См. ниже в приложениях наставление Суворова И. О. Курису.

достиг этого путём неустанным самообразованием. Самые ранние и самые поздние часы дня он, даже и в походе, посвящал чтению. И на примере Суворова-читателя мы можем проверить справедливость замечания его биографа о том, каким «полным хозяином» своего времени был великий русский полководец¹.

История была главным учителем Суворова, источником достойных подражания «образцов». Не только деяния знаменитых людей, но и крылатые их слова хранил Суворов в своей памяти, умея во-время припомнить или удачно переиначить их. Когда потерпевший поражение при Цюрихе генерал А. М. Римский-Корсаков впервые после проигранного им сражения предстал перед Суворовым, последний кинул ему отрывистые слова: «Адда, Треббия, Нови — родные сёстры, а Цюрих?»² Сознательно или подсознательно, но это образное уподобление русских побед в Италии трём единокровным сёстрам явно подсказано знаменитым изречением фиванского полководца Эпаминонда о своих двух дочерях — победах при Левктрах и Мантинее. Излюбленным «образцом», «героем» и «наставником» Суворова был Юлий Цезарь. Он любил сравнивать себя с ним и ссылаться на него.

Не менее начитан был Суворов в философии и в художественной литературе. Сидя в деревне, он просит прислать ему трактат «О множестве миров» Фонтенеля. Ему случилось рассуждать о Вольтере, Руссо и Рейнале, цитировать в своих письмах и беседах Мольера, Лафонтена, Монтескье, Фильдинга, Ломоносова³. Знакомы, повидимому, были ему «Опыты» Монтеня⁴. Но и в произведениях художественной

¹ См. Глипка С. Н., Нечто об умственном образовании Суворова... — «Прибавление к журналу Министерства народного просвещения», 1843, Литературные прибавления, № 1, стр. 17.

² Петрушевский, т. III, стр. 289.

³ Лёвшин, стр. 165; Петрушевский, т. I, стр. 125; Фукс, Анекдоты, стр. 116, 179; «Письма и бумаги Суворова», стр. 136, 198; Милютин, т. I, стр. 307; Рыбкин Н., Генерал-дессимус Суворов; жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность, М., 1874, стр. 129.

⁴ В своей статье «О военном красноречии», перечисляя французские сочинения «о военном витийстве», Е. Б. Фукс упоминает о 24-й главе II книги «Опытов» («Essais») Монтеня: «Observations sur les moyens de faire la guerre de Jules César («Замечания о военных приёмах Юлия Цезаря»). Трудно допустить, чтобы эти страницы знаменитого французского моралиста не были известны Суворову. Монтень выступает в них горячим поклонником Цезаря. Указывая на то, что у некоторых военачальников были

литературы Суворов ценил прежде всего то, что возбуждает мужество и возвышает дух. Ермил Костров поднёс ему в 1792 году свой перевод Оссиана. С этих пор Суворов пристрастился к песням шотландского барда, занявшим в его походной сумке место рядом с «Комментариями» Цезаря. «Оссиан, мой сопутник, меня воспламеняет, — говорил Суворов. — Я вижу и слышу Фингала в тумане, на высокой скале сидящего и говорящего: «Оскар, одолевай силу в оружии, пади слабую руку». — Честь и слава певцам! Они мужают нас (то есть вселяют мужество. — К. П.) и делают творцами общих благ». Почти в тех же выражениях благодарил Суворов Державина за присылку ему оды «На победы над французами в Италии, одержанные фельдмаршалом гр. Суворовым-Рымникским, 1799 года»: «Ваше высокопревосходительство мужаете и вдали пекущихся о общем благе»¹. Слух Суворова-полководца ласкала не «тихозвучная лира», а более привычная для него труба. Он считал её единственным подходящим инструментом для «славопевца». «Она со славой неразлучна, — пояснял он, — надобно, чтоб звуки её раздавались в дальнейшем потомстве, для которого мы живём. Она воскресит нас». Гордый победами русского оружия в Италии, Суворов ещё до получения державинской оды спрашивал окружающих: «Ужели он не вострубит?»² И Державин вострубил...

Повышенный интерес к литературе со стороны человека, прошедшего значительную часть своей жизни «в поле», в манёврах, походах и сражениях, может показаться неожиданным. Между тем он засвидетельствован не только страстью

свои излюбленные книги (например, у Александра Великого — Гомер, у Сципиона-Африканца — Ксенофонт, у Брута — Полибий), Монтень считает, что лучший выбор сделан маршалом Строщи, любимой книгой которого был Цезарь. «Ибо поистине это должен был бы быть молитвенник каждого военного человека», прибавляет Монтень, называя Цезаря «настоящим и верховным покровителем военного искусства». Многие строки Монтеня о Цезаре переключаются с суворовскими высказываниями о нём, например: «...он превосходно умел владеть своим временем; ибо он часто повторяет, что главная задача полководца — это уметь пользоваться обстоятельствами, а быстрота его подвигов поистине неслыханна и невероятна». Конечно, у Суворова был целый ряд источников для знакомства с Цезарем, но одним из них мог быть и Монтень.

¹ Фукс, Собрание разных сочинений, стр. 101; письмо к Державину от 4 июля 1799 г. — Державин Г. Р., Сочинения, изд. Академии наук, т. VII, СПб., 1872, стр. 728.

² Фукс, Собрание разных сочинений, стр. 95 и 182.

Суворова к чтению, но и попытками его к литературному творчеству. Возможно, что корни этого влечения Суворова к литературе таятся в литературно-художественной среде, окружавшей его в молодые годы.

II

В 1732 году в Петербурге был основан Сухопутный кадетский корпус¹. Первоначально программа этого «священства воспитания», как выспренно именует его С. Н. Глинка, не носила специально военного характера. Лишь один день в неделю был предоставлен «солдатской экзерциции»; остальное время было распределено между общеобразовательными предметами.

Сухопутный кадетский корпус выпустил целый ряд выдающихся деятелей на военном и гражданском поприщах. Питомцами корпуса были: фельдмаршалы П. А. Румянцов, М. Ф. Каменский и А. А. Прозоровский, братья Н. И. и П. И. Панины, писатели А. П. Сумароков, М. М. Херасков, И. П. Елагин, Н. А. Бекетов, П. С. Свистунов. Корпус играл видную роль в литературной и научной жизни того времени. Он был колыбелью русского театра. Именно в стенах кадетского корпуса впервые была поставлена в 1748 году трагедия будущего «северного Расина» Сумарокова «Хорев». Там же в конце 1740-х годов возникло первое Общество любителей российской словесности; возглавлявшееся Сумароковым и Херасковым. О литературных занятиях кадет тот же Глинка рассказывает, со слов Хераскова, следующее: «В праздничные дни и в часы свободные читали они друг другу первые опыты сочинений своих и переводов. Тут не было ни зависти, ни соперничества; тут было одно наслаждение мысли и души»². С 1755 года при Академии наук стал издаваться журнал под названием: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Журнал этот, меняя заглавие, выходил в течение девяти лет (в 1664 году он прекратился) и редактировался известным учёным, академиком Г. Ф. Миллером. Целью издания была популяризация в доступной форме полезных сведений по

¹ Называвшийся ранее Шляхетским корпусом, он в 1743 г., в связи с учреждением Морского кадетского корпуса, был переименован в Сухопутный кадетский корпус.

² Глинка С. Н., Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова, ч. I, СПб., 1841, стр. 10.

всем отраслям знания. Непосредственное участие в журнале принимали воспитанники Сухопутного кадетского корпуса. До 1758 года отдел поэзии заполнялся стихами ближайшего «приятеля» или сотрудника журнала Сумарокова. В 1759 году он отошёл от академических «Ежемесячных сочинений», так как начал издавать свой собственный журнал «Трудолюбивая пчела».

В августовской книжке «Ежемесячных сочинений» за 1755 год помещён прозаический «Разговор в царстве мёртвых между Александром Великим и Геростратом», а в июльской книжке за 1756 год другой «Разговор» — между Кортцем и Мотецумой. Первый подписан: «Сочинения А. С.», второй — «Сочинил С.».

Н. И. Новиков перепечатал оба разговора в 1787 году в «Полном собрании сочинений Сумарокова»¹, приписав их, таким образом, «неподражаемому» во всех родах Александру Сумарокову.

На самом деле, инициалы А. С., поставленные после первой статьи, раскрываются иначе: *Александр Суворов*.

Суворов не был воспитанником кадетского корпуса, но, возможно, что, будучи солдатом Семёновского полка, он посещал корпусные лекции. Настоящая связь его с корпусом устанавливается в конце 1740-х годов, когда он офицером Ингерманландского полка посещает Общество любителей российской словесности.

М. М. Херасков сообщил впоследствии С. Н. Глинке, что Суворов давал ему для прочтения черновик «Разговора» Кортца с Мотецумой. Он же рассказывал ему, что Суворов читал оба «Разговора» в Обществе любителей российской словесности, причём Сумароков, Херасков и Елагин делали ему свои замечания. «Я боюсь забыть, что слышал,— говорил при этом Суворов.— Я верю Локку, что память есть кладовая ума; но в этой кладовой много перегородок, а потому и надобно скорее всё укладывать, что куда следует»².

¹ Издание второе, т. IX, М., 1787, стр. 227—245.

² «Русский вестник», 1809, ч. VII, № 9, сентябрь, стр. 344; Глинка С. Н., Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова, ч. I, СПб., 1841, стр. 11; он же, Записки, СПб., 1895, стр. 34. П. Н. Симанский полагает, что, цитируя на память Локка, Суворов имел в виду следующее положение английского философа: «...память есть как бы резервуар всех наших идей; ибо поскольку ограниченный ум человека не способен охватить

Как литературные произведения «Разговоры в царстве мёртвых» не представляют чего-либо оригинального. По форме это очень распространённые в западноевропейской классической литературе XVII—XVIII веков диалоги в загробном мире. Стил «Разговоров» ничем не предвещает позднейшего стилия Суворова. До сих пор не установлено, являются ли они собственными произведениями Суворова, или же переведены им откуда-нибудь. Прямой источник их не разыскан. Казалось бы, что пометки: «сочинения А. С.» и «сочинил С.» свидетельствуют о том, что перед нами не перевод. Но даже если когда-либо будет обнаружено иностранное происхождение «Разговоров», они сохранят в наших глазах прежний интерес. По справедливому замечанию Петрушевского, они указывают на направление мысли молодого Суворова¹.

«Разговор» Кортца с Мотецумой имеет подзаголовок «благость и милосердие потребны героям». Оба эти качества были вовсе не свойственны испанцу Фернандо Кортцу, и если Суворов наделяет его ими, то это свидетельствует о том, какие превратные представления о завоевателе Мексики сложились у европейцев XVIII столетия. Специальное изучение тогдашней литературы о Новом Свете могло бы определить, какие данные легли в основу суворовского диалога, если он не переведён, а сочинён им самим. Равным образом далёк от исторической действительности образ последнего властителя Мексики Мотецумы. Разговор между ними, обнародованный Суворовым спустя двести девять лет после смерти Кортца и двести тридцать шесть лет после гибели Мотецумы, хотя и звучит сплошным анахронизмом в устах обоих собеседников, любопытен для нас как ранняя иллюстрация одного из основных положений суворовской военной этики, неуклонно проводившейся им в его позднейших приказах и в «Науке побеждать». Суть диалога сводится к заключительным словам Кортца: «Ты имел многие почтенные достоинства, коими подлинно превозвышал мексиканцев, но пороки твои были причиной гибели

несколько идей зараз, необходим резервуар, куда он складывает идеи, которые со временем могут ему понадобиться». Симанский П. Н., Опыт исследования суворовской литературы. — «Журнал Императорского русского военно-исторического общества», 1911 кн. I, стр. 29.

¹ Петрушевский, т. I, стр. 20.

твоей. Благодать моя с союзниками моими и милосердие моё с побеждёнными, гордость же твоя и тиранство твоё над подданными твоими послужили мне главной помощью в завоевании царства мексиканского и в покорении одного гишпанской державе».

Если основная мысль «Разговора» между Кортесом и Мотецумой выступает совершенно открыто, то диалог Александра Великого с Геростратом остаётся как бы незаконченным. Спор о славе не решён. Осуждён Герострат, имя которого становится синонимом варвара и вандала, но осуждён — хотя, может быть, и с правом апелляции — и Александр. Жажда прославиться каким бы то ни было способом побуждает Герострата истребить огнём одно из семи чудес света — храм Дианы Ефесской, но пустое тщеславие руководит и завоеваниями Александра. Читатель в их споре не видит автора. Мысль, проскальзывающая между строк, — мысль о бренности земного величия — едва ли не выражает основной идеи «Разговора».

В этой нечёткости и незавершённости «Разговора» исследователи склонны усматривать отсутствие литературно-творческого опыта. Спор Александра с Геростратом — первая известная нам проба суворовского пера.

При всей литературной слабости обоих произведений, они интересны для нас с точки зрения развития моральных принципов Суворова и как прямое свидетельство его связи с сумароковским кружком¹.

Неотомненна значительная идейная близость, роднившая Суворова с сумароковцами. Не случайно, обсуждая в их среде свои «Разговоры», он ссылаясь на английского философа Локка. Локк был виднейшим авторитетом в философии для Сумарокова и его единомышленников. Сумарокову принадлежит статья «О разумении человеческом по мнению Локка».

Общественная позиция сумароковцев напоминает общественную позицию Суворова. Сумароков борется с придворной знатью и дельцами-«подьячими», разумея под ними чиновников-бюрократов и вельмож иностранного происхождения. Непримири́м к ним был и Суворов, причём слово «подьячий» употреблялось им в том же значении. Из лагеря сумароковцев исходит направленная против придворной

¹ Текст «Разговоров в царстве мёртвых» см. ниже в приложениях.

камарильи сатира Елагина на «петиметров». Не терпел придворных щёголей и Суворов, но боролся с ними иначе, по-суворовски, не словом, а делом.

Однажды прибыл к Суворову определённый к нему на службу петербургский «петиметр». Разодетый и раздушенный, он вручил ему ворох рекомендательных писем. Суворов не любил этого: примерная служба и примерное поведение должны были служить настоящей рекомендацией офицеру. Он предложил приезжему франту прокатиться с ним вместе верхом. Польщённый предложением, последний хотел переодеться, но Суворов остановил его словами: «В службе не до переодевания». Поехали. Дорого же обошлось столичному моднику его щегольство: Суворов проманежил незадачливого кавалериста до тех пор, пока его шёлковые чулки не превратились в сплошные дыры¹.

Общение с Сухопутным кадетским корпусом сыграло известную роль в воспитании Суворова как будущего полководца и военного наставника. Как уже было указано, на страницах «Ежемесячных сочинений» печатались оригинальные произведения и переводы воспитанников кадетского корпуса. Обычно эти работы предварительно прочитывались и обсуждались в Обществе любителей российской словесности. Среди прочих тем затрагивались темы военные и нравственно-воспитательные. В «Ежемесячных сочинениях» мы находим «Отеческое наставление к сыну, желающему определиться в военную службу», «Прибавление к должности командующего», «О несправедливых мнениях, до военного чина касающихся», «Рассуждение о содержании доброго воинского порядка и о военных экзерцициях»². Из всех этих статей наибольшего внимания заслуживает «Отеческое наставление к сыну...»: во-первых, это бесспорно не переводное, а оригинальное произведение; во-вторых, оно преследует цель воскрешения петровских традиций в русском военном искусстве. Мы знаем, что окончательным развитием и утверждением этих национальных начал русского военного искусства явилась суворовская «Наука побеждать».

¹ Лёвшин, стр. 145—146.

² См. «Ежемесячные сочинения...», 1755, октябрь, стр. 291—297; 1756, июль, стр. 3—17; октябрь, стр. 382—394; декабрь, стр. 553—563.

Непосредственная связь Суворова с Сухопутным кадетским корпусом поддерживалась с 1749 по 1755 год, то есть во всё время его службы в Петербурге. Но и в течение последующих лет эта связь не порывалась: посредником между Суворовым и воспитанниками корпуса служили «Ежемесячные сочинения», читателем которых был Суворов «Разговор» Кортца с Мотецумой появился в печати уже после отъезда Суворова из Петербурга, в январе 1756 года. То, что Суворов был прилежным читателем «Ежемесячных сочинений», удостоверяется не только сохранившимися его библиотеке книжками журнала¹, но и возможными огласками некоторых из помещённых в нём статей в различных высказываниях Суворова.

«...Объявляю тебе, мой сын, что ты на войне никогда счастья своего не сыщешь и в чины не произойдёшь, если не будешь иметь твёрдого намерения и похвального желания дослужиться до высочайшей степени и быть со временем командующим генералом». Это «отеческое наставление неизвестного родителя к сыну, желающему поступить на военную службу, было как бы принято Суворовым на свой счёт и последовательно проведено в жизнь. Не пустым звуком был для него и совет посвящать всё своё свободное время чтению «хороших книг», учиться на примере «великих героев» и представлять их себе «образцом»². На склонной Суворов повторит те же наставления своему крестнику Карачаю.

Созданный Суворовым образ героя во многом перекликается с литературным портретом «истинного героя», помещённым в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» за 1762 год³. Так в позднейших заветах Суворова

¹ В относящемся к 1899 г. описании остатков библиотеки Суворова упомянуты: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащих», 1755, ч. I, и «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащих» за 1759 г. См. статью капитана Полянского «О суворовской библиотеке» — «Русский инвалид», 1899 № 258, стр. 5—6.

² «Ежемесячные сочинения...», 1756, июль, стр. 4, 7—8.

³ Следующие отрывки направляются на сопоставление с письмами Суворова к Карачаю и к Скрипицыну (см. выше, в статье «Герой Суворова»): «В ком нет добродетели, тот не может быть героем. Истинный геройский дух весьма много разнится от легкомыслия и отважности... Истинный герой всё делает с рассуждением и по правильным основаниям. Не вдаётся он никогда в ярость и мщение, не имеет ни зависти, ни ненависти... Притворство, обман

рова-полководца оживают молодые впечатления Суворова-читателя.

Не прошли для него бесследно и впечатления сценические. Суворов не мог не бывать на спектаклях, устраивавшихся кадетами. В бытность свою командиром Суздальского пехотного полка в Новой Ладогe он открывает две школы для солдатских сирот — одну для дворянских, другую — для крестьянских детей. В первой существовало нечто вроде драматического кружка и примитивной сцены. Впоследствии Суворов образовал в своём имении Ундол труппу из дворовых. Главным «режиссёром» был сам Суворов: по его «наставлению» разные Ивановы и Ерофеевы «с прилежанием» обучали доморощенных актёров «трагедиям и комедиям». Роли распределял Суворов. «Васька комиком хорош, — рассуждал он, — а трагиком будет лучше Никитка. Только должно ему научиться выражению, что легко по запятым, точкам, двоеточиям, восклицательным и вопросительным знакам. В рифмах выйдет легко. Держаться надобно каданса в стихах, подобно инструментальному такту, без чего ясности и сладости в речи не будет, ни восхищения...». Суворовская труппа не была обычной в то время помещицей забавой. Он придавал этим театральным занятиям воспитательное значение. Поручая управляющему села Ундол строго смотреть за «благонаравием» актёров, Суворов писал: «Театральное нужно для упражнения и невинного веселья»¹.

III

Литературные связи Суворова не ограничивались его близостью к Обществу любителей российской словесности.

Переводчика Оссиана и Гомера Ермила Кострова Суворов называл своим «приятелем» и говорил, что он обязан ему

ложь, слова двоякого разума, ласкательства и пр. свойственны только подлому духу; он сему ни мало не подвержен. Честный человек и герой друг от друга неразлучны... Одной смелости для героя недостаточно; ежели не будет потом благоразумия, то она и вредна... Солдат должен быть смел, а генерал благоразумен... Он старается победу употребить в свою пользу, а не тщеславиться оною». — «Сочинения и переводы...», 1762, июнь, стр. 620—622, 626—627, 636.

¹ Петрушевский, т. I, стр. 47; Рыбкин Н., Генералиссимус Суворов, жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность, М., 1874, стр. 62—64.

более коротким знакомством с Гомером¹. Свой перевод Оссиана Костров посвятил Суворову. «Ты был всегда любитель нежных муз», — обращался он к нему, и это не было трафаретной лестью «пииты» щедрому вельможе. Если для других сановников его времени стихотворец был чем-то вроде присяжного льстеца, то, по словам биографа Суворова, «стихотворство имело в его глазах смысл рекомендации человека»².

Суворов не потерпел бы при себе продажного писаку, ожидающего подачки. Костров писал хвалебные оды «в чаянии милостивого благопризрения», подносил поздравительные «эпистолы» митрополитам «по случаю получения драгоценнейшей митры», но, спрашивается, — кто из поэтов XVIII века не писал подобных стихов. Мы не должны забывать, что Костров первый познакомил своих соотечественников с «Илиадой» Гомера и что его перевод, вышедший в 1787 году, считался образцовым вплоть до появления классического труда Гнедича. В своих дифирамбах Суворову Костров был глубоко искренен: он был ослеплён лучами его славы. «Что сих побед вина?» — спрашивает он и сам отвечает:

...Герой наш мало спит:

Исполнен к отчеству любви и к богу веры,
Он скор, неутомим, предчувствует, предзрит,
Спокойно зиждет всё, сообразует меры,
Любим подвластными, их попечитель нужд,
Труды являет им, как некие забавы;
Корысти подлой чужд,
Ревнитель россам славы...³

Поэтическое дарование Кострова невелико, это верно. Но романист Г. П. Данилевский был прав, отмечая задушевность и честность его голоса. Действительно, «самые странности мадригальной речи того времени в устах его получают оттенок, чуждый всего смешного и приторного»⁴.

Костров был лишён самомнения. Похвалы Суворова, «героя

¹ Фукс, Собрание разных сочинений, стр. 100—101.

² Петрушевский, т. I, стр. 445.

³ «Ода его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому». — Костров Е. И., Сочинения, СПб., 1849, стр. 143.

⁴ «Журнал министерства народного просвещения», 1856, ч. XCII октябрь, отд. VII, стр. 34.

и справедливого дарований судии», радовали, но не одурманивали его. Посвящая Суворову своего Оссиана, Костров руководствовался «достождолжным высокопочитанием к такому подвижнику, которого имя и потомству будет любезно, драгоценно, восхитительно». Можно ему поверить, когда он пишет Суворову: «Я не столько горжусь добротой перевода (много есть лучше меня переводчиков), сколько тем, что он украшен и возвышен знаменитым вашим именем»¹.

Оссиан «воспламенял» Суворова, но Суворов в свою очередь «воспламенял» переводчика Оссиана:

Позволь, да Оссияя, певец, герой, владыка,
Явися во чертах российского языка,
Со именем твоим неробко в свет грядет
И вящую чрез то хвалу приобретет.
Живописуемы в нем грозны виды браней,
Мечи, сверкаючи лучом из бурных дланей,
Представят в мысль твою, как ты врагов сражал,
Перуном ярости сплоты низвергал.
Враг лести, пышности и роскоши ленивой,
Заслугам судия неложный и правдивый,
Геройски подвиги за отчество любя,
Прочти его, и в нем увидишь ты себя².

Быть может, «перун» суворовских побед — Кинбурн, Фокшаны, Рымник, Измаил (штурм, на который, по словам самого Суворова, можно решиться только раз в жизни) — в какой-то мере определил и то, что героический оссиановский стиль пустил столь крепкие ростки на русской почве. Появился перевод Кострова в другое время, героика Оссиана, возможно, и не имела бы у нас такого успеха и не вызвала бы такого громкого отголоска в нашем искусстве.

Судьба Оссиана в России и во Франции была в некоторых отношениях однородна. Ему суждено было стать любимым спутником двух великих полководцев-современников — Суворова и Бонапарта.

Знакомству Суворова с Костровым, вероятно, способствовал Херасков. Костров одно время жил в доме Хераскова и пользовался его покровительством. Суворов радовался,

¹ Письмо Е. И. Кострова к Суворову от 30 сентября 1792 г. — «Русский архив», 1874, вып. 7, стлб. 4—6.

² Костров Е., Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века, галльские стихотворения, ч. I, М., 1792, стр. I—II.

когда встречал талантливых сынов русского народа и, подобно Ломоносову, верил в то,

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Встретившись с механиком-самоучкой Кулибиным, Суворов трижды поклонился ему в пояс, приговаривая при каждом поклоне: «Вашей милости — Вашей чести — Вашей премудрости», и затем воскликнул: «Помилуй бог, сколько ума! Много ума! Он изобретёт ковёр-самолёт». Суворов оценил также и трудолюбие вятского крестьянина Ермила Кострова, пробившегося к наукам и ставшего одним из лучших у нас знатоков греческого и латинского языков.

Из современных ему поэтов Суворов ставил выше всех Державина. Его связывали с ним долгие приятельские отношения. «Суворов и Державин были оба в полном смысле русские люди, в природе и в воззрениях которых было много сходного», — пишет биограф Державина академик Я. К. Грот. Своёобычность и самородность Державина подчеркнул Пушкин, сказав: «Гений его можно сравнить с гением Суворова»¹. Многие в натуре Державина было по душе Суворову. Он называл его Аристидом, а мы знаем, что справедливость знаменитого афинянина Суворов считал примером, достойным подражания. Державин в своих стихах создал целую портретную галерею современных ему русских людей. Одни из них встают перед нами, по обычаю того времени, в условном классическом наряде, другие — запросто, в домашнем платье; одни искусно загримированы, как театральные герои, у других из-под румян и пудры проглядывают живые человеческие черты. В этой портретной галлее один образ повторяется особенно часто; к нему вновь и вновь возвращается поэт, с особой любовью рисуя его. Это образ Суворова. Он тесно связан с основными устремлениями поэзии Державина. «...Постоянным предметом его мыслей, более всего его занимавшим, — замечает Гоголь, — было начертить образ какого-то крепкого мужа, закалённого в деле жизни, готового на битву не с одним каким-нибудь временем, но со всеми веками; изоб-

¹ Грот Я. К., Жизнь Державина — «Сочинения Державина», изд. Академии наук, т. VIII, СПб., 1880, стр. 698; письмо Пушкина к А. А. Дельвигу, 1825 г. — Пушкин, Полное собрание сочинений, изд. Академии наук СССР, т. XIII, Л., 1937, стр. 182.

разить его таким, каким он должен был изникнуть, по его мнению, из крепких начал нашей русской породы...»¹ Лучшего образца, чем Суворов, отыскать было трудно.

Аристид-Державин был в полном смысле слова певцом Суворова. Он воспевал его и в дни триумфов и в дни опалы. Когда Суворов томился в глуши Кончанского, разлучённый со своими «чудо-богатырями», и за неимением военной «практики» сражался в бабки с деревенскими ребятами; когда прежние льстецы отвернулись от него и примолкли, опасаясь прогневить царя, а у завистников и клеветников развязались языки, — один Державин остался верен своему герою и заявлял об этом во всеуслышание. Он указывал на него впадшему в немилость Валериану Zubову:

Смотри, как в ясный день, как в буре
Суворов тверд, велик всегда!
Ступай за ним! — Небес в лазуре
Еще горит его звезда².

Державин знал, что «луч воссияет из-под спуда», что живым Суворова похоронить нельзя.

Суворов не мог не дорожить таким отношением к себе со стороны прославленного поэта. Сам он, независимо от личных отношений, высоко ценил Державина как «словопевца». Он предрекал ему неувядающую славу: «Гомеры, Мароны, Оссианы и все доселе славящиеся витии умолкнут перед вами. Песни ваши как важностию предмета, равно и красотою искусства возгремят в наипозднейших временах, пленяя сердце... душу... разум» (многозначие в подлиннике — К. П.). Во время итальянского похода 1799 года Суворов поручил одному из находившихся при нём чиновников написать письмо Державину и сравнить его с первым поэтом в мире. Тот уподобил его Анакреону. Суворов нашёл, что этого недостаточно, и разорвал письмо³.

Суворов считал, что на обращение поэтов нужно отвечать так, как подобает «громкому лирику», то есть стихами. Но «в простоте солдатского сердца» своего он как

¹ Гоголь, В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность. — «Сочинения», изд. 10-е, т. IV, М., 1889, стр. 174.

² Державин, «Стихотворения», Л., 1933 («Библиотека поэта»), стр. 236.

³ Письмо Суворова к Державину от 21 декабря 1794 г. см. ниже в приложениях; Фукс, Собрание разных сочинений, стр. 95.

раз не обретал лирических струн. «Слабое приношение за эпистолу Ермилу Ивановичу Кострову, бакалавру московского университета» и «чувствие души», излитые в полурифмованном письме к Державину, служат тому красноречивым свидетельством¹. Да и сам Суворов ничуть не заблуждался насчёт поэтических достоинств своих стихотворческих попыток. Кому-то вздумалось назвать его поэтом. «Нет, извини, — возразил он, — поэзия — вдохновение, а я складываю только вирши»². Суворов питал к ним слабость, обильно вкрапляя их особенно в свои письма к Д. И. Хвостову, но придавать им какое-либо литературное значение нельзя. Не нужно быть поэтом для того, чтобы подтрунить над бездеятельностью Потёмкина:

Я на камушке сижу,
На Очаков я гляжу —

или пропеть, выходя от цесаревича Павла Петровича:

Prince adorable,
Despote implacable³.

Обладая природным юмором и саркастическим складом ума, Суворов часто выражал свои чувства по разным поводам в форме эпиграмм. Одна тетрадь, наполненная его «солдатским лаем», ходила по рукам и чуть было не наделала Суворову хлопот. Но нельзя не признать, что поэтическую форму ему так и не удалось покорить себе. Эпиграммы гораздо лучше удавались Суворову, когда его мысли не заключались в тиски размеренных стихотворных стоп и не сковывались рифмой. В сущности, эпистолярная и устная беседа Суворова с друзьями и окружающими изобиловала эпиграммами в прозе. Узнав из одного журнала о разговорившихся в Петербурге литературных прениях, Суворов произнёс: «Ах, помилуй бог, сколько пролито чернил; хорошо, что не крови. Удивляюсь войнам сынов Геликона, когда по мифологической истории гора сия и её окрестности лежат в здоровом и благотворном климате Беоции, где течёт бриллиантовая Иппокрена и где даже змеи теряют свою ядовитость». И, обратясь к Е. Б. Фуксу, прибавил: «Сообщи им мудрую мою мысль». О себе самом он однажды

¹ Лёвшин, стр. 68—69.

² Фукс, Анекдоты, стр. 22.

³ Государь восхитительный,
Деспот сокрушительный.

Петрушевский, т. II, стр. 235.

выразился так: «Я иногда растение не тронь меня, иногда электрическая машина, которая при малейшем прикосновении засыплет искрами, но не уьёт»¹.

Все подобные высказывания — больше, чем острые слова: это уже канва для эпиграмм. Но вышивать по этой канве не было дано Суворову. «Плох стихотворец, но хорош воин», — заметил как-то раз Д. Н. Бантыш-Каменский, прочитав одну суворовскую импровизацию в стихах².

Однако Костров в своей оде Суворову изображает знаменитого полководца как полноправного члена «среди лика чистых муз». Что это — лесть? Да, если бы речь шла об его стихах, но Костров понимает иное — наставления Суворова Скрипицыну и Карачаю об истинном героизме:

Почтен сединами, средь шума, средь войны
Минуты для наук искусно уловляешь,
С цветами тишины
Ты лавры сопрягаешь.
Герой с героями, при важности бесед,
Как рвением пламенным ко благу россов дыпишь,
И мыслями вперед грядущих в связь побед,
Шутя, к младенцам ты, как быть героем, пишешь.
Велик, велик тобой описанный герой;
Но я, коль сердцем я своим не обольщаюсь,
В нем вижу образ твой
И оным восхищаюсь.
О, если б мне твой дух и легкое перо,
Изобразил бы я...³

Этого было не нужно. Суворов сам изобразил себя лучше и полнее, чем это сделали бы другие.

Его письма к Карачаю и Скрипицыну имеют прежде всего военно-воспитательное значение, но в то же время — это литературные произведения, созданные по образцу распространённых в западноевропейской литературе психологических портретов («*caractères*»). Поскольку Су-

¹ Фукс, Собрание разных сочинений, стр. 123—124; Анекдоты, стр. 162.

² «Русский архив», 1876, кн. III, стр. 398. О стихах Суворова см. Алексеев В., Суворов-поэт, СПб., 1901; Суворов как стилист, стихотворец и юморист. — «Правительственный вестник», 1892, № 246—247 (фельетон не подписан).

³ «Ода его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымнякскому». — Костров Е. И., Сочинения, СПб., 1849; стр. 143—144.

воров написал их на французском языке, мы можем считать их лишь произведениями русской мысли, а не русского слова. Особенности родного языка и стиля Суворова вполне выражаются в его русских письмах, приказах и замечательной «Науке побеждать».

Эти памятники суворовского пера являются драгоценным достоянием русской языковой культуры.

IV

4 (15) июня 1799 года канцлер Н. П. Панин писал русскому послу в Лондоне С. Р. Воронцову: «...спешу препроводить вам при сем довольно интересную реляцию фельдмаршала Суворова, полученную мною сегодня поутру. К ней были приложены следующие несколько слов: «Бог всемогущий даровал нам Турин 15-го мая в три часа пополудни. Готовимся осаждать замок. Буду всегда с совершенным почтением и пр.». Это письмо в духе Цезаря — от 18(29) мая¹.

Ряд важнейших документов военной деятельности Суворова выдержан в том же «духе Цезаря»: стоит припомнить донесение фельдмаршалу И. П. Салтыкову о взятии Туртукая, ультиматум сераскиру крепости Измаил, сообщение Потёмкину о победоносном завершении измаильского штурма и многие другие. О падении после одиннадцати дней осады города Мантуи Суворов уведомлял Н. П. Панина: «Вашему сиятельству вот и одиннадцатидневная Мантуя». О захваченных вражеских судах он доносил Потёмкину: «Виктория, мой любезный шеф, — шесть кораблей!» Суворов считал, что «в переписке между начальниками войск следует излагать настоящее дело ясно и кратко, в виде записок, без больших титулов» и «красотою выражений не затмевать смысла»². Во время польской войны 1794 года он предписывал осведомлять его каждые шесть часов о военных действиях «цыдулями» вместо пространных суточных рапортов.

Составление подробных донесений было сущей каторгой для Суворова. Особенно же тяготился он обязанностью вести так называемые «журналы», на основании которых главнокомандующие писали свои реляции императрице. Су-

¹ Брикнер А., Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина, т. IV, СПб, 1890, стр. 315.

² Брикнер А., назв. соч. стр. 365; Масловский Д. Ф., Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потёмкина и П. А. Румянцева, 1787—1789 гг. (Кинбурн-очаковская операция), СПб., 1893, стр. 139; Милютин, т. I, стр. 578; т. III, стр. 353.

ворова занимает то, что ещё впереди, а о сделанном распространяться ему некогда. Он то и дело умоляет прислать ему какого-нибудь «беллетриста для сочинения журнала», считая себя совершенно неспособным на это. «Я не писец», — признаётся он с полной чистосердечностью¹.

Суворовские донесения не походили на обычные военные реляции. Зато и начальники Суворова часто не удовлетворялись его сообщениями. Так, Потёмкин сетовал на его «глухую исповедь» о фокшанском деле и не знал, что писать ко двору².

Суворовский лаконизм коренился всё в той же исключительной бережливости, с какой он относился к своему времени, всегда «почитая дело лучше описания»³.

Длиннейшее донесение Суворова императору Павлу о швейцарском походе написано не самим Суворовым. Ещё Д. А. Милютин утверждал, что это, несомненно, произведение Фукса. Сличение «высокого штиля», присущего писаниям Фукса, со стилистическими прикрасами донесения доказывает это неопровержимо. Суворову в нём принадлежит едва ли не одна подпись. Любопытно сопоставить стилистические упражнения Фукса со швейцарскими письмами Суворова. Вот каких страхов старается нагнать на читателя Фукс: «Выступив из пределов Италии к общему сожалению всех тамошних жителей, где сие воинство оставило по себе славу избавителей, проходило оно чрез цепи страшных гор: на каждом шаге в сем царстве ужаса зияющие пропасти представляли отверстие и поглотить готовые гробы смерти, дремучие мрачные ночи, непрерывно ударяющие громы, льющиеся дожди и густой туман облаков при шумных водопадах, с камнями с вершин низвергающихся, увеличивали сей трепет» и т. д. Что общего между этой стилистической мишурой и следующими отрывочными, но полными драматизма строками Суворова: «Пришёл в Биллинзон... Нет лошаков, нет лошадей, а едгь Тугут, и горы, и пропасти... Но я не живописец, пошёл и пришёл...» (многоточие в подлиннике — К. П.)⁴.

¹ Письмо Суворова к В. С. Попову от 11 октября 1787 г. — Алексеев В., Суворов-поэт, СПб., 1901, приложение, стр. 27; письмо к И. И. Веймарну от 16 июня 1771 г. — «Письма и бумаги», стр. 84.

² Петрушевский, т. I, стр. 346.

³ «Русский архив», 1900, вып. 5, отдельное приложение, стр. 17.

⁴ Милютин, т. IV, стр. 285; «Военно-исторический журнал», 1940, № 5 (10), май, стр. 120; Лёвшин, стр. 76.

Приказы Суворова вполне отвечают тем требованиям, которые он предъявлял к военным донесениям. Нет в них излишней цветистости в выражениях; всё сказано кратко и точно. «Бить стремительно вперёд, маршируя без ночлегов. Ночное поражение противников доказывает искусство вождя пользоваться победою не для блистания, но постоянства. Плодовитостию реляций можно упражняться после», — так гласит приказ Суворова по войскам кубанского и крымского корпусов. Обычно с первых же слов Суворов, как говорится, берёт быка за рога. Один из итальянских приказов Суворова открывается особенно эффектно: «Неприятельскую армию взять в полон»¹.

В частной переписке Суворов нередко отступает от своего лаконизма. Известен целый ряд его писем-дневников. П. И. Турчанинову, например, он послал однажды письмо, писавшееся шестнадцать дней. Подобные примеры многодневных писем встречаются и в переписке Суворова с Д. И. Хвостовым. Иногда это письма на отвлечённые темы, — письма, странные по форме и трудные для понимания. Есть в них нечто надуманное и принуждённое. Все эти письма-«журналы», как называл их сам Суворов, писаны не во время войн и походов, а в дни досугов. Невольно кажется, что в боевых и походных условиях окрыляюсь в его устах и самое слово.

С точки зрения языка всё написанное и сказанное Суворовым представляет первостепенный интерес.

Суворов понимал и любил родной язык. Е. Б. Фукс, передавая застольный разговор у Суворова, сообщает, что последний говорил «о богатстве нашего алфавита, о богатстве русского слова, что славянский язык, происходящий от славы, есть наш Перу, но что, к сожалению, бросили мы отрывать сокровища»². Живая речь Суворова служит доказательством того, насколько умел он пользоваться неисчерпаемым родником русского языка. Письма Суворова и другие произведения суворовского пера тем интереснее, чем ближе отражают они его живое слово.

Язык Суворова представляется архаичным для нашего слуха. Порою кажется, что слышишь речь человека петровской эпохи. Это понятно. Язык Суворова насыщен воен-

¹ Петрушевский, т. I, стр. 476; Милютин, т. II, стр. 246.

² Фукс, Собрание разных сочинений, стр. 97.

ными терминами иностранного происхождения, вошедшими в употребление ещё при Петре I и бытовавшими долгое время в военно-служилой среде. Они привились к языку Суворова вместе с изучением воинского устава и воинских артикулов. Он впервые услышал эти слова из уст своего отца, из уст арапа Ганнибала и других «птенцов гнезда Петрова». Суворов назначает своим войскам не сборный пункт или место, а «рандеву»; его войска не наступают, а «супренируют» противника; не выгоняют его из крепости, а «деложируют»; вступают с ним не в стычки, а в «шармицели»; одерживают над ним «викторию», а не победу¹. Автобиография Суворова пестрит иностранными словами и туманными оборотами, проясняющимися лишь при переводе на немецкий или на французский язык.

Чисто военными терминами иностранного происхождения не исчерпываются примеры варваризмов в языке Суворова. Местами они даже производят впечатление некоей стилизации, тем более что «пропозиции без рефлексии» (необдуманное предложение), «экивоку» (увёртка, уловка), «импульсии» (натиск) находят полные соответствия в словаре Суворова в виде равнозначных русских слов. Московский разговорный язык, — язык «московских просвирнь», столь восхищавший Пушкина, — был знаком Суворову не менее, чем язык петровского военного устава. Русская народная речь — это его Перу. И скрытые в нём сокровища не были для Суворова мёртвым кладом. Он любит ласковые русские обращения. Секретарь Потёмкина В. С. Полов для него то «голубчик», то «братец»; «не оставьте, батюшка, ваше сиятельство, моих любезных товарищей...» — пишет он после Туртукая фельдмаршалу И. П. Салтыкову. Ему же он сообщает, что намерен «на день-другой» отлучиться в Бухарест — «гопариться в бане». Просторечные слова и обороты под пером Суворова сочетаются со словами и оборотами, заимствованными из других языков: «Реляция написана не мудро, не гневайтесь, да я сам её и не писал, будучи нехороший штилист, особливо ж ещё — невежею здешних поведений». Суворов всегда пользовался просторечной формой родительного падежа множественного числа существительных среднего рода, оканчивающихся на «ие»: «ухищрениев», «украшениев», «обучениев»; он пишет также «войски», а не «войска», «письмы», а не «письма» (в именительном падеже множест-

¹ Автобиография Суворова — «Письма и бумаги», стр. 7, 8, 14, 15.

венного числа). Против этих форм, как просторечных, восставал Тредьяковский, но их защищал и употреблял в своих произведениях Сумароков. В письменно-разговорной речи Суворова просторечные слова и выражения играют множеством разнообразных оттенков: «Один вояж из Москвы сюда *скупал* за половину моих годовых доходов», — жалуется он П. И. Турчанинову. «Протест на курьера Малиновского: он *заел*, голубчик, сообщение его светлости в Военную коллегию», — пишет он из Кинбурна В. С. Попову. «Набаламутить», «не замать», «тягу дать», «брехать», «ай да», «ох» — все эти слова и словечки придают языку Суворова отпечаток жизненной теплоты и непринужденности¹.

Признавая богатство родного языка, Суворов сам щедро обогащал его, то наделяя существовавшие уже слова новым смыслом, то предаваясь словотворчеству. Суворовский словарь бесконечно разнообразен. «Придворничать» на его языке значит церемониться, «камердинерство» соответствует угодничеству, госпиталь становится синонимом «богадельни»; от французского слова «*antichambre*» (передняя) производится слово «антишамбрист» — придворный; красноречие, красноречие определяется словом «демостенство» (от имени знаменитого греческого оратора Демосфена).

С особенной изобретательностью проявлялся словотворческий дар Суворова в пору итальянского и швейцарского походов. Борьба Суворова с Тугутом порождает полный едкой иронии глагол «затугутить» — препятствовать, ставить палки в колёса. Тогда же старый суворовский «немогузнайка» переоблачается в немецкий мундир и появляется в письмах Суворова в форме «нихтбештимтзагера». Вот как возникло это новое понятие. Однажды Суворов задал своему австрийскому адъютанту вопрос: сколько австрийцев присоединилось к русским. Последовал ответ: «*mehrere Batallions*», то есть несколько батальонов. Суворов повторил вопрос, требуя, чтобы ему было указано точное число. «*Ich kann nicht bestimmt sagen*» (не могу точно сказать), — отвечал австриец. «Вон, нихтбештимтзагер», — вспылил Суворов, и с этих пор это, образованное на немецкий лад, слово стало синонимом «немогузнайки». Суворов употреблял его и в глагольной форме.

Другое суворовское слово, обязанное своим происхожде-

¹ «Письма и бумаги», стр. 88, 178; Алексеев В., Суворов-поэт, СПб., 1901, приложения, стр. 29.

нием войне 1799 года, это «унтеркунфт» со всеми производными от него формами. Как-то раз Суворов попросил к себе одного австрийского генерала. Ему доложили, что тот уехал за несколько вёрст в деревню, чтобы иметь там лучший «Unterkunft» — удобную квартиру, покойный приют. Этого довольно было, чтобы Суворов окрестил австрийцев «унтеркунфтциками»¹.

Слово это обнимало целый ряд понятий: под него подводился всякий, кто в походных условиях заботился об удобствах и комфорте, кто ради самосохранения пренебрегал своим боевым долгом и т. д., и т. п.

Значение и оттенки обоих слов исключительно многогранны. О «наитомнейшем» (тоже суворовское слово, означающее бездельность) эрцгерцоге Карле Суворов в минуту раздражения писал: «Эрцгерцог сидит в полном унтеркунфте и тем бештимтзагерит всю бурю на меня...»²

Стиль Суворова выразителен и разнообразен. «Слог его короток и мужествен, — пишет Антинг, — в выборе же выражений столь верен, что почти никогда написанного не поправляет...»³ Суворовские выражения могут иногда казаться странными, но они метки и оригинальны. Суворов не поправлял написанного или продиктованного потому, что и тут он дорожил своим временем. «Не обременять слога элоквенцией» — было его правилом. Письма Суворова — зеркало его «быстронравия». Не ищите в них внешней отделки, — в них её нет; и всё-таки они в своём роде литературны, — образны и красочны постольку, поскольку образна и красочна была живая речь Суворова. Но средства изобразительности, как сказали бы мы о стиле писателя, являются у Суворова не в виде отшлифованных драгоценных камней, а в виде самородков.

Суворов чаще всего пишет так, как говорит. Его измен-

¹ «Русская старина», 1900, т. СII, май, стр. 321; Фукс, Собрание разных сочинений, стр. 120.

² Петрушевский, т. III, стр. 153.

³ Антинг Ф., Жизнь и военные деяния генералиссимуса кн. Итальянского гр. Суворова-Рымникского..., изданные Максимом Парпурио, т. I, СПб., 1799, стр. VIII. О слоге Суворова см. также: Алексеев В., вступительная статья к брошюре «Письма и бумаги Суворова из Суворовского сборника...», СПб., 1901; Глинка С. П., О слоге Суворова, — «Жизнь Суворова, им самим описанная», ч. I, М., 1819, стр. 1—11; Репнин К. В., О слоге Суворова. — «Атеней», 1828, ч. VI, № 23, стр. 208—238; Петрушевский, т. II, стр. 5.

чивая и подвижная натура наложила неотразимый отпечаток и на его манеру выражаться. Он «не в состоянии спокойно излагать своих мыслей. Эти мысли, как говорится, опережают перо», — замечает редактор суворовских писем В. А. Алексеев¹. Суворов не признаёт ни оговорок, ни безличных глаголов; нередко вместо будущего времени употребляет настоящее или прошедшее. То, что предстоит выполнить, как бы выполнено уже в его воображении. Он не церемонится, не «придворничает» с синтаксисом, свободно опуская сказуемое. Часто его фразы напоминают строки телеграмм. Наряду с такими упрощёнными предложениями мы встречаем в письмах Суворова и образцы сложных синтаксических построений. Порою они намеренно запутаны. Это «эзопов», «халдейский» язык Суворова. К нему прибегает он тогда, когда хочет провести и обморочить перлюстраторов. И, вероятно, он вполне достигал своей цели. Нужно было близко знать Суворова, чтобы раскрыть эти смысловые иероглифы. Многие письма его к П. И. Турчанинову и Д. И. Хвостову становятся понятны лишь при помощи «ключа», извлекаемого путём многократного перечитывания-разбора, иначе сказать — путём перевода на современный язык. Некоторым же письмам Суворова, повидимому, так и суждено остаться навсегда загадками.

К отличительным особенностям суворовского стиля относится полная неожиданность и неподготовленность перехода от одного предмета к другому. Иногда это опять-таки тонкое средство суворовской тайнописи. «Политика, критика, Тугут, директория, Лондон, Потсдам... Боже сохрани... и вас, и супругу вашу», — пишет Суворов из Италии Ф. В. Ростопчину². Как ни вольно обращался вообще Суворов с пунктуацией, второе многоточие в данном случае поставлено неспроста. Это «боже сохрани» столь же относится к Тугутам всех мастей, сколь и к корреспонденту Суворова. От первых он отрекшивается, последнего же препоручает божьему покровительству.

Суворов обычно не заботился о слюге. Синтаксис его очень неровен. В его автобиографии, например, наряду с запутанными встречаются безупречно стройные фразы: «пойманы фуражировавшие уланы. Принявши их ласково, сведал я от них нужное о их расположении...», или: «Ночь

¹ «Письма и бумаги... из Суворовского сборника...», стр. XVI.

² Лёвшин, стр. 75.

была тёмная, и к утру пал туман», или: «Происходили неважные стычки в лесу. Конница закрывала малосилые пехоты нашей...» Синтаксис суворовских писем зачастую небрежен. «Пишу, как идут мысли,— говорит Суворов в одном письме к П. И. Турчанинову¹. Он мог бы сказать также: пишу, как идут слова. Случайно пропущенное слово вставляется Суворовым не там, где оно требуется по смыслу, а в том месте, на котором Суворов спохватился, что пропустил его. В других случаях слово попадает слишком рано под его перо. Причиной тому не только суворовское «быстронаравие», но и то, что его чернила воспроизводят его живую речь. «От нас в Очакове слышно, как собачки лают»,— пишет Суворов дочери из Кинбурна. Фразу эту следует читать, делая паузу после «от нас» и оттеняя ударением «в Очакове», так как смысл её таков: от нас слышно, как в Очакове собачки лают.

В письмах Суворова мы наблюдаем три вида синтаксических инверсий: 1) инверсия, как результат неряшливости слога, 2) инверсия, как отражение устной интонации и 3) инверсия, как средство выразительности. Границы между ними, впрочем, довольно зыбки, ибо неряшливая живая речь может быть в то же время очень выразительна. Намечая эти условные деления, я опираюсь не на произнесённую, а на написанную фразу.

С точки зрения стиля интересен лишь третий вид инверсии. «Я твёрдое принял намерение дать войскам нашим нужный отдых»,— пишет Суворов в 1799 году С. А. Колычёву. Этим отделением эпитета «твёрдое» от того слова, к которому он относится, Суворов подчёркивает непреклонность своего решения. «Песни поют заунывные»,— рассказывает Суворов о турках в одном из писем к дочери. Заунывность доносящихся к нему из Очакова в Кинбурн песен передаётся отнесением эпитета на конец фразы².

Афористичность и метафоричность присущи суворовскому стилю. В приказах и диспозициях афоризмами закреплялись в сознании подчинённых боевые правила и распоряжения Суворова. В письмах афоризмами разряжалась суворовская «буря мыслей»; в стремительном потоке рассужде-

¹ Автобиография Суворова. — «Письма и бумаги», стр. 16, 25; там же, стр. 132.

² «Русский архив», 1869, вып. 2, стлб. 210; письмо Суворова к дочери от 2 июня 1788 г. см. ниже в приложениях.

ний и замечаний, сменяющих друг друга, афоризмы являлись как бы водоразделами.

Афоризмы Суворова нередко метафоричны. «Недорубленный лес опять вырастает», — пишет Суворов, намекая на то, что основной целью военных операций должно быть окончательное истребление противника. В другом письме он прерывает свои размышления о «высокогтайственной науке» выбора людей следующим афоризмом: «Часто розовые каблукки преимуществовать будут над мозгом в голове». Замечание это подсказано наблюдением Суворова над современной придворной знатью¹.

Метафоричностью окрашены обычно суворовские характеристики. Следуя латинскому правилу: *De mortuis aut bene, aut nihil*², Суворов так выразился о покойнике Потёмкине: «великий человек и человек великий: велик умом, велик и ростом; не походил на того высокого французского посла в Лондоне, о котором канцлер Бакон сказал, что чердак обыкновенно меблируют худо». Не в пример Потёмкину, чердак балованого красавца Зубова был меблирован бедно. Князя Платона Суворов ошельмовал «козлом», который и «с научением не будет львом», и не щадил в своих письмах его «мелкоумия» и «ребячьей глупости»³.

Эпистолярный стиль Суворова пронизан метафорами. Жалуясь графу А. К. Разумовскому на то, что венский гофкригсрат, в угодность эрцгерцогу Карлу, ослабляет союзную армию в Италии, Суворов заключает свои сетования словами: «Кроя эрцгерцогову кровлю, мою раскрывать не надлежит». Впечатления свои от пребывания в Праге в 1799 году он выражает так: «Мы здесь плавали в мёде и масле»⁴.

Стилистически письма Суворова неоднородны: письма к Попову, например, не похожи на письма к Турчанинову, письма к Потёмкину существенно отличаются от писем к Павлу I, а письма к дочери занимают совершенно особое место в эпистолярном наследии Суворова. Это зависит прежде всего от того, как не на бумаге, а в личном общении

¹ «Архив князя Воронцова», кн. XXIV, М., 1880, стр. 324; «Письма и бумаги», стр. 191.

² О мёртвых должно говорить только хорошее или не говорить ничего.

³ Петрушевский, т. I, стр. 423—424; «Красный архив», 1941, т. 3 (106), стр. 163.

⁴ Письмо к гр. А. К. Разумовскому (?) от 25 июня 1799 г. — «Архив князя Воронцова», кн. XXIV, М., 1880, стр. 328; Петрушевский, т. III, стр. 319.

изъяснялся Суворов с тем или иным из своих корреспондентов.

Приятельские отношения с В. С. Поповым определяют непринуждённый тон суворовских писем и записочек к нему: «Василий Степанович! Да подари мне, братец, рулю табаку: нечего нюхать. Я тебе деньги хоть вдвое отдам: верь честному моему паролю. А. С.» То же просторечие, связанное с некоторой обязательной официальностью, в письмах к тем, кто были «старее» Суворова чином, но не возрастом. «Милостивый государь мой, Яков Иванович, — пишет он Я. И. Булгакову, — не прогневайся, батюшка, что я вас по долгу, в надлежащее время, не поздравил с сим новым годом, а сие ныне чиню». Здесь бросается, между прочим, в глаза смесь церемонного «вы» с просторечным «ты»¹.

Но не всегда стилистические особенности суворовских писем обуславливаются особенностями его живой речи. Встречаются у него и примеры заведомых стилизаций. Под сильным впечатлением костровского перевода Оссиана Суворов пытается подражать песням псевдошотландского барда, довольно точно перенимая стилистическую манеру Кострова: «Странствую в сих каменномшистых местах, пою из Оссиана. О, в каком я мраке! Пронзающий темноту луч денного светила дарит меня...» и т. д.² Непосредственным побуждением к этой стилизации послужила окружающая Суворова природа Финляндии, напоминавшая ему северную природу оссиановских поэм.

В письме к Д. И. Хвостову от 19 июля 1799 года, извещая его о взятии Мантуи, Суворов искусно пародирует евангельский стиль: «Прииде на Мантуу и бысть тма во всей стране до часа девятого, о девятом же часе завеса церковная раздрася с вышнего края до нижнего, и бысть глас коменданта к Краю: спаси мя и с присными, яко неции от zde сидящих не имут веры, дондеже приидет час спасти жизнь их от лютой смерти. И потрясися земля, и камень распадеся, и прииде Край спасти души страждущих»³. Рассказ этот является словесной мозаикой из разных евангельских строк. Пародийный характер отрывка подчёркивается сочетанием различных по своей стилистической окраске слов:

¹ Письмо к В. С. Попову от 17 сентября 1787 г. — Алексеев В., Суворов-поэт, СПб., 1901, приложение, стр. 26; «Русский архив», 1867, вып. 3, стлб. 488.

² Петрушевский, т. I, стр. 444.

³ Там же, т. III, стр. 140.

«и бысть глас коменданта», «и прииде Край». Однако Суворов соблюдает при этом полное чувство меры, и ни комендант Мантуи, ни австрийский генерал не режут слуха и не выпадают из общей ткани этого стилизованного повествования.

Называя себя «нехорошим стилистом», даже несколько рисуясь своим пренебрежением к внешней отделке написанного («в штиле я разума не чту») ¹, Суворов тем не менее показал себя своеобразным стилистом в своих письмах к дочери. При их полной естественности и ненадуманности, письма его к «Суворочке» являются в своём роде литературными произведениями. Суворов создал в них глубоко оригинальный стиль беседы отца с ребёнком. Нет в них синтаксически запутанных «халдейских» речений. Переписываясь с Наташей, Суворов не боится перлюстратора и не старается задавать ей головоломных загадок, причуя её к сметливости. Наоборот, он сам спускается до её детского понимания. Применяясь к её возрасту, он стремится быть понятным и занимательным. Он пишет не о том, что интересует его, а о том, что может позабавить её. Он рассказывает девочке, что поймал скворца; «кормили изо рту», да не досмотрели: он и улетел. А вот орла удалось приручить, и теперь Суворов пишет ей не гусиным, а орлиным пером. Синицы залетают к нему в комнату — и этим он не преминёт поделиться со своей «голубушкой». Рой пчелиный «отпустил четыре роя», — надо и об этом написать. Подчас, когда речь заходит об изобильных дарах природы, перо Суворова приобретает державинскую сочность: «Дичины, фруктов очень много, рыбы пропасть, такой у вас нет, в прудах, озёрах, реках и на Дунае, диких свиней, коз, цыплят, телят, гусят, утят, яблоков, груш, винограду. Орехи грецкие, волоцкие поспели, с кофеем пьём буйвольное и овечье молоко. Лебеди, тетеревы, куропатки живые такие, жирные». Это почти «Жизнь Званская» в прозе.

Пишет Суворов и о своей походной жизни, обычно скупо и немногословно: «недосуг много писать». При этом в своих военных реляциях «графине двух империй» он усваивает неизменно шуточный тон. Это так сказать обработанные для детей младшего возраста описания сражений: «Прыгаем на коньках, играем такими большими кеглями железными,

¹ Письмо к Д. И. Хвостову — «Письма и бумаги...» из Суворовского сборника», стр. 39.

насилу подынешь, да свинцовым горохом: коли в глаз попадёт, так и люб прошибёт»; «Ай да ах, как же мы подчивались, играли, бросали свинцовым большим горохом, да железными кеглями в твою голову величины. У нас были такие длинные булавки и ножницы, кривые, прямые, и рука не попадайся, тотчас отрежут, хоть и голову. Кончилось иллюминацией, фейерверком»¹.

Оба эти отрывка сплошь построены на игре различных ассоциаций (конь — конёк-коньки; кегли — шары-ядра; горох — картечь; булавки — штыки; ножницы кривые, прямые — сабли; фейерверк — ракеты-взрывы).

Этот однажды принятый шуточный тон, расцвечивающий эпистолярную беседу Суворова с дочерью, не изменяет ему и тогда, когда он рассказывает ей о полученных им ранениях. Едва ли здесь не примешивается и боязнь взволновать любимое дитя. «У нас всё были драки сильнее, чем вы дерётесь за волосы, — пишет он ей из Кинбурна в Смольный институт, — а как вправду потанцовали, то я с балету вышел: в бок пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка, да подо мной лошади мордочку отстрелили...»

Но Суворов перестаёт трунить, и тон его писем становится несколько приподнятым, когда он касается своего призвания. Той же самой «Суворочке» напишет он следующие строки, проникнутые чувством исполненного долга и благородной гордости: «Я... солдат, я умираю за моё отечество... Смелым шагом приближаюсь к могиле: совесть моя не запятнана. Мне шестьдесят лет, тело мое изувечено ранами, а бог оставляет меня жить для блага государства»².

Как бы непринуждённо, как бы непосредственны ни были письма Суворова, всё же при эпистолярной форме обращения между ним и его собеседниками лежало неизбежное средостение времени и пространства, бумаги и чернил. А он был непревзойденным мастером *живого* слова, вдохновенным военным оратором. Почувствовать могучую силу его устной речи, угадать тембр и оттенки его голоса помогает нам его классический труд «Наука побеждать». О необычайном воздействии суворовского слова на окружающих свидетельствуют единодушные показания мемуаристов.

¹ «Русский архив», 1866, вып. 7, стлб. 938, 943—944.

² Там же, стлб. 934, 944—945.

Суворов имел привычку озадачивать своих подчинённых неожиданными вопросами, вроде следующих: сколько грибов в лесу, или звёзд на небе, или муравьёв в муравейнике? Это не было чудачеством с его стороны, это был один из его многообразных воспитательных приёмов.

Сметливость и инициатива должны составлять, по мнению Суворова, неотъемлемые качества воина. Своими вопросами-загадками Суворов приучал к находчивости. Безответственное «не могу знать» способно было привести Суворова в ярость. Словами «проклятая немогузнайка, намёка, догадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежливка» Суворов заклеил вереницу понятий, противоположных точности, прямоте, сообразительности.

«Если кто теряется от одного слова, — говаривал он, — то на что же он будет годен при неожиданной неприятельской атаке»¹. Суворовские витязи никогда не бывали застигнуты врасплох неприятелем: они сами как из-под земли вырастали перед противником в ту минуту, когда он менее всего ожидал их. Подобно тому как они должны были всегда быть готовыми к отражению любого неприятельского натиска, должны были уметь ответить на удар врага смелым и находчивым контрударом, — так точно на поставленный невзначай вопрос они были обязаны дать немедленный ответ. И суворовцы за словом в карман не лезли. А Суворов радовался, когда на заведомо неразрешимый вопрос о том, какое расстояние от земли до вон той звезды, следовал ответ: «Три суворовских перехода», или когда сам становился втупик от нечаянного контрвопроса: «Ваше сиятельство, а как звали мою бабушку?»

Язык Суворова, как письменный, так и разговорный, отличался сжатостью и изобиловал намёками.

Однажды перед выступлением в поход Суворовым был отдан словесный приказ всего из трёх слов: «Патронов не мочить». Новички не могли и ума приложить, что бы это значило. Но старые сослуживцы Суворова тотчас разгадали смысл приказа и объяснили непосвящённым, что предстоит переправа через реку, вброд и нужно повыше подтянуть патронные сумки².

¹ Петрушевский, т. II, стр. 290.

² Там же, стр. 60.

Адъютант Суворова Столыпин рассказывает, что как-то раз, умываясь поутру, Суворов спросил его: «Завтра суббота?» и на утвердительный ответ, продолжая плескаться водой, промолвил: «Пушки не боялись бы лошадей, а лошади пушек». Адъютант понял, что на завтра назначается ученье кавалерии против артиллерии, и вышел отдавать соответствующие распоряжения¹.

Суворов сердился и обзывал «немогузнайкой» всякого, кто не понимал его или проявлял недостаточную догадливость в ответах. Впрочем, это случалось редко: суворовцы понимали его даже не с полуслова, а с одного взгляда или горящего жеста.

Однако намёк — это лишь один из видов речевой манеры Суворова. Великий полководец обладал неподражаемым искусством воздействовать на солдатскую массу не только своим примером, но и своим словом.

Французский дипломат Мессельер, посетивший Россию в половине XVIII столетия, передавая свои наблюдения над русской армией, замечает: «Русский солдат... любит, чтобы начальники с ним говорили, чтобы они показывали доверие к его храбрости, чтоб не действовали ему в ущерб и чтоб ему не мирволили; действуя таким образом, его можно повести штурмовать самый ад»².

Наблюдательный иностранец подметил исконную национальную особенность русского воина.

Совершеннейший тип такого справедливого и вместе с тем взыскательного начальника, отношения которого к подчинённым зиждятся на полном взаимопонимании, и представлял Суворов.

Один из первых собирателей крылатых изречений Суворова и мемуарных памяток о примечательных эпизодах из его жизни, В. Лёвшин, рассказывает: «Суворов не пропускал ни одного случая к возбуждению в подчинённых своих духа чести и мужества. Он знал, что полководцу так же нужно пользоваться расположением душ, как и выгодным местом. По окончании сражения под Мачевицами генерал Денисов приехал к нему с донесением о победе. Суворов, выслушав его, сказал: «Вот донец, он русский, он — Илья Муромец, он —

¹ Столыпин А., Воспоминания об Александре Васильевиче Суворове — «Москвитянин», 1845, ч. III, № 5 и 6, май и июнь, стр. 8

² «Русский архив», 1874, вып. 4, стлб. 965—966.

Еруслан Лазаревич, он — Добрыня Никитич!.. Победа, слава, честь русским!»¹

Действие суворовского слова было неотразимо. Багратион не мог без видимого волнения передать свои впечатления от речи Суворова на военном совете в Муттентале. По словам Багратиона, «это была речь военного, красноречивого, великого оратора». Суворов созвал своих генералов, чтобы осведомить их о коварстве австрийцев и воззвать к «величайшей храбрости и высочайшему самоотвержению» русских войск. Когда Суворов сказал: «Нам предстоят труды, величайшие, небывалые в мире», Багратион пережил минуты незабываемые: «У меня происходило необычайное, никогда не бывавшее волнение в крови; меня трясла от темени до ножных ногтей какая-то могучая сила; я был в каком-то незнакомом мне положении, в состоянии восторженном, — в таком, что если бы явилась тьма тьмущая врагов или тартар с подземными духами злобы предстал передо мной, — я готов бы был с ним сразиться... То же было и со всеми, тут бывшими... Мы вышли... с восторженным чувством, с самоотвержением, с силою воли духа: победить или умереть, но умереть со славою, — закрыть знамёна наших полков телами нашими...»²

Суворов был замечательный оратор, но его искусство речи было глубоко самобытно и неповторимо. Если бы кто-нибудь назвал Суворова в глаза оратором, он отмахнулся бы рукой, как отмахивался от тех, кто величал его поэтом. Ибо в сознании Суворова его мастерство живого слова не укладывалось в рамки обычных представлений об ораторском искусстве.

В своих рассказах о Суворове Ф. В. Ростопчин передаёт следующий любопытный эпизод.

Перед отъездом своим в Италию в 1799 году Суворов беседовал с ним о предстоящей кампании. «Слова текли, как река, мысли все были чрезвычайного человека; подобное красноречие я слышал в первый раз». Но, вдруг, когда его собеседник, наострив слух, старался не проронить ни единого его слова, Суворов встrepенулся и запел петухом. Озадаченный Ростопчин не мог скрыть своего разочарования перед такой внезапной метаморфозой Цицерона в петуха.

¹ Лёвшин, стр. 138.

² «Рассказы старого воина о Суворове», М., 1847, стр. 215 — 217, 219.

А Суворов, взяв его за руку, со смехом промолвил: «Пожи-ви с моё, закричишь и курицей»¹.

Стены министерского кабинета или дворцовой гостиной были тесны для размашистого красноречия Суворова. В этой непривычной для него обстановке церемонной пышности, золота и блеска не мог он подолгу выдерживать серьёзность тона. Его так и подмывало выкинуть какую-нибудь штуку, показать всем этим чинным «антишамбристам», что он не Демосфен, а Суворов, не оратор, а солдат. Не он ли говаривал с обычной для него прямоотой выражения: «В кабинете врут, а в поле бьют»². Одна мысль уподобиться кабинетным теоретикам страшила его.

«Поле» было его настоящей стихией, солдатская масса — его аудиторией. Он не привык, чтобы им заслушивались, он привык, чтобы его слушались. Ему нужны были не гордые сановники, кичливо тонущие в бархатных и шёлковых подушках кресел, а стройные шеренги войск, осенённые потрёпанными в походах знамёнами, стальные переливы штыков, затаённое молчание, готовое прорваться — не комплиментом его ораторскому искусству, а многоголосным эхо, подхватывающим его десять заповедей: субординация, экзерциция, дисциплина, чистота, опрятность, здоровье, бодрость, смелость, храбрость, победа, — слава, слава, слава!

«Когда Александр Васильевич говорил речь, — рассказывает один из суворовских ветеранов, — офицеры и солдаты, столпившись, окружали его так тесно, что лошадь его не могла повернуться. Это он любил; этого даже требовал»³.

Голос Суворова был негромок и, казалось, не был рассчитан на такую большую аудиторию. Но когда один иностранец высказал сожаление, что его можно слышать лишь на близком расстоянии, Суворов возразил: «Довольно и того, что передние офицеры и солдаты меня услышат и поймут, вечером они передадут смысл моих слов товарищам, а завтра их будет знать вся армия»⁴.

И он не ошибался. При такой передаче его наставлений из уст в уста не только не утрачивался их смысл, но в основном сохранялась и самая форма. В этом убеждают нас многочисленные мемуарные записи.

¹ «Анекдоты графа Ф. В. Ростопчина о Суворове». — Глин-ка С. Н., Русское чтение, ч. I, СПб., 1845, стр. 254—255.

² Петрушевский, т. III, стр. 20.

³ «Рассказы старого воина о Суворове», М., 1847, стр. 29.

⁴ Петрушевский, т. II; стр. 291.

Причина этой неискажаемости смысла и формы суворовских слов — в их полной доступности пониманию масс, в глубокой народности языка Суворова. «Современники свидетельствуют, что солдаты говорили языком Суворова, а мы думаем, что, напротив, Суворов говорил языком солдатским...» — замечает академик Н. Ф. Дубровин в своём исследовании об этом «великом художнике военного дела»¹.

Беседе начальника с подчинёнными Суворов придавал большое значение. Один из приказов Суворова, заключающий изложение его приёмов строевой подготовки, заканчивается словами: «Не худо сказать солдатам какую-нибудь сильную речь, а затем по домам». Дюбокаж сообщает, что каждый смотр и парад Суворов завершал речью, «в которой подробно разъяснял, что нужно для того, чтобы быть хорошим солдатом, хорошим офицером. Он указывал на ошибки, сделанные войсками в одном случае, хвалил за то, как вели себя в другом. Наконец он передавал им в своих речах общие основания военного искусства»².

Это и было то «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом», которое составляет вторую часть суворовской «Науки побеждать». Оно сохранилось в двух видах — пространном и сокращённом. Солдаты называли его своим «катехизисом»³.

«Наука побеждать» — это руководство для боевой подготовки войск. Основные её положения были выработаны Суворовым в 1768 году, в бытность его командиром Суздальского полка в Новой Ладоге.

В своей окончательной форме «Наука побеждать» сложилась в 1796 году, когда в тульчинском лагере и окрестных гарнизонах Суворов предался своему излюбленному занятию — обучению солдат.

Заглавие инструкции — «Наука побеждать» — не принадлежит Суворову, но оно освящено традицией. Присвоенное суворовскому наставлению его первыми издателями, оно мо-

¹ Дубровин Н. Ф., Суворов среди преобразователей екатерининской армии, СПб., 1886, стр. 13.

² Приказ 1799 г., подлинник на немецком языке. — Милютин, т. I, стр. 577; Guillaumanches-Duboscage, Précis historique sur le célèbre feldmaréchal Souworow...; ср. Драгомиров М. И., Сборник оригинальных и переводных статей, 1856—1881, т. II, СПб., стр. 225.

³ Краткую редакцию «Словесного поучения...» приводит Старков в своих «Рассказах старого воина о Суворове», М., 1847, стр. 9—11.

жет быть признано вполне соответствующим первостепенному значению этого замечательного документа.

Руководство Суворова делится на две части: первая — «Развод», или правила учения перед разводом, — предназначена для командиров, вторая — «Словесное поучение...» — для солдат. Последнее имеет подзаголовок: «Разговор с солдатами их языком». Для изучения Суворова как военного наставника и военного оратора, а также языка и стиля его устной речи, представляет интерес именно этот «Разговор».

«Словесное поучение...» преследует две цели: приучить каждого воина «понимать свой манёвр» и воспитать в нём основное качество солдата — «на себя надёжность».

«Наука побеждать» не только произведение великого полководца, но и великого психолога, тонкого знатока солдатской души. Суворов, по образному выражению Дениса Давыдова, «положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение»¹. Он был для солдат не барином в мундире, а «отцом», «батюшкой», «нашим Суворовым». В свою очередь и они были для него «братцами», «ребятушками», «чудо-богатырями».

Суворов в обездоленном забитом человеке будил прежде всего сознание собственного достоинства, и солдат понимал и ценил это. Если «Устав воинский» Петра I в сущности предназначался лишь для командиров, ибо солдатская масса была почти поголовно неграмотной, если «Инструкция» С. Воронцова опять-таки была написана для офицеров, то «Словесное поучение...» Суворова обращалось непосредственно к солдатам. Устная форма делала его доступным буквально для всей солдатской массы.

«Словесное поучение...» обнимает все основные положения военного искусства Суворова: глазомер, быстроту, натиск, «таинство побиения неприятеля холодным ружьём», нравственное воспитание солдата, «понимание своего манёвра». Приказы, письма, диспозиции Суворова — прекрасный комментарий к этой части его «Науки побеждать». Лучшим же эпиграфом к «Словесному поучению...» могло бы служить правило Суворова: «Поменьше деталей и подробностей в речах к солдатам»².

¹ Давыдов Д. В., Встреча с великим Суворовым. — «Военные записки», М., 1940, стр. 44.

² Из записной книжки генерала Шателера. Михневич Н. П., Суворов-стратег — «Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба», СПб., 1900, стр. 5.

Суворов твердил солдату, что воюют не числом, а умением, что умение это приобретается не на войне, а в «экзерцициях», что более ему знать нечего, «только бы выученное не забыл». А для этого Суворов и обращался к могучему средству живого слова, разговаривая с солдатами «по-своему». Он не подделывался под народную речь: их язык был в то же время его языком. Русский крестьянин мыслит образами. Облечённые в привычную для него форму пословиц и поговорок, суворовские заветы усваивались легко. Не утомляя внимания, они поражали воображение и отчеканивались в памяти.

Природа русских пословиц, поговорок и присказок была хорошо известна Суворову. И в письмах, и в устной речи Суворов широко ими пользуется, иногда перефразируя их, иногда по образцу их создавая новые. Суворовские афоризмы не только внутренне, но и внешне близки к изречениям народной мудрости. «Шаг назад—смерть»,—гласит один из афоризмов Суворова, клеймящий трусость. Но разве не та же мысль выражена в пословице: «Бегать смерти, не убежать»? «Смелость города берёт»—говорит русская пословица. «Гляденьем крепости не возьмёшь»,—вторит ей Суворов.

«Штиль», «элоквенция», «демонственность»—всё это были понятия, преследуемые Суворовым. И тем не менее сам он, быть может не сознавая того, создал подлинное произведение военно-ораторского искусства — своё «Словесное поучение солдатам...» Родилось оно не в «четырёх углах» кабинета, выношено в походах, окрещено огнём сражений и побед, — и всё-таки оно является в своём роде *литературным памятником*, Достаточно было бы одной суворовской «Науки побеждать», чтобы включить в будущую историю русской литературы и русского языка главу о военном красноречии.

В «Словесном поучении...» Суворов достиг полнейшего соответствия между содержанием и формой.

Стремительности суворовских действий как нельзя лучше отвечает динамичность суворовского стиля. Это настоящая атака словом. «Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто вёрст, а когда издалека, то за двести, триста и больше, — вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова, — атакуй с чем пришёл, чем бог послал. Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай, ура! — Чудеса творят братцы!»

В этих строках с особенной силой сказался дар Суворова

ва-импровизатора. Мы не только слышим, — мы видим его. Он стоит перед сомкнутым строем войск. Но в эту минуту мысль его — не здесь. Другая картина стремглав проносится в его воображении. Он видит, как русский штык его «соколов» и «орлов» не в первый раз доказывает правоту его убеждения, что перед храбрым российским солдатом не устоит никакое войско. И ликующее «Чудеса творят братцы!» срывается с его языка, как сорвался бы в пылу битвы одобрительный возглас.

Перед штурмом Измаила Суворов объезжал полки, беседовал с солдатами и, не скрывая от них сложности предстоящего дела, говорил: «Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а всё-таки нам надо его взять»¹.

Суворовские «чудо-богатыри» доказали, что для них нет непреодолимых трудностей.

Зная это, Суворов в своём «Словесном поучении...» обращался к ним вновь и вновь со словами, будившими в их памяти воспоминания славного прошлого и призывавшими бесстрашно рваться навстречу новым подвигам.

Ров не глубок,
вал не высок, —
бросься в ров,
скачи чрез вал!
Ударь в штыки,
коли,
гони,
бери в полон!

Я нарочно разместил слова Суворова таким образом, чтобы нагляднее показать, насколько весь склад суворовской речи подсказан русским народным творчеством, в частности пословицами и поговорками.

По своему композиционному строю пословицы бывают одночленными, двухчленными, трёхчленными и многочленными. Каждая часть пословицы представляет синтаксическое целое. Мерное синтаксическое членение пословицы поддерживается ритмом, рифмой и прочими видами звуковой связи. Всё это Даль называл «внешней одеждой» пословиц.

«Одежда» суворовских афоризмов сшита по выкройке, снятой с русских пословиц. Есть у него и одночленные изречения: «Береги пулю в дуле», «Солдат не разбойник»; есть и двухчленные, которые не только внешне близки к по-

¹ Лёвшиц, стр. 136.

словицам, но и внутренне им родственны, заключая в себе иносказательный смысл. Например:

Нога ногу подкрепляет,
рука руку усиляет.

По образцу многочленной пословицы построено следующее знаменитое наставление, отдельные части которого в свою очередь перешли в народную речь в качестве пословиц:

Стреляй редко, да метко;
штыком коли крепко.
Пуля обмишуются,
штык не обмишуются.
Пуля — дура,
штык — молодец!

Речевая ткань «Словесного поучения...» насквозь простёгана народными словами и выражениями: карачун, басурман, ломить (итти напролом), отломать (быстро преодолеть расстояние), хлебать, как снег на голову, чем бог послал, лекарствица, травушки-муравушки. Это был действительно «разговор с солдатами их языком».

Заканчивал Суворов своё поучение войскам всегдашним напоминанием, что одной храбрости солдату мало, что храбрость должна быть помножена на уменье. Ещё в 1771 году эта мысль была высказана им в приказе по войскам в следующих тяжеловесных выражениях: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, ежели не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаний (то есть опыта — К. П.), при внушениях и затвержениях каждому должности его»¹. А вот в какую образную форму отлилось это правило в суворовской «Науке побеждать»: «Ученье — свет, а неученье — тьма. Дело мастера боится. И крестьянин [коли] не умеет сохою владеть, хлеб не родится. За учёного трёх неучёных дают; нам мало трёх, давай нам шесть; нам мало шести, давай нам десять на одного: всех побьём, повалим, в полон возьмём».

Так Суворов внушал сочетать смелость с уменьем. И семена его слов падали на плодородную почву. Недаром, когда Суворов спросил у одного гренадера, может ли он на свой

¹ Петрушевский, т. I, стр. 55—56.

штык насадить полдюжины немцев, тот отвечал ему: «Этого мало будет; я справлюсь и с дюжиной»¹.

Утверждая в своей «Науке побеждать»: «Богатырь заколет полдюжины — больше», Суворов мог сослаться на опыт этого гренадера суворовской выучки.

В заключение своего «Словесного поучения...» он приводил следующий яркий пример: «В последнюю кампанию неприятель потерял счётных семьдесят пять тысяч, только что не сто тысяч. Он искусно и отчаянно дрался; а мы и одной полной тысячи не потеряли! — Вот, братцы, воинское обучение! — Господа офицеры! Какой восторг!»

Смотр завершался хоровым повторением суворовских десяти заповедей. Порядок их отличается стройностью и последовательностью. Три первые (субординация — экзерциция — дисциплина) охватывают обязанности воина по отношению к строевой службе; три вторые (чистота — опрятность — здоровье) — обязанности его по отношению к себе, истекающие из сознания: «солдат дорог»; три последние (бодрость — смелость — храбрость) — боевые его качества. Итогом и венцом этих десяти заповедей является десятая — победа. Так, от подчинения и ежедневных упражнений, закаливавших физические и нравственные силы воинов, Суворов вёл своих «чудо-богатырей» к победе и славе.

VI

Суворов — полководец и военный воспитатель — создал свою школу. Его заветы не умерли. Лучшие представители русской армии остались верны им в эпоху господства плац-парадных генералов. Не заглохли в потомстве и речевые традиции Суворова.

Передавая дальнейшим поколениям боевые наставления Суворова, многие соратники его облакали их в словесную форму, усвоенную непосредственно от него.

Приказы Я. П. Кульнева считались подражанием суворовским приказам. Однако меньше всего тут можно говорить о подражании. Суворовец до мозга костей, Кульнев и не мог изъясняться иначе: суворовский строй речи был для него естественным и природным. Его язык — это живой народный язык окружавшей Кульнева солдатской среды.

¹ Глинка С. Н., Русские анекдоты военные и гражданские, ч. II, М., 1822, стр. 165.

«На марше быть бодрю и веселу; уныние свойственно одним старым бабам. По прибытии на Кумлинген — чарка водки, кашлица с мясом, щи и ложе из ельнику. Покойная ночь!» — этот приказ Кульнева 1809 года, времени финляндского похода, невольно напоминает один приказ Суворова, где он говорит что «*сикурс, опасность* и прочие вообразительные в мнениях слова служат бабам, кои боятся с печи слезть, чтобы ноги не переломить»¹.

Совершенно суворовским и по смыслу и по форме является письмо Кульнева 1810 года в Белорусский гусарский полк: «Обучать солдат, как предписано было от главнокомандующего, отнюдь не более трёх часов в сутки, но знать, чему обучать, на что должно испытывать самих господ офицеров, достаточно ли они знают своё дело, без чего ученье не есть ученье, а мученье»².

Здесь чётко выраженная мысль наставления подкрепляется и замыкается излюбленным приёмом Суворова: афоризмом-поговоркой.

Несомненным отзвуком суворовских обращений к солдатам представляется интересный документ 1810-х годов — «Солдатский катехизис» Сабанеева. Ветеран итальянского и швейцарского походов, участник отечественной войны 1812 года, И. В. Сабанеев был доступен солдатам, пользовался их любовью и доверием. Он неустанно передавал войскам свой боевой опыт. Сабанеевский катехизис не охватывает всего того, что вмещала в себя «Наука побеждать», но он излагает в легко запоминающейся форме суворовские понятия о воинской чести. Например: «...Кто вперёд идёт, тому одна пуля роковая, кто назад бежит, тому десять вслед. — За бегущим назад неприятель гонится; от наступающего он бежит. — Храбрый солдат терпит раны, как мученик, трус — как наказанный преступник. — Беглец, грабитель — не солдат... — Деритесь храбро, помните присягу, повинуйтесь начальникам — вот ваши обязанности»³.

С лёгкой руки Суворова, афористическая форма передачи основных правил воинского поведения прочно вошла в русскую военную литературу. Ритмический строй речи, усна-

¹ Давыдов Д. В., Воспоминание о Кульневе в Финляндии — «Военные записки», М., 1940, стр. 151; Петрушевский, т. I, стр. 58—59.

² Давыдов, Воспоминание о Кульневе..., стр. 151.

³ Масловский, вып. II, Примечания и приложения, стр. 89.

щённый пословицами, поговорками и прибаутками, становится достоянием так называемого «солдатского» стиля. Все признаки уже налицо в суворовской «Науке побеждать».

После отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813—1814 годов перед образованными представителями русского офицерства встала задача создания специальной литературы для солдат. Едва ли не первым откликнулся на эту задачу Ф. Н. Глинка; именно он ввёл в литературу понятие «солдатского слога». Выработывая его, Ф. Н. Глинка пользовался двумя источниками — живым источником солдатской житейской речи и «книжным» источником суворовской «Науки побеждать». Он сам указывает на это в предисловии к своей книжке «Подарок русскому солдату» (1818): «Я старался, сколько мог, придерживаться говорки солдатской, которой слышался в походах и в лагерях от самих же солдат... А кто первый сотворил у нас быстрый (как скорый марш), лёгкий, живой и сильный солдатский слог? Суворов, великий Суворов! Его тактика написана именно солдатским языком. Зато солдаты знали и твердили её наизусть, как любимую сказку или песню».

За Ф. Н. Глинкой, которому не удалось избежать налёта несколько приторной стилизации, следуют такие «солдатские» писатели, как И. Н. Скобелев и А. Ф. Погосский.

И. Н. Скобелев четырнадцати лет от роду поступил вольноопределяющимся на военную службу. В финляндскую кампанию 1808—1809 годов он находился в авангарде Я. П. Кульнева, в 1812 году состоял при Кутузове.

Изувеченный в боях, Скобелев знал солдата, «как три пальца на последней руке», и любил его, «как душу». Солдат в его глазах «образцовое славное создание, мгновенно готовое на славное великое дело». «Русского солдата хоть распили, а правды врагам он не скажет», — таково было глубокое убеждение Скобелева¹.

В 1833 году вышла первая книжка Скобелева, «Подарок товарищам, или переписка русских солдат в 1812 году, изданная русским инвалидом Иваном Скобелевым».

Скобелев — исключительно военный писатель. Походы, ратные подвиги, живые примеры внушаемых им правил военной службы — вот темы Скобелева. Белинский ценил его

¹ Скобелев И. Н., «Беседы русского инвалида...», ч. II, СПб., 1838, стр. VI; Кубасов И., Иван Никитич Скобелев. — «Русская старина», 1900, т. CI, март, стр. 609.

живой простонародный язык, уснащённый поговорками и яркими вспышками простодушного солдатского юмора.

Непосредственным памятником военно-воспитательной деятельности Скобелева является изданное им самим «Собрание приказов». Очевидно, Скобелев считал, что его приказы, отданные по разным частным поводам, представляют более широкое значение. Недаром он с удовлетворением отмечает однажды, что солдаты «из приказов моих, к нравственности относящихся, десятка по два и более слов знают наизусть»¹.

В своих наставлениях офицерам и солдатам Скобелев не говорит ничего нового, но всё, что он говорит, облечено в живые образы. Оттого-то и унтер-офицеру и рядовому понятна была речь Скобелева: их зажигал его пафос, смешили его шутки. Не могло не производить на них соответствующего впечатления и то, что Скобелев обращался к ним чаще всего как к «товарищам». Он твердил им всё те же вековые истины военной службы, стремясь приучить их «в мирное время к труду, в военное к мужеству и славной смерти». Однако о старом он умеет сказать по-новому, так, чтобы оно отозвалось в сердце слушающего. Он не повторит дословно того, что говорилось до него, о необходимости изучать военное дело, а скажет: «Если б возможно было побеждать неприятеля вилами, то и вилами всё-таки надобно бы было учиться, и тогда, без сомнения, потребовалось бы мастерство!» И это запоминалось. Начальник, по мнению Скобелева, обязан «развернуть понятие солдата». Нелегко было сделать это в николаевскую эпоху, трудно было привить солдатам любовь к военной службе, заставить смотреть на неё не как на тяжкую неволю, а как на почётный долг. Немногим командирам, по-суворовски относившимся к своим подчинённым, удавалось это. Скобелев был в их числе. Он внушал своим «солдатам-товарищам», что «военная слава с русским солдатом из века в век шла в рядах и в ногу», он подстрекал в них воинское самолюбие, говоря: «...Невозможность для русских солдат ещё не придумана... невозможность — мечта... Невозможность — чужое слово. Где ж невозможность? Высылай её к нам на волах или на кораблях, у нас она тотчас запляшет в присядку». Чтобы полюбить военную службу, он советует «прочсть родную нашу русскую историю, но прочсть с сердцем, с чувством, с толком и, без сомнения, со слезами». И тогда ясным ста-

¹ «Собрание приказов», Нижний-Новгород, 1856, стр. 148.

нет, что «службу не жалуют изменники, трусы и ленивцы», ибо, «защищая родную землю, там мы веселы, бодры, супостату ужасны, страшны и во всём мире известны, славны!»

Ритмичность речи, местами близкая к фольклорному сказу, такие выражения, как «булатный меч-кладенец», «выше леса стоячего, выше облака ходячего», наконец удачные примеры словотворчества, вроде «проштыкнуться» (не удержаться на должной высоте, промахнуться — в смысле уронить своё достоинство), свидетельствуют о том, что в своих приказах и обращениях к войскам Скобелев продолжает суворовскую традицию «разговора с солдатами их языком»¹. Он мог перенять её у Кульнева, речь которого оказала несомненное влияние на речь Скобелева, но и знакомство с «Наукой побеждать» и другими памятниками суворовского слова не прошло бесследно для Скобелева. А Суворова он боготворил².

Другим военным писателем «суворовской школы» является А. Ф. Погосский. Погосский изведал сам все тяготы службы низшим чином в николаевские времена. В солдате он искал

¹ «Собрание приказов», Нижний-Новгород, 1836, стр. 27, 42, 65, 105—106, 108, 117, 135; Кубасов И., назв. соч., стр. 610.

² См. «Беседы русского инвалида...», ч. I, СПб., 1838, стр. 141: «Встарину, на святой Руси, между ратными людьми велась поговорка: «Где Суворов и русский штык, там и слава. А где слава, там уж, верно, и Суворов и русский штык!» Эта поговорка с Суворовым, с русским штыком и со славою глубоко врезалась в юное некогда моё сердце и поднесь, в дурную погоду, следовательно в минуты скуки и горести, тяжкому состоянию моему свойственных, с достойными уважения и памяти выходками разудалых русских воинов сообщает мне спасительную передышку и облегчает жестокие мои страдания. Поэтому, как собственную мою душу, люблю и даже боготворю я Суворова, люблю молодецкий русский штык, которым бессмертный предводитель храбрых, герой, гений, легко и ловко пролагал путь к славе. Имя Суворова не раз встречается и в других произведениях Скобелева. Например: «Под командой бессмертного Суворова никто не сомневался в победе и никто не знал, что значит быть побеждённым», ибо Суворов «умел вдохнуть слепую, сердечную к себе уверенность». — «Подарок товарищам или переписка русских солдат в 1812 году...», СПб., 1833, стр. 187; «...чего не сделали русские солдаты под начальством славных вождей своих и в последние 40 лет? — С Суворовым они перешагнули Чортов мост, и прежде нежели в тартаре получен был рапорт, прежде нежели сатана дал резолюцию, молодцы на могучих плечах, с помощью офицерских шарфов, передвинули лошадей и пушки, в двуглавый наш орёл парил уже на неизмеримой горе, выше леса стоячего, выше облака ходячего». — «Собрание приказов», Нижний-Новгород, 1836, стр. 134—135.

и любил человека. С 1840-х годов он начал писать специально для солдат, ведя с ними беседу на солдатском, «нашинском», языке. Главным и единственным героем Погосского выступает русский воин — незаметный и непритязательный Максим Максимыч, который, когда придёт время, вдруг встанет во весь свой внутренний рост, во всей своей душевной красе. Обращаясь к нему, Погосский метит ему «в сердце», чтобы приучить последнего метить «в лоб». Цель рассказов Погосского в сущности была та же, что и Скобелева: заменить казённые книжки с сухим изложением основ солдатской службы живыми примерами и говорящими образами. С этой стороны в особенности показательны «Солдатские заметки» Погосского, впервые напечатанные в 1855 году. Содержание их становится ясным из простого перечисления заглавий: «Солдатская школа», «Повиновение и усердие», «Честь и оружие», «Побеги и беглецы», «Подлаживание» и т. п. Перепечатывая свои «Солдатские заметки» четвёртым изданием в 1873 году, Погосский писал в предисловии: «Заметки» эти написаны лет двадцать тому назад; много воды утекло с тех пор, и солдатский быт изменился во всех своих подробностях. Но *основание* службы солдата остаётся то же и останется неизменным навсегда, пока будет существовать военное дело...»¹

Погосский был прав, называя эту свою книжку «заметками». Рассказами их, пожалуй, и нельзя назвать, так как в большинстве случаев фабула в них отсутствует. Вот, к примеру, содержание «заметки» Погосского «Солдатская школа», служащей развитием известного суворовского положения: «Готовься... в мире к войне». Погосский начинает с поговорки: «Век живи — век учись!» Жизнь идёт вперёд. Меняются и способы боя. Дрались люди кулаками, потом взялись за дубьё, стали метать камни да придумали стрелы, затем изобрели железное оружие, а напоследок «дошли до того, что пули да картечь словно из рукава сыплются». Что впереди будет — неизвестно, что было, то пройдено, а вот то, что есть, нужно изучать и «знать до тонкости».

Погосский внушает бодро переносить лишения, неизбежные в походе, разъясняет, что такое *солдат* в настоящем суворовском понимании этого слова: «Хороший человек и исправный служивый — это есть истый солдат! Что значит,

¹ Погосский А. Ф., Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1899, стр. VIII.

когда говорят о человеке: он *прямой солдат*, у него *солдатская душа!* Ведь это самая лестная похвала человеку: так называют только доброго и сильного человека. *Бодрость и весёлость, правдивость и бескорыстие, исправность и точность, терпение и усердие*, — вот что нужно, чтобы быть *хорошим человеком*; а прибавь к этому ещё *силу, ловкость и отвагу*, — и ты будешь *истый солдат*». Вывод: в мирное время нужно учиться быть солдатом, а поверкой выученного будет боевое испытание¹.

Погосский написал популярную книжку о Суворове. Кончается она сводкой суворовских заветов, почерпнутых преимущественно из «Науки побеждать». Можно смело сказать, что сам Погосский не только проникался смыслом суворовских наставлений, но учился у него и способу изложения. В «Походных заметках для пехоты» он прибегает к знакомому нам быстрому, разговорному, балагуриющему строю речи Суворова: «Иди хоть вольно, да стройно, редьку не сади, — не то поджилки ослабнут... не останавливайся ни зачем: ни трубку набивать, ни огня добывать... иди ровно, твёрдо, храбро, молодцом рисуйся, вперёд не суйся, в бока не толкайся и назади не оставайся, — это всего пуще!» Погосский вводит в свой язык «термины», либо подслушанные им в пору личного общения с солдатской средой, либо сочинённые им самим в итоге хорошего знакомства со словарём солдата: землемер (пехотинец), ходули (ноги), печной комендант (хозяйка избы), портрет (лицо), солдатка-носогрейка (трубка), мухомор в корзине (глупость в голове)². Умело пользуется Погосский и афоризмами, составленными по образцу пословиц. Такими афоризмами особенно часто заключает он свои рассказы и «заметки», что способствует их лёгкому запоминанию³.

Поздним образчиком «суворовского стиля» в русской военной литературе служит «Солдатская памятка» генерала

¹ Погосский А. Ф., Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1899, стр. 46—48.

² Погосский А. Ф., Полное собрание сочинений, т. II, СПб., 1900, стр. 703—705; т. I, стр. 4.

³ Например: «Почтенна не богатая одежда, а опрятная; честна не кудрявая речь, а правдивая», «Беглеца гонит страх, провозжает стыд, а встречает полная беда неминуемая», «Плохой тот солдат, который не думает быть генералом, а ещё плоше тот, который слишком думает, что с ним будет». — Погосский А. Ф., Полное собрание сочинений, т. I, стр. 9, 20, 46.

М. И. Драгомирова. Если в приказах Кульнева и в произведениях Скобелева и Погосского мы ощущаем *отголоски*, хотя и очень отчётливые, суворовской речи, то «Солдатская памятка» по форме является прямой стилизацией под Суворова. Это свод основных воинских правил, изложенных в виде кратких изречений. Среди драгомировских фраз вкраплены подлинные суворовские слова. Например: «Под выстрелом наступай в рассыпную, атакуй вместе: бьют кулаком, а не растопыренными пальцами. *Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет*»; или: «Не думай о себе, думай о товарищах; товарищи о тебе подумают. *Сам погибай, а товарища выручай*»¹. Стилизация эта удачна, поскольку в суворовскую форму автор вкладывает и суворовское содержание. В основном к «Солдатской памятке» Драгомирова применимо то, что писал Погосский в предисловии к четвёртому изданию своих «Солдатских заметок». Вот почему извлечения из «памятки» Драгомирова наряду с главнейшими положениями суворовской «Науки побеждать» включены были впервую «Книжку красноармейца», изданную в 1918 году военным отделом ВЦИК и утверждённую В. И. Лениным и Я. М. Свердловым².

Сказанным далеко не исчерпываются формы возможного воздействия Суворова на русский литературный язык. Я коснулся только специально военной литературы (Кульнев, Сабанеев, Скобелев, Драгомиров) и художественной литературы (Ф. Глинка, Скобелев, Погосский), предназначенной для солдат. Своеобразный отзвук суворовского голоса слышится в «Военных записках» Д. В. Давыдова и в его автобиографии. Тут уже не боевые наставления, не приказы, не письма, не солдатские памятки, — тут военные мемуары, но в «огненной» стремительности Давыдова-рассказчика прорываются знакомые нам черты не менее огненной стремительности Суворова-оратора. Внимательно и всесторонне изучавший его Давыдов не мог не поддаться заразительной силе суворовского слова.

«Резкие черты неподражаемого слога» Давыдова, как отозвался об его прозе Пушкин, сложились под влиянием различных впечатлений. И не случайно исследователи возводят генезис оригинального *давыдовского* стиля не только к при-

¹ Драгомиров М., Солдатская памятка, изд. 12-е, СПб., 1890, стр. 3.

² См. Орестов С., Первая служебная книжка красноармейца.— «Военно-исторический журнал», 1941, № 2, стр. 118.

казам его начальников Кульнева и Ермолова, не только к запискам Наполеона, но и к «Науке побеждать»¹.

По свидетельству современников, военные мемуары Д. Давыдова оказывали на слушателей и читателей примерно то же возбуждающее действие, что и словесные поучения Суворова. П. А. Вяземский присутствовал на чтении партизанского дневника Давыдова в кругу молодых офицеров. «Надобно было видеть, какое действие производили на них описания битв и дел Давыдова: они восклицали вместе с ним, горели нетерпением вступить в след его», — так передаёт Вяземский свои наблюдения очевидца².

Суворовский стиль речи — достояние начальника, осознающего своё кровное родство с солдатской массой, а через неё — с родным народом.

Без этого сознания *суворовский* стиль — грубая подделка, мёртвая форма.

Вот почему ростопчинские афиши внешне звучат по-суворовски, но на самом деле в них нет ничего суворовского. Для того чтобы говорить с народом его языком, Суворову не нужно было выступать от лица московского мещанина Корнюшки Чехирина, «выпившего лишний крючок на Тычке». Суворов не стал бы «действовать на дух народа» такими дешёвыми средствами, как Ростопчин. Великий полководец никогда не скрывал не только от офицеров, но и от рядовых предстоящих трудностей. Он внимательно и неусыпно изучал противника, обогащая его опытом свой опыт. Того же требовал он и от других. Он не боится воздать должное боевому искусству врага даже в своём «Словесном поучении...» («в последнюю кампанию неприятель... искусно и стчаянно дрался»), зная, что напоминание о победе над сильным противником пробуждает в войсках чувство заслуженной гордости. Наполеон приближался к Москве грозным и могучим завоевателем, а Ростопчин призывал москвичей «своим судом с злодеем разобраться»: «хорошо с топором, не дурно с рогатиной, а всего лучше вины тройчатки; француз не тяжеле снопа ржаного»³. Эти орудия действительно пошли в ход, но когда? Вряд ли Ростопчин был столь дальновиден, что мог предугадать развал армии Наполеона.

¹ См. Орлов В., Денис Давыдов и его записки. — Давыдов Д., «Военные записки», М., 1940, стр. 25.

² Там же, стр. 28.

³ «Ростопчинские афиши 1812 года», СПб., 1899, стр. 19, 45—46.

Основы феодально-крепостнической монархии были незыблемы в глазах Суворова, но Суворов-помещик ничем не проявлял себя в своих военных наставлениях, а Суворов-монархист только раз обмолвился в своей «Науке побеждать» о «матушке» (Екатерине) и «пресветлейшем доме». Выше всего для него была родина, честь и слава русского оружия. Наоборот, Ростопчин слащаво упоминает о «милосердном государе Александре Павловиче», «отце нашем Александре Павловиче», назойливо увещает «почитать начальников и помещиков; они ваши защитники, помощники, готовы вас одеть, кормить и поить», самого себя рекомендует как «русского барина»¹.

Ритмическая проза Ростопчина, пересыпанная пословицами и прибаутками, ощущается как нечто глубоко фальшивое. Это не усвоение, а опошление суворовского стиля. Это русский помещик, одетый и причёсанный à la тоцјік.

Ростопчинские афиши успеха в народе не имели.

Читая подобные словесные упражнения под Суворова, вспоминаешь анекдот об одном генерале, который закричал солдатам, выпаливая зараз весь арсенал суворовских слов: «Здравствуйте, ребята, чудо-богатыри, друзья мои...» и т. д. Генерал хотел завоевать популярность, но промахнулся. Подделка оказалась столь явной, что солдаты только посмеивались: «Что этот старик к нам привязался?»².

Случай этот произошёл ещё при жизни Суворова. Великий солдат не скрывал своего удовольствия, слушая этот рассказ. Он лишний раз убеждался в том, насколько неподражаем был в своей оригинальности и насколько холодна форма, если она не согрета его, суворовским духом.

¹ «Ростопчинские афиши 1812 года», СПб., 1899, стр. 26, 28, 50—51.

² Фукс, Анекдоты, стр. VIII.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рукописное наследие Суворова до сих пор ещё в значительной части недоступно читателю. Предпринятое в начале девятисотых годов издание «Писем и бумаг Суворова» остановилось на первом томе, вышедшем в 1916 году и охватывающем письма 1764—1781 годов. Это солидное издание, однако, далеко не полно, так как составитель его В. А. Алексеев включил в него лишь те документы, которые он имел возможность подготовить к печати по рукописям.

Большая часть суворовских материалов за последующие годы (1782—1800), опубликованная на протяжении прошлого столетия, разбросана по разным периодическим изданиям и сборникам; многое известно только в извлечениях, встречающихся в разных трудах о Суворове. За отсутствием полного издания «суворовского архива» особо ценными справочниками служат работы Д. А. Милютина и А. Ф. Петрушевского. •

Ниже печатаются некоторые материалы, являющиеся необходимыми приложениями к очеркам настоящего сборника.

Приложения состоят из двух разделов. В первом помещены: «Разговоры в царстве мёртвых», «Наука побеждать», избранные приказы и письма Суворова. Во втором — заметка, комментирующая впервые воспроизводимый этюд Тропинина к портрету дочери Суворова, а также тексты некоторых писем Суворова к ней. После каждого документа указывается источник, откуда заимствован данный текст. Всякого рода редакторские дополнения в тексте (раскрытие инициалов, вставка пропущенных слов) заключены в квадратные скобки. Письма на иностранных языках приводятся в заново отредактированных переводах. Сведения, касающиеся собственных имён, выделены в особый указатель, помещённый в конце книги.

I

РАЗГОВОР В ЦАРСТВЕ МЁРТВЫХ МЕЖДУ АЛЕКСАНДРОМ ВЕЛИКИМ И ГЕРОСТРАТОМ

Герострат

Покойся по трудах своих, подражатель славы моей.

Александр

Если бы я видел некое величество в образе твоём, я бы тебя принял за Ахиллеса, но, не видя в лице твоём благородия, кто ты таков, не могу догадаться.

Герострат

Я в ту ночь прославился, в которую ты родился: ещё ль меня не узнаёшь?

Александр

Не помню, кто бы из смертных того времени толь славен был, чтоб я ему подражать мог.

Герострат

Слышал ли ты о Герострате?

Александр

Какое же между нами сравнение? Я победитель вселенная, а ты человек самый презренный.

Герострат

Не будь так горд, Александр; царствование твоё миновалось, и от всего твоего величества на свете только пустой звук остался: власть твоя прешла. Здесь всё в одном почтении, и нет здесь никакого разделения между царя и невольника. Ты тамо страшен был, где тебе множество народа повиновалось и жертвовало страстям твоим, а здесь лишён ты скипетра, лишён окружавших тебя льстецов, лишён боящихся тебя, и больше гнев твой никому не вреден.

Александр

О боги! Герострат ругается Александру!

Герострат

Я не знаю, для чего ты так много меня уничтожаешь.

Александр

Разрушив чудо мира, храм Диянин, спрашиваешь меня, для чего я тебя уничтожаю!

Герострат

Та ж причина понудила меня разорить ефесский храм, которая понудила тебя огустошать вселенную.

Александр

Опустошением вселенной я показал мужество своё и подверг её области своей, чтоб тот над нею царствовал, кто всех смертных достойнее был, а к сожжению великолепного здания геройского духа не надобно.

Герострат

Тебе для сожжения Персеполя в удобность непотребной женщине геройского духа было не надобно: твоя жизнь и по сожжению сего города была безопасна; а мне великая отважность была потребна: мне потом умереть надлежало; итак, я всею жизнью жертвовал славе своей. А ты никогда в известную погибель не вдавался.

Александр

Сожжение Персеполя при грочих прехвальных делах моих есть так малый ущерб славе моей, что едва ущербом назваться может. Сверх того зажѣг я сей город откровенным образом, так, как победитель, а ты зажѣг ефесский храм тайно, и как бунтовщик.

Герострат

То истина, что я для славы своей сделался злодеем города Ефеса; но ты для славы своей сделался злодеем всего мира. Тебе Персеполь явно зажечь удобно было, когда тебе вся Азия повиновалась и никто не дерзал тебе спорить; а я если бы Диянин храм стал зажигать явно, не мог бы никак прийти к исполнению своего намерения.

Александр

Мною имя греков вознеслось паче чаяния их, а тобою твоё собственное имя навеки посрамилось.

Герострат

Ежели бы я не сжѣг великолепного храма, то бы вся моя история смертию моею окончилась, а оттого моё имя столько ж известно и памятно свету, как и твоё. Оба мы основанием дел наших имели тщеславие и оба живѣм в истории: ты — разорителем вселенныя, а я — ефесского храма.

Александр

Я искоренил гордость царей персидских и привѣл Грецию в безопасность.

Герострат

Ты искоренил гордость царей персидских, а на место оныя свою восстановил и, опасующуюся ига персидского, Грецию себе под иго покорил и, освободив её от чаемья напасти, ввѣл её в действительную напасть, которую она, тобою обманута, своею купила кровью.

Александр

Победители никогда игоносцами не называются.

Герострат

Но часто бывают.

Александр

Так по крайней мере я отечество своё, Македонию, возвысил.

Герострат

По смерти твоей Македония осталась равночестною другим греческой монархии провинциям, а во время твоё, жертвуя ненасытному твоему тщеславию, всех больше стран беспокойства претерпела, для того только, чтоб македоняне могли сказать: «Александр, разоритель вселенныя, рождён от нашего народа». И если сим тебя история возвышает, — возвышает и меня, когда потомки наши читают: «Герострат сжёг великолепный ефесский храм».

Александр

Я пролитием крови своей приобрёл себе великое имя.

Герострат

Скажи лучше: пролитием крови множества народа. А я единым своим животом вечную себе сделал славу.

Александр

Чтоб трон персидский пал, того благополучие целой Греции требовало.

Герострат

Но что требовало завоевание Индии, кроме того, чтоб ты, выплыв из устья реки Инда, мог сказать: «я был на океане»?

Александр

Чтоб видел Нептун величество царей греческих и мною всех трудностей преодоление.

Герострат

А я хотел показать, что великолепие света вдруг в ничто обращается и что всё на свете суета.

Александр

Мне свет и поньне удивляется.

Герострат

Удивляется твоим великим предприятиям, но моему великому предприятию ещё и больше удивляется. И как ненавистники мои ни старались привести имя моё в забвение, однако слава моя ненавистью моих неприятелей не остановлена, даром что я не имел Курция.

Александр

Я не Курцием прославлен: вся вселенная гремит о делах моих.

Герострат

И о сожжении ефесского храма вся вселенная воспоминает.

Сочинения А. С.

«Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755, ч. II, август, стр. 156—161.

РАЗГОВОР В ЦАРСТВЕ МЁРТВЫХ

Кортец и Мотецума

Благость и милосердие потребны героям.

Мотецума

Наконец и ты являешься здесь, посол восточный, тиран моего отечества! Где твоя гордость? Где твоё златожаждущее войско? Коль бы нам полезно было, ежели бы тласкальское общее правление намерениям храброго Ксикотенкала до конца послушно было!

Кортец

Ты ли меня гордым и тираном называть отваживаешься? Собственная твоя гордость и тиранство очистили мне дорогу завоевать твоё царство. Ты подданных твоих разорял, собирая с них себе третью часть их доходов, прочих же податей

не считая; заставлял ты их себе поклоняться, яко богу, повеления же свои почитать, яко божественные определения; дочерей и жён у них нагло отнимая для удовольствия скотской своей страсти, приносил на жертву оных потом богам для мерзкого своего обжирства. За то, что в Киабислане меня ласково приняли, не требовали ли сборщики твои для утопления гнева твоего двадцати невинных, коих бы потом богам принести на жертву? И могла ли тебя поразить великодушие моё, когда я, тому воспрепятствовавши, не допустил жителей до погубления оных сборщиков, которых к тебе отпустил в целости? Не знал ты различия между подданным и невольником, почитал токмо твою твердость правления в их утеснении, и их страх утетен был тебе паче их терпения. До того, как ты им был страшен, бремя твоих мучительств сносили они с воздыханием, но когда тот страх миновался, то не можно тебе забыть отчаянного над тобою отмщения, когда они на стене ополчения моего тебя стрелами своими ранили смертельно.

М о т е ц у м а

Тем меня порицать тебе не можно. Когда взбунтовавшиеся мои подданные, не сожалея о утратах своих, некогда так жестоко на твоё войско напали, что уже и крепость стен оное от них едва могла защищать, тогда я, опасаясь погубели твоей, наблюдая лицемерного твоего посольства в наших землях толь почтенное право странноприимства, надел на себя царские мои украшения и в провожании благородных моих взшёл на стены, где я старался повелеть или просил моих подданных, чтобы нисположили оружие, поборающее войско твоё без моей воли, хотя твоё сокрушение даровало бы мне назад потерянную мою свободу, для приобретения которой, к собственному стыду моему, войско моё, наконец, так сурово на тебя вооружилось, будучи ещё к должности своей побуждено жадным грабительством и пролитием крови многого числа знатных из народа от твоего оставшего в Мексике войска, в день случившегося у нас праздника. Тогда перед концом моим подданные мои, увидев меня, отдали особе моей довольные знаки почтения, но, услышавши моё к ним увещевание, касающееся до спасения тебя с войском твоим, увидели, что уже не тот я победитель, который не по праву наследства и токмо чрез свою отменную храбрость получил себе царский престол, но малодушный

невольник, окружённый стражею злохитростнейшего неприятеля в чертогах от меня ему данных. Подвигнутые яростно общим их позором, пустили в меня стрелы, коими ранили меня смертельно. Узревши меня гадша, встрепетали, что дерзнули руки наложить на государя своего, рассеялись во все улицы, опасаясь казни от богов и укрываясь зрения небес, с ужасом грозным и смущённым, которым совершение лютого греха дух обременяет. Когда же по конце жизни моей мёртвое моё тело по приказу твоему вынесенное на рамах вельмож моих для отдания последней должности народ увидел, то сколь жестоко восстенал! Войско, оставя стражи свои, последовало за мною на гору Хапулпетек; чрез три дня, обо мне плача не переставая, бегали по улицам, как изумлённые, и со слезами имя моё вспоминая, довольно тем оказали, что не ради собственного надо мною отмщения, но ради общего срама моего невольничества учинили они в отчаянии неумышленное убийство. До пришествия же твоего верные мои подданные повиновались моим повелениям, почитали строгое моё правосудие в защищении утеснённых и в награждении разных степеней, чего ради, хотя и правда, что собирал я в подати, кроме того что на чрезвычайности, треть доходов с каждого, но сие было как долг, отдаваемый при случаях того достойным, выключая отменность достойнейших, коих награждал притом кавалериями Орла, Льва, Тигра и проч. Те же подати, что ты отягощением называешь, обращались в их же собственную пользу; сверх того что общий народ, имеющий злые склонности, от сего налога получал укрепление своего покоя, ибо, лишась изобилия, не имел способов к нарушению должного послушания. Я почитал богов; но что меня общенародие почитало им подобным, то сие чинено было по причине знатного моего над ним преимущества. Хотя женский пол, красотою цветущий и собираемый из всех мест областей моих, заключался у меня в чертогах, однако оный служил токмо для любви моей, и я приносил на жертву богам токмо тех, кои мне в неверности являлись. Обыкновенная ж жертва и следующее по ней пиршество стыда мне не наносят; сего у нас чрез множество веков вкоренившегося обычая и самому тебе искоренить не возможно было, особливо неприятели государственные, осуждённые уже на смерть по их винам, не славно ли умрут на жертвенниках бессмертных?

Не вспоминай мне о сей мерзостной жертве, которую само естество гнушается. Немалая уже добродетель твоя, что ты хотя подданных своих от сего отвратить в состоянии и не был, однако сам сию несносную жертвенную пищу от стола своего отверг по моему желанию. Что ж принадлежит до достоинств твоих, то многие из них на зло склонялись: ревность твоя к правосудию простиралась до крайности сопротивной и часто была соединена с немилосердием, простирающим наказание даже до отщепености; окружён будучи льстецами, исторгнутое от бедных твоих подданных чрез их труды приобретённое имение расточал по большей части тем безрассудно.

Ты был мужествен и храбр, расширил области твоего царства, учинил страшным имя мексиканское всем твоим соседям, так что они и по смерти твоей против многократно мною побеждённого твоего войска долго без помощи моей сражаться не могли отважиться. Но за сие надлежало ли тебе допустить или паче повелеть, чтоб тебя почитали яко бога? Подданные твои, видя тебя дошедша уже до такой гордости, что пред богами своими колена преклонять стыдился, могли ли сносить такое продерзкое принуждение, какому примера до тебя от предков твоих не бывало? Особливо для наслаждения скотской твоей страсти похищал ты жён с лож их супругов и дочерей из рук их родителей, не взирая на слёзы самых благороднейших твоих. Ради причины сих твоих неистовств и немилосердиев возможно ли, чтоб твои подданные в почтении к тебе искренность имели? Когда разнёсся слух о победах моих над Табаском и Пилпатою, правитель области твоей, где я на берег выступил, особливо Тейтилей, твой генерал, наконец в моё там присутствие всё недовольствие своё мне оказали, то, получа посольство из Цемпоала, призывающее меня к жителям сей области твоей державы, первое было, когда я в их город вступил, то меня молили, дабы их избавил от мучительного твоего правления. Киабисланцы тож учинили, почитая оружия мои благословенными от небес и имеющими непреоборимую власть над тиранами. Услышав добронравие моё и благость мою к союзникам моим, которые под покровом моим, избавляющим от жестокости подданства твоего, жили в совершенной вольности, зверообычные горские тотонаки, защищавшие вольность свою от основания народа

их, с радостным желанием в мой союз вступили, для того, что быть в подданстве у короля моего за честь себе почитали. Потом я, повелевши сокрушить корабли свои войску моему, дабы у одного отнять способ к желанию возвращения назад (пример мужества редкий между нами!), достиг до пределов тласкальских. Сенат сего общего правления, отложив мудрость свою и не следуя разумным советам Магискациновым, склонился на продерзость юного Ксикотенкала, воспротивясь чрез область сию моему с войском мирному проходу, о позволении чего я учтиво у одного требовал. Но что из того последовало? Горестное кровопролитие сих граждан и их благородных. При их на нас вооружённою рукою нападениях, храбрость и искусство Ксикотенкаловы никакой почти утраты мне учинить не могли; и наконец оные не токмо со мной помирились, но, призвавши меня и войско моё с сугубым молением в город свой, предали себя в совершенную мою волю. Сия их поверенность не довольно ли потом была награждена милосердием моим, которого чувствительное мне от них оскорбление, хотя я был и совершенный победитель, потушить в сердце моём не могло? Отомийцы и хонталы, варвары между варварами, и иные последовали им вступлением в союз с нами, и без того, чтоб они много к тому принуждены были.

М о т е ц у м а

Незадолго перед тобою выступал на берег мой некто с войском, пришедший в больших плавающих на море зданиях, имея с собою огнедышущие горлы; сокращённые дикие звери, нам незнакомые, им служили; в означенном сем был тебе подобен, и от нас отменною своею крайне он отличился, но, получа от меня дары, которыми по обычаю приветствовали мы всех иностранных, и обменявши свои товары на золото наше, которое войску его весьма приятно казалось, возвратился. Когда же о блистательных и скорых победах войска твоего над Табаском с его союзником и потом над храбрыми тласкальцами, которое сочиняло сотую часть их многолюдства, до меня слух дошёл, то сначала, хотя по благорассудию моему не мог вас почитать богами, хотя вы превосходством вашим с первого виду им уподоблялись, ратоборствуя сопротивных, как нам думалось, перунами и потапывая их ужасно дикими зверями вам подвластными, но по крайней мере божественной природы, и со

всем от человеческой отменной, вы себя почитать заставляли. Однако потом довольно мы узнали, что вы не бессмертны и можете тако ж осилены быть, как и прочие люди. Известное твое изгнание из Мексики довольно гри-мер оному.

К о р т е ц

То учинилось после смерти твоей. Оплавав несчастную твою кончину, как великую мне утрату, не потерял я бодрости моей и оборонялся мужественно против войска вашего. Наконец, увидя, что несчётное оно множество на многократно предложенный им мир не склоняется, и не имея способов получить ниоткуда себе помощи, наипаче в недостатке съестных припасов, хотя с утратою, но не побеждён, из Мексики выступил, детей твоих, в руках моих сущих, с почтенным рачением охраняя, которые в смятении от мексиканцев, может быть, неумышленно убиты бы были; отложя конечное завоевание царства вашего, которое королю моему, по праву общей учинённой вами при вступлении в подданство присяги, справедливо уже принадлежало, до способного случая, коего потом и не пропустил вскоре.

М о т е ц у м а

В том тебе вспомоществовали союзники твои и от владения нашего отпадшие народы.

К о р т е ц

То правда. Победивши несколько раз в отступном моём походе и разбивши наконец все силы мексиканские, кои, оставивши нам свободный проход, собрались и загородили путь в излоге Отумбе, пришёл я в Тласкалу, где меня все граждане с радостью и удивлением о спасении моём приняли; как они, так и прочие союзники мои не щадили потом ни войск, ни прочего для моей помощи. Но, Мотецума, отчего сие воспоследовало? Гордостию твоею и тиранством с подданными отвратил ты от себя вконец сих храбрых народов; напротив того благодать моя с мирными и милосердие с побеждёнными столько преданными их ко мне учинили, и сие подлинно было главною причиною завоевания всей Мексики. Холульцы, лукавейший и предательнейший народ, особливо, как ты, отложя мужество и облекшись в

малодушие, разными презрительнейшими способами меня погубить старался и лестью меня уже сам к своему двору с войском призывал, в нашем для того чрез их город походе из Тласкалы, по научению твоему нам толь злоковарственную хитрость устроили; но потом и они, презвозя милосердие моё и чувствуя различие между оным и жестокостию подданства твоего, были нам столько же верны, как прочие. Когда Нарваецца, начальника над гишпанским войском, присланным на меня, от Велазкеца, губернатора гишпанского острова Кубы, неприятеля моего, по злему научению завистников моих, я, из Мексики выступивши, побеждал, то оставший там при тебе капитан мой Альварато не имел ли причины в день случившегося там некоего праздника напасть и побить многих твоих благородных, хотя безоружных? Ибо тебе известно, что учинён был тайный заговор между ими, дабы в тот день, изволивши народ, погубить его с оставшим с ним войском. По окончании сего возможно ли ему было противиться подлему грабительству в том смятении некоторых, его повелениям [противных], сребролюбивых солдат, и возможно ли меня винить, что он всей причины того зла немедленно при собрании всех мексиканцев, о том ничего неведущих, подробно объявить не тщился, но неосторожностью сею поощрил, как следственно, мексиканцев до крайнего остервенения на себя и на всё наше войско, имевших уже негодование, что видели царя своего у нас в неволе, в которой мне было не возможно, чтоб тебя не содержать ради безопасности моей? Когда я с войском в Мексику вошёл, ты меня принял ласково и с почтением, как посланника от наследника Квещалкоалова, бывшего государя семи пещер Навтлакских и основателя вашего царства, прежде нежели он, по вашим древним преданиям, для новых завоеваний на восток не отделился; но тогда, как уже все злые твои хитрости для нашей погибели храбростию моею побеждены были, и сие также ты учинил лицемерно, ибо не оказал ли ты сего потом скоро, когда твоей генерал Кваполпока, не взирая на увещание Ескаланта, коменданта нашей крепости Веракруца, тошонаков, союзников моих, разорять не представлял? И понеже Ескалант их защищать предпринял, то оный отважился по приказу твоему тому противность оказать над слабым гарнизоном той крепости вооружённою рукою, на котором сражении Ескалант, победивши, окончал жизнь с прочими, между коими Аргеллова присланная для¹

жертвы в подарок тебе голова столь много тебя обрадовала. Ожидая того, что ты потом и на меня в своём городе вооружишься, принял я отважность, которая мало примеров имеет, и в собственных твоих чертогах, вошедши в них с немногими людьми, принудил тебя без наглости следовать за мною в данный мне для ополчения нашего от тебя дворец, не давая виду, что ты действию твоего генерала был сопричастник, где особе твоей, хотя уже ты был и в моей власти, почтения моего никогда не уменьшал, выключая то, что потом, когда Кваполпока, на которого одного ты всю вину сложил, в Мексике для примеру повешен быть осуждён был и, убягая казни, наконец мне о твоём подлинном ему приказе, касающемся до совершенного погубления нашего в Веракруце войска, явно объявил, то для собственной же нашей безопасности, дабы ты, устыдясь сего предательства, не восхотел препятствовать достойному тому наказанию, и для собственного твоего за злодействие наказания дерзко и печаянно на тебя наложил оковы, которые по исполнении казни, стоя на коленях, немедленно я снял.

Мотецума

Разные толь часто повторяемые и чудесные оказательства храбрости и великодушия непобедимого твоего сердца довольно напоследок принудили меня явить, сколько я чрез покорность мою их почитать умею.

Кортец

Ты имел також многие почтенные достоинства, коими подлинно превозвышал мексиканцев, но пороки твои были причиною гибели твоей. Благость моя с союзниками моими и милосердие моё с побеждёнными, гордость же твоя и тиранство твоё над подданными твоими послужили мне главною помощию в завоевании царства Мексиканского и в покорении оног испанской державе.

Сочинил С.

«Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1756, ч. II, июль, стр. 18—30.

О «Разговорах в царстве мёртвых» см. незаконченную работу П. Н. Симажского «Опыт исследования суворовской литературы» — «Журнал Императорского русского военно-исторического общества», 1911, кн. I.

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

I

РАЗВОД

От одного главного влияния обученцев

К учению, хотя по одиначке, рекрута или солдата выводить всегда в суме, чтоб привыкал к тяжести и к вольному действию ружьём: тяжело в ученье, легко в походе; легко в ученье, тяжело в походе.

Ученье на месте *Исправься! Бей. сбор! Ученье будет!*¹ — Приёмы и повороты по команде, по флигельману², по барабану.

Пальба будет: заряжай ружьё! Плутонами³, полудивизионами, дивизионами. При зарядании приклада на землю отнюдь не ставить: отскакивает шомпол, — пуля не крепко прибита.

Наблюдать косою ряд; приклад крепко упереть в сгиб правого плеча; ствол бросить на левую ладонь; пуля бьёт в полчеловека. Стрельба

Примерно можно и с порохом. Ружья чистить между часов⁴.

Выстрелять между одного и двух патронов.

Наступными плутонами начинай! — Отбою нет. Сигнал барабана — поход, выстреля от одного до двух патронов.

Атакуй первую неприятельскую линию! В штыки! Ура! — Взводные командиры: *колы! колы!* Рядовые: *ура!* — громогласно. Краткий отбой. Примерная атака лишнее неприятельских линий

Неприятельская кавалерия скачет на выручку к своей пехоте. *Атакуй!* — Здесь держать штык в брюхо человеку; случится, Такая же атака на конницу

¹ Курсивом выделены слова команд.

² Флигельман — правофланговый солдат, делавший перел фронтом приёмы, с которыми должен был сообразоваться весь строй.

³ Плутоны — взвод (от французского слова «peloton»).

⁴ То есть после смены караулов.

что попадёт штык в морду, в шею, особливо в грудь лошади. Краткий отбой.

Атакуй вторую неприятельскую линию (или: атакуй резервы неприятельские)! — Отбой сим кончится.

Третья сквозная атака. Линия равняется вмиг. *Вперёд!* — Не смеет никто пятиться ни четверти шага назад. *Ступай! Повзводно, полудивизионами, или дивизионами!* — На походе плутонги вздваивают в полудивизионы или сии ломают на плутонги. Солдатский шаг аршин; в захождении полтора шага. Начинает барабан, бьёт свои три колена; его сменяет музыка, играет полный марш; паки барабан, и так сменяются между собою. Бить и играть скорее; оттого скорее шаг. Интервалы между взводов весьма соблюдать, дабы пришед на прежнее место, команда: *стой!*, — все взводы вдруг стояли и заходили в линию.

Вторая (или: первая) половина линии по рядам, налево (или: направо)! Ступай на атаку! Ступай! — У сего барабан фельдмарш. Заходить против части, на месте стоящей, из картечна выстрела вон. — *Ступай!* — Поход во все барабаны. На 80 саженьях от противничья фронта бежать вперёд от 10 до 15 шагов чрез картечную черту полевой большой артиллерии; на 60 саженьях тоже чрез картечную черту полковой артиллерии; на 60 шагах чрез верную черту пуль. *Ступай, ступай! В штыки! Ура!* — Противная линия встречает пальбою на сей последней дистанции, а на 30 шагах ударит сама в штыки. С обеих сторон сквозная атака. Равно сему другая линия: *атака!* — Обе части на прежних местах. Тако ж отдельная часть. Заходить колонною для деплояды¹ фронтов, ежели есть место.

¹ То есть для нового развёртывания (от французского слова «déployer»).

Обе части делают колонны по числу людей в разводе, в одну или две колонны. *Атака будет! Колонны, ступай!* — Барабан бьёт марш; на 60 шагах одни от других. *Ступай! Ступай! Атакуй в штыки! Ура!* — Мушкет в правой руке на перевесе; колонны между собою насквозь быстро примерно колют. *Колонны, строй каре! Стрелки, стреляй в ранжире! Плутонгами, начинай!* — Здесь каре на месте. Стрелки бьют наездников и набегающих турков¹, а особенно чиновников. Плутонги палят в их толпы. Пальба должна быть кратка, ибо тут дело больше картечь. Потом бросаются колоть. *Ступай! Ступай! Атакуй в штыки! Ура!* — Что воображается сквозною карейною атакою. *Стрелки, вперёд! Докальвай! Достреливай! Бери в полон! На оставших басурман между кареев!* — Барабан краткий сбор. *Стрелки, в свои места! Кареи, строй колонны!* — Исполнение то же, как выше о колоннах.

Колонны, строй кареи! Кареи, ступай! Ступай, ступай! Атакуй в штыки! Ура! — Здесь без пальбы, атака же прежняя.

Атака
кареями

Кареи, строй линейный фронт! — А входящей части, по рассмотрению, вместо линии [строиться] в колонну или по четыре [ряда]. Команда оной: *По рядам (или: по четыре), направо (или: налево) ступай на прежнее место! Строй фронт!* — Барабан фельд-марш.

Примечание

Сии основательные маневры, хождения и эволюции равны в баталионных, полковых и корпусных экзерцициях.

Начальник может требо- вать:	Исправный приклад правит пальбою. Здесь оная расстраивается по неминуемой торопливости; но во взводной пальбе оный
Батального огня?	виден. Одиначка пальбы на баталии выйдет сама собою. Для сбережения пуль тут на

¹ В некоторых текстах — «неприятелей».

каждом выстреле всякий своего противника должен целить, чтоб его убить.

Залпа?

В разводе, коли с пальбою, для очищения ружей; в ином строю только для исправности приклада. Против неприятеля не годится: оный может сколоть и порубить, пока опять заряжают.

Наступных
плутонгов?

Оные только для движения; но против неприятеля сия ломаная линия не годится; ибо он её, особливо кавалериею и малою изрубить может.

Отступных
плутонгов? ¹

Лучше об оных и не помышлять. Инфлюенция ² их солдату весьма опасна: ниже ни о каких ретирадах в пехоте и кавалерии не мыслить.

Под курок!

II

СЛОВЕСНОЕ ПОУЧЕНИЕ СОЛДАТАМ О ЗНАНИИ, ДЛЯ НИХ НЕОБХОДИМОМ

Разговор с солдатами их языком

Каблуки сомкнуты, подколенки стянуты; солдат стоит; стрелкой: четвёртого вижу, пятого не вижу.

Военный шаг — аршин, в захождении — полтора аршина; береги интервал.

Солдат во фронте, на шагу, строится по локтю; шеренга от шеренги три шага, в марше — два; барабаны — не мешай.

Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, как негде взять. Стреляй редко, да метко; штыком коли крепко. Пуля обмишуются, штык не обмишуются: пуля — дура, штык — молодец! Коли один раз, — бросай басурмана со штыка; мёртв на штыке, царапает саблею шею; сабля на шею, — отскокни шаг, ударь! Коли другого, коли третьего; богатырь заколет полдюжины, — больше! Береги пулю в дуле; трое наскочат, — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун; это не редко, а заряжать некогда.

¹ В приказе от 5 октября 1771 г., рекомендуя для обучения войск наступные плутонги, Суворов прибавляет: «притом хотя и отступные, только с толкованием, что то не для отступления, но только для приучения ног к исправным движениям». — Петрушевский, т. I, стр. 59.

² Инфлюенция — влияние (от французского слова «influence»).

В атаке не задерживай.

Для пальбы стреляй сильно в мишень; на человека пуль 20; купи свинца из экономии, не много стоит. Мы стреляем целно; у нас пропадает тридцатая пуля, а по полевой и полковой артиллерии разве меньше десятого заряда.

Фитиль на картечь, — бросься на картечь: летит сверх головы. Пушки твои, люди твои, — вали на месте, гони, коли, остальным давай пощаду. Они такие ж люди: грех напрасно убивать.

Умирай за дом богородицы, за матушку, за пресветлейший дом. Церковь [за тебя] бога молит; кто остался жив, тому честь и слава!

Обывателя не обижай: он нас поит и кормит. Солдат не разбойник. Святая добычь: возьми лагерь, — всё ваше; возьми крепость, — всё ваше. В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями; так и во многих местах. Без приказа отнюдь не ходи на добычь.

Б аталия полевая

Три атаки: в *крыло*, которое слабее. Крепкое крыло закрыто лесом, — это не мудрено: солдат проберётся; болотом тяжелее, — реку без моста не перебежит; шанцы всякие перескочит. Атака в *середину* не выгодна: разве конница хорошо рубить будет, иначе сами сожмут. Атака в *тыл* очень хороша, только для небольшого корпуса, а армиею заходить тяжело. Б аталия в поле: линиею против регулярных, кареями против басурманов. Колонн нет. А может случиться и против турков, что пятисотному карею надлежать будет прорвать пяти или семитысячную толпу с помощью фланговых кареев; на тот случай бросится он в колонну, но в том до сего нужды не бывало. Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки: они воюют на немцев и иных колоннами. Если бы нам случилось против них, то надобно нам их бить колоннами же!

Б аталия на окопы на основании полевой¹

Ров не глубок, вал не высок, — бросься в ров, скачи через вал. Ударь в штыки, коли, гони, бери в полон. Помни отрезывать! Тут [полезны] подручные конницы. В Праге отрезала пехота, да тут были тройные и большие окопы и целая крепость: для того атаквали колоннами.

¹ В списке ЦВИА этот абзац помещён после следующего.

Б ата л и я ш т у р м ¹

Ломи чрез засеки, бросай плетни чрез волчьи ямы, быстро беги, прыгай чрез палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки, очищай колонны! Стреляй по головам! Колонны, лети чрез стену на вал, скалывай на валу, вытягивай линию, караул к пороховым погребам; отворяй ворота коннице. — Неприятель бежит в город, — его пушки обороти по нём, стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо; недосуг за этим ходить. Приказ, — спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница, руби! В дома не ходи, бей на площадях; штурмуй, где неприятель засел; занимай площадь, ставь гауптвахт; расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазинам. Неприятель сдался, — пощада; стена занята, — на добычь.

Т р и в о и н с к и е и с к у с с т в а

Первое — *глазомер*: как в лагере стать, как маршировать, где атаковать, гнать и бить (для занятия местоположения, примерного суждения о силах неприятельских, для узнания его предприятий).

Второе — *быстрота*. (Немедленно исполняй повеленное.) Поход полевой артиллерии от полуверсты до версты впереди, чтоб спускам и подъёмам не мешала. Колонна сближится, — оная опять выиграет своё место. Под гору, на равнине — на рысях. Поход — по рядам или по четыре: для тесной дороги и улицы, для узкого мосту, для водяных и болотных мест, по тропинкам; и только когда атаковать неприятеля, то взводами, чтоб хвост сократить. У взводов двойные интервалы на шаг. Не останавливайся, гуляй, играй, пой песни, бей барабан, музыка греми! Десяток отломал, — первый взвод снимай ветры, ложись; за ним второй взвод, и так взвод за взводом; первые задних не жди. Линия в колонне на походе растянется: коли по четыре, то в полтора, а по рядам вдвое. Стояла на шагу, — идёт на двух:

¹ Штурм укрепления, усиленного засеками или волчьими ямами впереди рва, палисадом — на прикрытом пути. В тексте это не пояснено, ибо, судя по свидетельству Дюбожажа, это знал всякий солдат из практики (Драгомиров, Сборник оригинальных и переводных статей 1856—1881 гг., т. II, СПб., 1881, стр. 234; там же, 225, соответствующая цитата из Дюбожажа).

стояла на версте, — растянется на две; стояла на двух, — растянется на четырёх: то досталось бы первым взводам ждать последних полчаса го пустому. На первом десятке отдыху час. Первый взвод, вспрыгнув, надел ветры, бежит вперёд десять — пятнадцать шагов, а на походе, прошед узкое место, на гору или под гору, — от пятнадцати до пятидесяти шагов. Так взвод за взводом, чтоб задние, между тем, отдохали. Второй десяток, — отбой: отдыху час и больше; коли третий переход мал, то оба пополам, и тут отдых три четверти часа, полчаса или четверть часа, чтоб ребятам поспеть скорее к каше. Это для пехоты. Конница своим походом вперёд, с коней долой, отдыхает мало и переходит свыше десятка, чтоб дать коням в лагере выстояться. Кашеварные повозки впереди с палаточными ящиками. Братцы пришли, к каше поспели. Артельный староста: *к кашам!* На завтраке отдых четыре часа; тож самое к ночлегу отдых шесть часов и до осьми, какова дорога. А сближаясь к неприятелю, котлы с припасом сноровлены к палаточным ящикам, дрова запасены на оных.

По сей быстроте и люди не устали. Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто вёрст, а когда издалека, то за двести, триста и больше, — вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова: атакуй с чем пришёл, чем бог послал. Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай, ура! — Чудеса творят братцы!

Третье — *натиск*. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет. В пальбе много людей гибнет. У неприятеля те же руки, да русского штыка не знают. Вытяни линию, — тотчас атакуй холодным ружьём; а недосуг вытягивать линию, — подвинь из закрытого, из тесного места. Пехота коли в штыки, конница тут и есть! Ущелья на версту нет, картечи чрез голову, — пушки твои. Обыкновенно конница врубается прежде, пехота за ней бежит, — только везде строй! Конница должна действовать всюду как пехота, исключая зыби; там кони на поводах; казаки везде пролезут. В окончательной победе, конница, гони, руби! Конница займётся, пехота не отстанет. В двух шеренгах сила, в трёх полторы силы: передняя рвёт, вторая валит, третья довершает.

Больницы

Бойся богадельни. Немецкие лекарства издалека, тухлые, сплошь бессильны и вредны. Русский солдат к ним не привык. У нас есть в артелях корешки, травушки, мура-

вушки. — Солдат дорог! Береги здоровье; чисти желудок, коли засорился; голод — лучшее лекарство. Кто не бережёт людей — офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережёт. Жидок желудка, есть хочется, — по закате солнышка немного пустой чашки с хлебцем; в крепком желудке — буквица в тёплой воде или корень коневого щавеля.

Помните, господа, полевой лечебник штаб-лекаря Белопольского: в горячке ничего не ешь, хоть до двенадцати дней, а пей солдатский квасок, то и лекарство; а в лихорадке не пей, не ешь, — штраф, за что себя не берёг: лишь бы бог дал здоровье.

В богадельне: первый день мягкая постель, второй день французская похлёбка, в третий день её братец, домовище, к себе и тащит. Один умирает, десятеро хлебают его смертный дух. В лагере больные, слабые, хворые в шалашах, не в деревнях, — воздух чище. Хоть без лазарету и вовсе быть нельзя, тут не надобно жалеть денег на хорошие лекарства, коли есть где купить сверх своих и на прочие выгоды без прихотей. Да всё это не важно: мы умеем себя беречь; где умирает от ста один человек, у нас и от пятисот в месяц меньше умрёт. Здоровому — питьё, еда; больному — воздух, питьё, еда.

Богатыри! Неприятель от вас дрожит; но есть неприятель больше богадельни: проклятая немогузнайка, намёка, загадка, лживка, лукавка, краснословка, крафкомолвка, двуличка, вежливка, хличка, что бестолково и выговаривать: хрой, прихах, афох, войлих и проч.; стыдно сказать! От немогузнайки много, много беды. — За немогузнайку офицеру арест, штаб-офицеру от старшего штаб-офицера арест квартирный.

Солдату надлежит быть здорову, храбру, твёрду, решиму, правдиву, благочестиву. Молись богу, — от него победа! Чудо-богатыри! Бог нас водит: он нам генерал!

Ученье свет, неученье тьма. Дело мастера боится. И крестьянин [коли] не умеет сохою владеть, хлеб не родится. За учёного трёх неучёных дают; нам мало трёх, давай нам шесть; нам мало шести, давай нам десять на одного: всех побьём, повалим, в полон возьмём. В последнюю кампанию неприятель потерял счётных семьдесят пять тысяч, только что не сто тысяч. Он искусно и отчаянно дрался; а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы, воинское обучение. Господа офицеры! Какой восторг!

К пароллю С флангов часовые вперед ступай! На
караул!

По отдаче генералитету или иным па-
роля, лозунга и сигнала, похвала или в чём
хула разводу, и громогласно:

Субординация, экзерциция, дисциплина,
чистота, опрятность, здоровье,
бодрость, смелость, храбрость,
победа;
слава, слава, слава!

«Наука побеждать» неоднократно печаталась на протяжении XIX и XX столетий. Однако окончательный текст её, за неимением подлинной рукописи Суворова, до сих пор не может считаться установленным. Существует два основных варианта «Науки побеждать»: один из них представлен первым её изданием, выпущенным в 1806 г. М. Антоновским («Наука побеждать, творение прославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса российских армий, князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского», СПб.; второе издание этой книжки вышло в 1809 г.), и почти буквально совпадающим с ним текстом С. Глинки («Жизнь Суворова, им самим описанная..», М., 1819); другой вариант представлен текстом В. Лёвшина («Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского... с присовокуплением Вахт-парада или Науки побеждать, сочиненной сим непобедимым полководцем», М., 1809) и близким к нему списком Центрального Военно-исторического архива (ЦВИА). Список этот впервые опубликован в 1940 г. в «Военно-историческом журнале» (№ 5/10, стр. 98—104), с вступительной статьёй и комментариями полковника Е. Болтина, и тогда же переиздан отдельной книжкой Военгизом. Так как, по утверждению комментатора, список ЦВИА относится к концу XVIII века, текст его признавался в последнее время самым авторитетным текстом «Науки побеждать». Между тем с этим никак нельзя согласиться. Изучение данного текста обнаруживает в нём целый ряд существенных смысловых искажений, не позволяющих считать его наиболее достоверной редакцией этого памятника.

Есть основания полагать, что список этот вышел не из среды, непосредственно окружавшей Суворова. Соратникам Суворова хорошо было известно суворовское выражение: «надевать ветры», «надевать вихри». Так, например, у Лёвшина читаем: «Суворов утомлял славу, но сам не знал усталости: по своему выражению, «с чудами-богатырями надевал он вихри» и вместе с ними летал от Рымника до гор альпийских» (стр. 133). Во всех ранее известных печатных текстах «Науки побеждать» встречаем то же выражение: «первый взвод снимай ветры — ложись», «первый взвод, вспрыгнув, надел ветры». В обоих случаях в списке ЦВИА слово «ветры» заменено словом «вещи». Очевидно, столь распространённое в суворовских войсках выражение для переписчика было уже непонятным. Всё же список ЦВИА представляет известный

интерес. Если «Развод» в этом списке искажён более, чем в других редакциях, то «Словесное поучение...» претерпело в нём меньшую, сравнительно с прочими текстами, литературную обработку и ближе к своей первоначальной, разговорной форме. Не давая окончательного текста «Науки побеждать», список ЦВИА должен быть учтён при работе над установлением или восстановлением такого текста. Поскольку ни один из сохранившихся текстов «Науки побеждать» в целом не является безупречным и не свободен от тёмных мест, я решился предложить сводную редакцию вышеназванных вариантов. В целях лучшего понимания текста пунктуация приближена к современной. Критический разбор существующих редакций «Науки побеждать» и мотивировка принятого мною чтения составляет предмет моей работы «К истории текста Науки побеждать», подготовляемой к печати.

О «Науке побеждать», кроме статьи Е. Болтина в «Военно-историческом журнале» (1940, № 5/10), см. статью М. Драгомирова в его «Сборнике оригинальных и переводных статей 1856—1881 гг.» (т. II, СПб., 1881). Из старых изданий «Науки побеждать» полезно популярное издание М. И. Драгомирова, с пояснениями и дополнениями, заимствованными из приказов Суворова. В приложениях ко II тому труда А. Ф. Петрушевского помещена сводная редакция «Науки побеждать» по текстам М. Антоновского и В. Лёвшина.

НАСТАВЛЕНИЕ И. О. КУРИСУ

Получил. Быть может, что обретётся в тягость. Для того приобретать достоинства генеральские.

1. Добродетель, замыкающаяся в честности, которая одна тверда. Она: в содержании слова, в безлукавствии и осторожности, в безмщении.

2. Солдату — бодрость, офицеру — храбрость, генералу — мужество. Выше всего — глазомер, т. е. пользование положением места, — трудолюбие, бдение и постижение...

3. Непрестанная наука из чтений; сначала регулярства — курс Марсов¹; а для единственных 6-ти орденов баталии² — старинный Вегетий. По русской войне мало описания, в прежнюю и последнюю турецкие войны, с великим затвержением эволюций; старинные ж — какие случатся. Монтекукули очень древен и много отмены соображать с нынешними правилами турецкой войны. Карл Лотарингский, Конде, Тюрен, маршал де-Сакс, Виларс, Катинат, какие есть

¹ Очевидно, имеется в виду книга Гиньяра (Guignard) «L'école de Mars» («Школа Марса»), изданная в Париже в 1725 г. и посвящённая вопросам организации регулярной армии во Франции.

² То есть шесть типов боевых построений.

переводы, и також поясняется текущею с французами войною¹. В ней много хороших правил; особливо к осадам. Стариннейшие ж, возбуждающие к мужеству, суть: Троянская война, Комментарии Кесарева и Квинтус-Курциус, Александрия. Для возвышения духа — старый Ролен.

«Журнал Министерства народного просвещения», 1856, ч. ХСII, октябрь, отд. VII, стр. 49—50.

Эти заметки Суворова являются, повидимому, кратким конспектом речи, сказанной им при вручении георгиевского креста И. О. Курису.

ИЗ ПРИКАЗОВ СУВОРОВА

1

ПРИКАЗ ПО ВОЙСКАМ

23 октября 1794 года

Его Сиятельство граф Александр Васильевич Суворов приказал:

1. Взять штурмом Прагский ретраншамент. — И для того:

2. На месте полк устроится в колонну поротно. Охотники со своими начальниками станут впереди колонны; с ними рабочие. Они понесут плетни для закрытия волчьих ям пред вражеским укреплением, фашинник для закидки рва и лестницы, чтобы лезть из рва через вал. Людям с шанцевым инструментом быть под началом особого офицера и стать на правом фланге колонны. У рабочих ружья через плечо на погонном ремне. С нами егеря, Белорусцы и Лифляндцы; они у них направо.

3. Когда пойдём, воинам идти в тишине, не говорить ни слова, не стрелять.

4. Подошед к укреплению, кинуться вперёд быстро, по приказу кричать: Ура!

5. Подойти ко рву, — ни секунды не медля бросай в него фашинник, спускайся в него и ставь к валу лестницы; охотники, стреляй врага по головам. — Шибко, скоро, пара за

¹ Во время войны коалиции против революционной Франции 1793—1797 гг.

парой, лезь! Коротка лестница, — штык в вал, — лезь по нём другой, третий. Товарищ товарища обороняй! Ставши на вал, опрокидывай штыком неприятеля и мгновенно стройся за валом.

6. Стрельбой не заниматься; без нужды не стрелять; бить и гнать врага штыком; работать быстро, скоро, храбро, по-русски! Держаться своих, в середину; от начальников не отставать. — Везде фронт.

7. В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать.

8. Кого из нас убьют, — царство небесное; живым — слава, слава, слава!

Орлов Н. А., Штурм Праги Суворовым в 1794 году, СПб., 1894, стр. 82—83. Приказ этот в подлиннике не сохранился. Другую редакцию его см. в «Рассказах старого воина о Суворове», М., 1847, стр. 45—46.

2

ПРИКАЗ ПО СОЮЗНОЙ АРМИИ

3/14 июня 1799 года, Александрия

1. Неприятеля поражать холодным ружьём, штыками, саблями и пиками. Артиллерия стреляет по неприятелю по своему рассмотрению, почему она и по линии не расписывается. Кавалерии и казакам стараться неприятелю во фланг ворваться.

2. В атаке не задерживать. Когда неприятель сколон, срублен, то тотчас его преследовать и не давать ему времени ни собраться, ни строиться. Если неприятель будет сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружие. При атаке кричать, чтобы неприятель сдавался, о чём и русские войска известить. Ничего не щадить; не взирать на труды; преследовать неприятеля денно и ночью до тех пор, пока истреблён не будет.

3. Котлы и прочие лёгкие обозы чтоб были не в дальнем расстоянии при сближении к неприятелю, по разбитии ж его чтоб можно было каши варить; а впрочем, победители должны быть довольны взятым в ранцах хлебом и в манерках водою. Кавалерия должна о фураже сама печься.

Суворов

Милютин, т. II, стр. 243.

ПРИКАЗ ПО СОЮЗНОЙ АРМИИ

5/16 июня 1799 года, Александрия

1. Неприятельскую армию взять в полон.

Влиять твёрдо в армию, что их 26 000, из коих только 7 000 французов; прочие всякий сброд реквизиционеров.

2. Казаки колоть будут; но жестоко бы слушали, когда французы кричать будут *пардон* или бить *шамад*. Казакам самим в атаке кричать *балезарм, пардон, жетелезарм*; и, сим пользуясь, кавалерию жестоко рубить и на батарее быстро пускаться, что особливо внушать.

3. Казакам, коим удобно, испортить на реке Таро мост и там зачать отчаяние. С пленными быть милосерду, при удачах делать большой крик, крепко бить в барабан; музыке играть, где случится, но особливо в погоне, когда кавалерия будет колоть и рубить, чтобы слышно было своим.

Их генералов, особливо казаки и прочие, примечают по кучкам около их; кричать *пардон*, а ежели не сдаются, убивать.

Суворов

Милютин, т. II, стр. 246.

ПРИКАЗ ПО РУССКИМ ВОЙСКАМ

9/20 июня 1799 года, Треббия

По переправе чрез реку Треббию сильно бить, гнать и истреблять неприятеля холодным ружьём; но покоряющимся давать *пардон* подтверждается.

Не назначается места для следования армии, потому что неизвестно, какую дорогу избрать неприятель может; а предписывается только, на всех его путях скоро догоняя, храбро поражать.

Ежели бы и вздумал влево разделённый против частей нашей армии неприятель, по приближении на себя войск наших и при переходе реки Треббии, обратиться на наш берег (что кажется невероятно), то и нашим частям того левого крыла тотчас же за ним следовать и его побивать, дабы он не мог выдти в наш тыл; но притом весьма быть предусмотрительным, чтобы для сего не излишнее число войск было деташировано, а соразмерно только неприятельским таковым в количестве их и звании.

Суворов

Милютин, т. II, стр. 279—280.

ГРАФУ И. П. САЛТЫКОВУ

10 мая 1773 года, Туртукай

Ваше сиятельство, мы победили; слава богу, слава вам.

Петрушевский, т. I, стр. 153.

По словам Петрушевского, это донесение фельдмаршалу Салтыкову о взятии в ночь с 9 на 10 мая 1773 года турецкого города Туртукай, расположенного на берегу Дуная, против устья реки Арджыш, написано «ещё до солнечного восхода.., карандашом на маленьком клочке бумаги».

ГРАФУ П. А. РУМЯНЦОВУ

10 мая 1773 года, Туртукай

Слава богу, слава вам,
Туртукай взят, и я там.

Это стихотворное донесение Суворова генерал-фельдмаршалу Румянцову, главнокомандующему во время первой турецкой войны, пользуется широкой известностью. Находка вышеприведённого донесения о том же гр. И. П. Салтыкову, в корпусе которого состоял Суворов, дала повод заподозрить достоверность настоящего двустишия. По мнению Петрушевского, для подобных сомнений нет веских оснований: «Суворов мог послать с поля сражения короткое донесение и Салтыкову, и Румянцову, тем паче, что последний ждал результата поиска, и рапорт к нему от Салтыкова должен был запоздать, так как от Суворова Салтыков был в одну сторону, а Румянцов в другую. ...Если бы Суворов послал немедленное донесение о победе одному главнокомандующему, то поступил бы непростительно, но он донёс обоим. Наконец о приведённом двустишии упоминает в своей книге Антинг, именно в первой части, которую читал и исправлял сам Суворов. При этом он мог забыть хронологию мелочей, случившихся 20 лет назад, но никак не мог оставить в рукописи вымышленного донесения. Всё это даёт основание заключить, что факт написания Суворовым двустишия и отправки двустишия к Румянцову не только возможен, но и весьма вероятен». — *Петрушевский, т. I, стр. 153—154.*

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЁМКИНУ

18 июня 1788 года, Кибурун

Ура! Светлейший князь!

У нас шебека¹ 18 пушечная.

Корабль 60 пушечный не палит,— окружён.

Адмиральский 70 пушечный спустил свой флаг.

Наши на нём.

Генерал Александр Суворов

*Масловский Д. Ф., Письма и бумаги
А. В. Суворова, Г. А. Потёмкина и П. А. Румянцова,
1787—1789 гг. (Кибурун-Очаковская
операция). СПб., 1893, стр. 139.*

СЕРАСКИРУ КРЕПОСТИ ИЗМАИЛ

7 декабря 1790 года

*Превосходительному господину сераскиру Магомет-паше
Акдозле, командующему в Измаиле, почтенным султанам
и прочим пашам и всем чиновникам.*

Приступая к осаде и штурму Измаила российскими войсками, в знатном числе состоящими, но соблюдая долг человечества, дабы отвратить кровопролитие и жестокость, при том бывающие, даю знать чрез сие вашему превосходительству и почтенным султанам и требую отдачи города без сопротивления. Тут будут показаны всевозможные способы к выгодам вашим и всех жителей, о чём и ожидаю, от сего чрез 24 часа, решительного от вас уведомления к воспринятию мне действий. В противном же случае поздно будет пособить человечеству, когда не могут быть пощажены не только никто, но и самые женщины и невинные младенцы от раздражённого воинства, и за то никто как вы и все чиновники пред богом ответ дать должны.

«Русский архив», 1877, вып. 10, стр. 198.

Это официальный ультиматум, посланный Суворовым в Измаил 7 декабря 1790 года, вместе с письмом такого же содержания от главнокомандующего кн. Г. А. Потёмкина. К ультиматуму Суворовым была приложена записка, печатаемая ниже.

¹ Шебека — длинное трёхмачтовое военное судно, по вооружению сильнее галер (могло иметь до 40 орудий).

СЕРАСКИРУ КРЕПОСТИ ИЗМАИЛ

7 декабря 1790 года

Сераскиру, старшинам и всему обществу

Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю вам на рассмотрение.

Петрушевский, т. I, стр. 385.

На это предложение Суворова последовало длинное ответное письмо сераскира, выставлявшего ряд требований, из которых явствовало, что турки хотят затянуть дело и выиграть время. Непреклонность противника выражена в словах, сказанных одним из пашей русскому офицеру, посланному в Измаил с суворовским ультиматумом: «Скорее Дунай остановится в своём течении и небо упадёт на землю, чем сдастся Измаил».

6

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЁМКИНУ

11 декабря 1790 года, Измаил

Рапорт!

Нет крепчей крепости, ни отчаяннее обороны, как Измаил, падший пред высочайшим троном её императорского величества кровопролитным штурмом! Нижайше поздравляю вашу светлость.

*Генерал граф Александр Суворов-Рымникский**Печатается по фотоснимку с подлинника из собрания ЦВИА.*

По получении 8 декабря 1790 года ответа измаильского сераскира Суворов собрал военный совет. Бригадир М. И. Платов первый произнёс слово «штурм». К нему присоединились и все присутствующие на совете. Постановление совета гласило: «Приближаясь к Измаилу, по диспозиции приступить к штурму неотлагательно, дабы не дать время неприятелю ещё укрепиться... Сераскиру в его требовании отказать. Обращение осады в блокаду исполнять не должно. Отступление предосудительно победоносным её императорского величества войскам». — *Петрушевский, т. I, стр. 386.* Штурм Измаила был начат 11 декабря в 3 часа утра и закончен к 4 часам дня.

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

21 декабря 1794 года, Варшава

Милостивый государь Гавриил Романович.

Простите мне, что я на сей раз, чувствуя себя утомлённым, не буду вам ответствовать так, как громкий лирик; но в простоте солдатского сердца моего излию чувства души своей:

Царица, севером владея,
 Предписывает всем закон;
 В деснице жезл судьбы имея,
 Вращает сферу без препон.
 Она светила возжигает,
 Она и меркнуть им велит;
 Через громы гнев свой возвещает,
 Через тихость благость всем явит.
 Героев русских мощны длани
 Её веленья лишь творят;
 Речет!— вселенная заплатит дани,
 Глагол её могуществен и свят.

О вы, варшавские калифы,
 Какую смерть должны приять?
 Пред кем дерзнули быть строптивы,
 Не должно ль мстить вам и карать?

Ах, сродно ль той прибегнуть к мщенью,
 Кто век свой милости творит?
 Карать оставит Провиденью;
 Сама, как солнце, возблестит,
 Согрея всех лучом щедрот —
 Се царь иль бог... исполненный доброт!

Счастливы вития, могущий достойно воспеть деяния толико мудрого, кроткого, человеколюбивого, сидящего на троне божества. Вы, имея талант, не косните вступить в сие поприще: слава ожидает вас. Гомеры, Мароны, Оссианы и все доселе славящиеся витии умолкнут пред вами. Песни ваши как важностию предмета, равно и красотой искусства возгремят в наипозднейших временах, пленяя сердце... душу... разум.

Парнасский юноша на лире здесь играет:
Имянник князя муз достойно стих сплетает.
Как Майков возрастет, он усыпит сирен:
Попрет он злобы ков... правь им ты, Демосфен.

Венчаю себя милостями вашего превосходительства; в триумфе своей к вам, милостивому государю моему, преданности чистейшая моя к особе вашей дружба не исчезнет, и пребуду до гроба моего с совершеннейшим почтением, государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга

Граф Александр Суворов-Рымникский

*«Сочинения Державина», изд. Академии наук,
т. VI, СПб., 1871, стр. 22—23.*

Письмо является ответом на следующее письмо Державина, относящееся к ноябрю 1794 года: «Сиятельнейший граф, милостивый государь. Преисполнен будучи истинной любви к отечеству, почтения ко всему тому, что называется мужество или доблесть, уважения к громкой славе россиян, обожания великому духу нашей государыни, беру смелость поздравить ваше сиятельство и сотрудников ваших с толико знаменитыми быстрыми победами. Ежели б я был бит, обильный такими дарованиями, которые могут что-либо прибавлять к громкости дел и имени героев, то я бы вас избрал моим и начал песнь таким образом:

Пошел — и где тристаты злобы?
Чему коснулся, всё сразил:
Поля и грады — стали гробы!
Шагнул — и царство покорил!

Но как ненадежность на мой талант удерживает меня пуститься в сия ристалище чести, ибо достойно воспеть героев надобен их же дух, то между тем, прося вашего сиятельства о благоклонном приятии сего моего искреннего и патриотического поздравления, в молчании с особливым высокопочитанием и глубокою преданностью пребываю и проч.». — *Там же*, стр. 19. Письмо Державина написано непосредственно по получении в Петербурге известия о вступлении Суворова в Варшаву. Четыре стиха, приведенные в письме, включены в оду Державина на взятие Варшавы.

Стихи, которыми отвечает Державину Суворов, не лишены известного значения. Суворов-победитель косвенно обращается в них к Екатерине II («царице, севером владеющей») с представительством за побеждённых. Возможно, что Суворов рассчитывал на то, что его стихи получат огласку и дойдут до двора.

«Парнасский юноша», упоминаемый в четверостишии Суворова, — Аполлон Александрович Майков, «имянник», то есть тётка «князя муз» Аполлона.

Письмо к Державину, повидимому, не случайно выдержано Суворовым в высоком, витиеватом стиле. Сопоставление письма Суворова с вызвавшим его письмом Державина показывает, что Суворов довольно удачно перенимает стилистическую манеру своего корреспондента.

8

ГРАФУ БЕЛЬГАРДУ

20/31 мая 1799 года, Турин

Деятельность есть важнейшее из всех достоинств воинских. Многотрудный поход ваш через Альпы и скорое прибытие в Италию удостоверяют меня, что вы достоинство сие имеете в высшей степени. В настоящее время я намереваюсь отрезать неприятеля, отступающего к Генуе, и разбить его наголову. Из донесения, полученного от генерала Вукасовича, видно, что французы отступают; из прилагаемых же диспозиций для генералов Фрѣлиха и Вукасовича, а также для находящихся перед Тортоною и Александриею генералов Секендорфа, Алькаини и российского императорского генерал-лейтенанта Швейковского вы усмотрите мои распоряжения. Вы сами удостоверитесь, как необходимо, чтобы войска, состоящие под начальством вашим, следовали поспешнее через Милан, Павию, Мецано-Корти, Вогеру, Тортону в Акви. Долгом высочайшей службы и славою императорского оружия убеждаю вас ускорить этот поход. Чтобы подкреплять войска, можете вы безденежно брать у обывателей вино и мясо. Идти им тем же порядком, какой у меня давно уже заведѣн, а именно: кашевары с мясом и котлами во вьюках выступают в 12 часов ночи вперѣд на две мили (у меня весь суточный переход от четырёх до пяти миль)¹. Кашевары располагаются и варят. Войска поднимаются в 3 часа ночи; идут милю;—отдыхают один час; потом опять одну милю и приходят к своим котлам; кушанье готово—вино там, ни одного усталого.—Поев, отдыхают до 4 часов пополудни; потом опять поднимаются и идут одну милю; с час отдыхают;—идут опять одну милю, так что в 9 часов вечера приходят в лагерь; все вьючные лошади с палатками были уже отправлены наперѣд в полдень; палатки поставлены; солдат подоспел и ложится отдыхать до 3 часов следующего утра; а там снова поход.

¹ То есть от 28 до 35 вѣрст.

Так как присутствие опытного и деятельного полководца стоит более целой армии, то прошу ваше сиятельство с частию генерал-квартирмейстерского штаба своего и с любезным братом вашим маркизом Бельгардом приехать по почте через Милан и Тортону к Александрии и Акви, чтобы в минуты столь важные управлять тамошними операциями.

Находящиеся при Парме генералы Отто и Морцин подчиняются вашему сиятельству; равномерно и генералу Клену предписывается также содействовать вашим операциям, хотя и командует он авангардом генерал-фельдмаршала барона Края против Болоньи.

Спешите, ваше сиятельство, деньги дороги; жизнь человеческая — ещё дороже; а время дороже всего.

Суворов

Милютин, т. II, стр. 539—540, перевод с немецкого.

9

ГЕНЕРАЛУ ГАДИКУ

11/22 августа 1799 года, Асти

По случаю нападений неприятельских на войска, состоящие под начальством полковников Штраух и принца Рогана, обязан я обратить внимание ваше на ту военную истину, что кордонная линия всегда может быть опрокинута: неприятель по своему произволу устремляет силы на один пункт, между тем как обороняющийся, оставаясь ещё в неизвестности, имеет свои силы рассеянными.

По сей причине с неудовольствием вижу я раздробление корпуса вашего, без сомнения довольно значительного. По собственному показанию вашему из числа 13 000 человек остаются при вас в Аосте только два батальона.

Я желал бы, чтобы все пути и тропинки заняты были не для того, чтобы защищать каждую из них, но чтобы только наблюдать; для этого достаточно только одни лёгкие войска; главные же силы должно держать в совокупности, чтобы выждать на каком-либо пункте нападения неприятельского или идти ему навстречу и отразить его. Таким образом войска выигрывают время и успеют раскрыть намерения неприятеля прежде, чем он нападёт. Не хочу предписывать, каким образом ваше превосходительство может применить это правило. Имея достаточные способно-

сти военные и в особенности сведения местные, вы можете гораздо лучше сами определить пункты, где удобнее сосредоточить войска. Так, для расположения войск против всех проходов между Сен-Готардом и Симпльоном может быть избран Миджиандоне.

Милютин, т. II, стр. 352, перевод с немецкого.

10

БАРОНУ КРАЮ

12/23 августа 1799 года, Асти

Полагаясь совершенно на дальновидность и знания вашего превосходительства, поручаю вам принять ныне меры, соответствующие с обстоятельствами и положением дел; именно: или занять войсками прежние позиции, или переменить их, обратив главное внимание на совершенное обеспечение Милана и Ломбардии так, чтобы впредь уже не было бы нужно отряжать туда войска от главной армии.

Затем должно стараться получить достоверные сведения о движениях противника: узнавать точнее о направлениях и силе наступающих или отступающих колонн неприятельских и в особенности об именах их начальников.

Ни одного поста не должно считать крепостью; нет стыда уступить пост превосходному в числе неприятелю; напротив того, в том и состоит военное искусство, чтобы во-время отступить, без потери; упорное же сопротивление для удержания иного поста стоило бы дорого, между тем как впоследствии придется всё-таки отдать его превосходному неприятелю, как и случилось с храбрым полковником¹. Уступленный пост можно снова занять, а потеря людей невозвратима; нередко один человек дороже самого поста.

Все донесения должно писать ясно, определительно и, сколько возможно, избегать всякой неточности, длинноты, и красотою выражений не затмевать смысла.

Милютин, т. III, стр. 353, перевод с немецкого.

¹ Сен-Жюльен. См. указатель имён.

II

СУВОРОВ И СУВОРОЧКА

Перед нами этюд масляными красками к портрету дочери Суворова графини Наталии Александровны Зубовой. Он не подписан, но, по удостоверению знатоков, принадлежит кисти В. А. Тропинина¹.

Этюд разработан неравномерно. Лицо и руки только намечены; тщательнее выписаны тёмное шёлковое платье с серебристым отливом, стол красного дерева с золочёной бронзой и помещённый на нём бюст. При взгляде на него мы сразу узнаём Суворова: усмешливая складка подёрнула губы, глубокие борозды морщин легли на лбу и вокруг рта, задорный вихор поднялся на голове. Кажется, что к воспроизведению бюста художник подошёл с особой внимательностью, стараясь придать изваянию черты живого лица.

В обширной и многоликой иконографии Суворова бюст этот до сих пор известен не был. Тем самым этюд Тропинина приобретает двойной интерес.

Ни одно из существующих или известных по описаниям и репродукциям скульптурных изображений Суворова не соответствует данному бюсту². Правда, один, и притом прижизненный,

¹ Этюд любезно предоставлен нам для репродукции И. С. Зильберштейном, в собрании которого он хранится.

² См. например: Козлов С. В., Суворов в его изображениях, СПб., 1899, стр. 15; «Из прошлого, Исторические материалы лейб-гвардии Семёновского полка», СПб., 1911, стр. 155; «Военное прошлое русского народа. Выставка в Государственном Эрмитаже», Л., 1939, таблица 8.

*Этюд В. А. Тропина к портрету Н. А. Зубовой.
Из собрания И. С. Зильберштейна,*

бюст Суворова остался, как это ни странно, неучтённым исследователями суворовской иконографии. Среди стихотворений племянника Суворова, графа Д. И. Хвостова, есть одно, озаглавленное «К бюсту генералиссимуса князя Итальянского». Во втором издании сочинений Хвостова к этому стихотворению сделано примечание: «Бюст фельдмаршала Суворова был мне подарен славным г. Лебрюном в то самое время, когда победоносец имел пребывание в Таврическом дворце, в 1795 году»¹. В третьем издании произведений Хвостова примечание это расширено: «Стихотворение: *К бюсту генералиссимуса князя Итальянского* сочинено было в 1796 году по тому случаю, что герой, вступая в Варшаву, получил от г. Лебрюна, ваятеля при последнем короле польском Станиславе, бюст свой, который не попал в Эрмитаж и который наконец сим французским ваятелем подарен был мне, а я посвятил оный церкви св. великомученика Георгия, находящейся в С.-Петербургской губернии, в предместьи города Новой Ладogi»². Церковь эта была основана Суворовым в 1764 году, в бытность его командиром Суздальского пехотного полка. В 1819 году она была обновлена, в память Суворова, на средства Д. И. Хвостова.

В течение многих лет бюст находился в Новой Ладогe. По одним сообщениям, он стоял на паперти, по другим — внутри церкви. В период между 1886 и 1900 годами он исчез бесследно³.

Время, когда бюст Суворова был пожертвован Хвостовым в новолодожскую церковь, неизвестно. Поскольку в издании своих стихотворений, вышедшем в 1821 году, он не упоминает об этом, можно полагать, что это произошло не тотчас по обновлении церкви, а несколько лет спустя, ближе к выходу третьего издания. В таком случае, если допустить, что изображённый на портрете бюст и есть бюст работы Лебрена (и притом оригинал), то этюд мог быть сделан только в 1824 году. В январе этого года Тропинин приехал в Петербург для выполнения работы на звание академика. Осенью того же года он был утверждён в этом звании за портрет академика К. А. Леберехта и вернулся в Москву, где и прожил безвыездно до конца своих дней¹. Инте-

¹ Хвостов, гр., Д. И., Полное собрание стихотворений, ч. I, СПб., 1821, примечания, стр. XVIII—XIX.

² Хвостов, гр., Д. И., Дирические стихотворения, т. I, 3-е полное издание, СПб., 1828, стр. 301. Этим указанием я обязан И. С. Зильберштейну.

³ «Разведчик», 1900, № 488, стр. 175; № 491, стр. 244; № 496, стр. 366.

ресно, что «парадная» композиция портрета Леберехта несколько близка к нашему этюду: Леберехт изображён сидящим в кресле, рядом письменный стол, детали которого тщательно разработаны, за столом на постаменте бюст Александра I, фон задрапирован занавеской².

Конечно, утверждать безусловно, что этюд относится к 1824 году, нельзя. Для этого нам нужно располагать двумя данными, которых у нас нет: 1) что бюст Суворова работы Лебрена в это время ещё находился у Хвостова и 2) что гр. Н. А. Зубова приезжала в этом году в Петербург.

Этюд Тропинина мог быть писан и в Москве, где постоянно проживала Зубова, но в таком случае придётся допустить, что у неё был ещё другой, неизвестный нам, бюст её отца, может быть копия с бюста Лебрена.

Независимо от того, чьей работы был бюст, изображённый Тропининым, ценность этюда очевидна: во-первых, это вновь открытая работа большого мастера; во-вторых, это новый вклад в суворовскую иконографию.

Помещать на «парадных» портретах бюсты было принято в исходе XVIII—первой трети XIX веков. Изображали обычно бюсты высоких покровителей или умерших близких. В данном случае эта живописная традиция находит особое оправдание: она лишней раз напоминает нам о тех отношениях, которые связывали Суворова с его любимой «Суворочкой».

В 1773 году сорокатрёхлетний Суворов женился на княжне Варваре Ивановне Прозоровской. Жена была моложе его на двадцать лет. Воспитанная постаринке, «по часослову», ограниченная, легкомысленная, с привычками к мотовству, она представляла во всём полную противоположность мужу. Женившийся по желанию отца, Суворов на первых порах ладил со своей «Варютой», но в дальнейшем его горячий и упорный характер столкнулся с неуступчивым характером супруги. В конце концов разрыв стал неизбежным, и Суворов разошёлся с женой, чтобы никогда уже не встретиться с нею.

Всю свою привязанность Суворов сосредоточил отныне на своей дочери Наташе. Она была его гордостью. Когда ей было всего лишь два года, он хвастался в письме к одному из своих

¹ Ковалевская Н. Н., В. А. Тропинин, М., 1930, стр. 14—15.

² Николай Михайлович, вел. кн., Русские портреты XVIII—XIX столетий, т. IV, СПб., 1908, № 106.

знакомых тем, что девочка — вылитый отец по своим наклонностям: в осенний холод и слякоть месит грязь босыми ножонками. После разрыва Суворова с женой, в конце 1779 года, дочь была увезена от матери из Москвы в Петербург и помещена в Смольный институт. Туда-то и адресовано большинство писем к ней от отца, — писем, согретых подкупающей задушевностью.

Первое сохранившееся письмо Суворова к дочери послано из Квинбурна и помечено 20 декабря 1787 года: «Любезная Наташа! Ты меня порадовала письмом от 9 ноября. Больше порадуеться, как на тебя наденут белое платье (т. е. переведут в старший класс: в каждом классе воспитанницы Смольного института носили платье особого цвета. — К. П.), и того больше, как будем жить вместе... Я твоего прежнего письма не читал за недосугом, отослал к сестре Ашне Васильевне»¹.

Суворов души не чаял в дочери. Её однообразные бледные письма кажутся ему образцом «красного слога», и он отдаривает её прелестными письмами, принадлежащими к лучшей части его эпистолярного наследия. Письмам Суворова к дочери присуща одна черта, редко улавливаемая в его обширной корреспонденции: они лиричны. В неподдельных выражениях тёплого отцовского чувства Суворов гораздо больше поэт, чем в своих рифмованных опытах. «Мне очень тошно, я уж от тебя и не помню когда писем не видал», — пишет он ей. — «...Полетел бы в Смольный на тебя посмотреть, да крыльев нет». Находясь на строительстве укреплений в Финляндии, он посылает дочери гостинцы: рябиновую пастилу и мамуру, и при этом не скупится на нежные слова: «Как будто моё сердце я у тебя покинул... Я тебя буду везде за глаза целовать... Помни меня, как я тебя помню»².

Наконец наступил тот день, приближение которого «по арифметике считал» Суворов: 15 февраля 1791 года дочь его, ещё не достигшая шестнадцатилетнего возраста, окончила курс Смольного института. Суровый хулитель «века Екатерины», злоязычный кп. М. М. Щербатов утверждал, что из этого учреждения, предназначенного «для воспитания благородных девиц», «ни учёных, ни благородных девиц не вышло, как толико, поелику природа их сим снабдила; и воспитание более состояло играть комедии, нежели сердце, нравы и разум исправлять»³. Особой учёности не вынесла из института и Суворочка, но даже самые едкие и придирчивые языки отзывались об этой немудрящей, некрасивой

¹ «Русский архив», 1866, вып. 7, стлб. 933—934.

² Письмо 1791 г. — Там же, стлб. 940, 946.

³ Щербатов, М. М., О повреждении нравов в России.

и не блещущей показными салонными талантами девушке, как о «добрый, добродетельной маленькой особе».

Не менее строгий, чем князь М. М. Щербатов, блюститель чистоты нравов, Суворов счёл нужным преподать дочери, вступающей на скользкую дорогу светской жизни, следующее наставление: «Да сопутствует тебе всегда богиня невинности. Положение твоё меняется. Помни, что свободное обращение порождает пренебрежение. Берегись этого; приучайся к естественной вежливости, избегай подруг, желающих ослеплять остроотой своего ума: по большей части они испорченных нравов. Будь сурова с мужчинами и не говори с ними много; когда же они станут с тобой заговаривать, отвечай на похвалы их скромным молчанием... Если доведётся тебе быть в придворных собраниях и случится, что к тебе подойдёт кто-либо из стариков, покажи вид, что хочешь поцеловать у него руку, но своей не давай»¹.

Велика же была тревога отца, когда 3 марта 1791 года дочь его была «пожалована во фрейлины» и помещена в личных апартаментах императрицы. Суворовым овладевает страх, как бы не оказалась пагубной для его «розы» пересадка из теплицы Смольного в атмосферу лести, угодничества и фаворитизма, разлитую при дворе российской Мессалины. «...У меня больше всего на сердце благонаравие моего невинного ребёнка, при высочайшей милости», — признаётся Суворов в одном из своих писем². Мы знаем, что дворец, на языке Суворова, был синонимом «серая». Немудрено поэтому, что опасения за судьбу дочери не дают ему покоя буквально ни днём, ни ночью: однажды ему снится его Наташа вместе с «гетманом», то есть Потёмкиным, и он впадает в «сонное суеверство», начинает придавать значение снам. «Извлечь из дворца Наташу» становится определённой целью Суворова. Преследуя эту цель с обычными для него упорством и «натиском», Суворов добивается желаемого, но ценой явного неудовольствия матушки-Екатерины. Суворочка переселяется из дворца сначала под надзор своей тётки М. В. Олешевой, затем на попечение Д. И. Хвостова. Когда в конце того же 1791 года Суворов «откланялся» Екатерине перед своим отъездом в Финляндию, императрица кисло заметила своему секретарю Храповицкому, что отец её фрейлины «лучше на своём месте», то есть вдали от двора. Ещё бы! Он и сам не скрывал, а наоборот, гордился тем, что был «невежею здешних поведений».

¹ Письмо 1791 г., перевод с французского. — «Русский архив», 1866, вып. 7, стлб. 946—947.

² «Русская старина», 1872, т. VI, октябрь, стр. 410.

1791 годом заканчивается наиболее интересная часть писем Суворова к дочери,—писем, довольно рано ставших общественным достоянием: они были известны и в рукописных копиях, и многократно перепечатывались ещё при жизни самой Суворочки в разных сборниках «анекдотов», относящихся до её великого отца. Письма эти озадачили её лучезарным отблеском суворовской славы. В 1795 году она вышла замуж за гр. Н. А. Зубова, отличавшегося «буянством» и не ладившего со своим тестем. Умерла она в 1844 году, почти семидесятилетней старухой, но в глазах современников графиня Зубова до конца дней оставалась прежней Наташей: боготворимой отцом «дочерью бессмертного Суворова».

Ниже печатается несколько образцов писем Суворова к дочери.

1

Кинбурн, ч[исла] 16 марта 1788 году

Милая моя Суворочка! Письмо твоё от 31 ч[исла] генваря получил. Ты меня так им утетила, что я по обычаю моему от утети заплакал. Кто-то тебя, мой друг, учит такому красному слогу, что я завидую, чтоб ты меня не перещеголяла? Милостивой государыне Софье Ивановне¹ свидетельствую моё покорнейшее почтение. О ай да Суворочка! Как же у нас много полевого салату, птиц, жаворонков, стерлядей, воробьёв, полевых цветков. Морские волны бьют в берега, как у вас в крепости из пушек. От нас в Очакове слышно, как собачки лают, как петухи поют. Куда бы я, матушка, посмотрел теперь тебя в белом платье, как-то ты растёшь! Как увидимся, не забудь мне рассказать какую [нибудь] приятную историю о твоих великих мужах в древности. Поклонись от меня сестрицам². Благословение божие с тобою.

Отец твой Александр Суворов

«Русский архив», 1866, вып. 7, стлб. 935.

2

Кинбурн, ч[исла] 29 мая 1788 году

Любезная Суворочка, здравствуй! Кланяйся от меня всем сестрицам. У нас уж давно поспели дикие молодые зайчики,

¹ С. И. Деллафон. См. указатель имён.

² То есть подругам Суворочки по Смольному институту.

уточки, кулички. Благодарствую, друг мой, за твоё письмо от 6 ч[исла] марта: я его сегодня получил. Не ошиблась ли ты уж в месяце? Тут же письмо получил от Елисаветы Ивановны Горихвостовой; правда, это попозже писано, 15 ч[исла] марта. Кланяйся ей от меня, и обеим вам благословение божие. Недосуг много писать. Около нас 100 корабликов, иной такой большой, как Смольный; я на них смотрю и купаюсь в Чёрном море с солдатами: вода очень студёна и так солонa, что барашков можно солить. Коли буря, то нас выбрасывает волнами на берег. Прости, душа моя!

Отец твой Александр Суворов

«Русский архив», 1866, вып. 7, стлб. 935—936.

3

Книбурн, 2 июня 1788 году

Голубушка Суворочка, целую тебя! Ты меня ещё потешила письмом от 30 апреля; на одно я вчера тебе отвечал. Коли, бог даст, будем живы и здоровы и увидимся, рад я с тобою говорить о старых и новых героях, лишь научи меня, чтоб, я им последовал. Ай да Суворочка, здравствуй душа моя, в белом платье! Носи на здоровье, рости велика. Милостивой государыне Софье Ивановне нижайшее моё почтение. Уж теперь-то, Наташа, какой же у *них*¹ по ночам в Очакове вой, — собачки поют волками, коровы лают, кошки блеют, козы ревут! Я сплю на косе; она так далеко в море, в лиман; как гуляю, слышно, что *они* говорят; они там около нас, очень много, на таких превеликих лодках, — шесты большие, к облакам, пологны на них на версту; видно, как табак курят; песни поют заунывные. На иной лодке их больше, чем у вас во всём Смольном мух, — красненькие, зелёненькие, синенькие, серенькие. Ружья у них такие большие, как камера, где ты спишь с сестрицами. Божие благословение с тобою!

Отец твой Александр Суворов

Алексеев В. А., Письма и бумаги Суворова из Суворовского сборника Императорской Публичной библиотеки, СПб. 1901, стр. 30.

¹ То есть у турок.

Берлад ч[исла] 21 августа 1789 году.

Суворочка, душа моя, здравствуй! Mes baisemains à Софья Ивановна¹. Поцелуй за меня сестриц. У нас стрепеты поют, зайцы летят, скворцы прыгают на воздухе по возрастам: я одного поймал из гнезда, кормили из роту, а он и ушёл домой. Поспели в лесу грецкие да волоцкие орехи. Пиши ко мне изредка. Хоть мне недосуг, да я буду твои письма читать. Молись богу, чтоб мы с тобой увиделись. Я пишу к тебе орлиным пером; у меня один живёт, ест из рук. Помнишь, после того уж я ни разу не танцевал. Прыгаем на коньках, играем такими большими кеглями железными, насилу подынешь, да свинцовым горохом: коли в глаз попадёт, так и лоб прошибёт. Прислал бы к тебе полевых цветков, очень хороши, да дорогой высохнут. Прости, голубушка сестрица, Христос Спаситель с тобою.

Отец твой Александр Суворов

«Русский архив», 1866, вып. 7, стлб. 938.

Comtesse des deux empires², любезная Наташа Суворочка. А celà³ ай да надобно тебе всегда только благочестие, благонаравие, добродетель. Скажи Софье Ивановне и сестрицам, у меня горячка в мозгу, да кто и выдержит? Слышала, сестрица душа моя, ещё de ma magnanime mère⁴ рескрипт на полулисте, будто Александру Македонскому, знаки св. Андрея, тысяч в пятьдесят, да выше всего, голубушка, первый класс св. Георгия. Вот каков твой папенька за доброе сердце! Чуть, право, от радости не умер! Божие благословение с тобою.

Отец твой граф Александр Суворов-Рымникский

Письмо написано Суворовым по получении за рымникскую победу 11 сентября 1789 года титула графа Рымникского, пожалованного ему императрицей Екатериной II, и титула графа Свя-

¹ Поцелуй за меня ручки у Софьи Ивановны.

² Графиня двух империй.

³ К сему.

⁴ От моей великодушной матушки.

щенной римской империи, пожалованного ему австрийским императором Иосифом II. Тогда же он был награждён и орденом Георгия первой степени. Бриллиантовый крест и звезду к ордену Андрея Первозванного Суворов получил незадолго до того за фокшанское сражение 21 июля 1789 года.

6

Ч[исла] 3 ноября 1789 году

Ай да любезная сестрица. Ich küsse die Hände meiner gnädigsten¹ Софья Ивановна. Она твоя матушка. Je salue très respectueusement avec dévotion mes très chères soeurs². У меня козочки, гуси, утки, индейки, петухи, тетёрки, зайцы, чижик умер; я их выпустил домой. У нас ещё листки не упали и зелёная трава. Гостинцев много: наливные яблоки, дули, персики, винограду на зиму запас. Сестрицы, приезжайте ко мне, есть чем подчивать: и гривенники, и червонцы есть. Что хорошего, душа моя сестрица? Мне очень тошно; я уж от тебя и не помню когда писем не видал. Мне теперь досуг, я бы их читать стал. Знаешь, что ты мне мила: полетел бы в Смольный на тебя посмотреть, да крыльев нет. Куда право какая, ещё тебя ждать 16 месяцев, а там пойдёшь домой. А как же долго! Нет уже не долго; привози сама гостинцу, я для тебя сделаю бал. Кланяйся, как увидишь, Катерине Ивановне³ и обеим⁴. Adieu, ma chère comtesse⁵ Суворочка. Целую тебя, душа моя. Божие благословение с тобою.

Отец твой граф Александр Суворов-Рымникский

«Русский архив», 1866, вып. 7, стлб. 940—941.

¹ Целую руку милостивейшей...

² Почтительнейше, с благоговением приветствую моих дражайших сестриц.

³ Е. И. Нелидова. См. указатель имён.

⁴ Пропуск в тексте. Очевидно — обеим тётушкам, то есть М. В. Олешевой и А. В. Горчаковой.

⁵ Прощай, моя милая графиня.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александр Великий (356—323 до н. э.), царь македонский, один из знаменитейших завоевателей и полководцев — 49, 58, 60, 62, 64, 107—111, 147.
- Александр I (1777—1825), император — 39, 104, 142.
- Алексеев, Василий Алексеевич (р. 1863), филолог, автор ряда работ о Суворове — 80, 106.
- Альварадо, Педро (1483—1541), один из завоевателей Нового Света — 117.
- Алькаини, гр., австрийский генерал — 137.
- Анакреон (ум. около 495 до н. э.), греческий лирик, воспевавший любовь, веселье и вино — 71.
- Алтинг, Фридрих (ум. 1805), первый биограф Суворова, автор труда «Versuch einer Kriegs-Geschichte des Grafen Alexander Suworow-Rymnikski...» («Опыт военной истории графа Александра Суворова-Рымникого...»), изданного в Готе в 1795—1799 гг. и переведённого на русский язык в 1799—1800 гг. М. Паршурую — 40, 41, 79, 132.
- Антоновский, Михаил Иванович (1759—1816), первый издатель «Науки побеждать» — 47, 48, 54, 127, 128.
- Аракчеев, гр. Алексей Андреевич (1769—1834), инспектор всей артиллерии при Павле I, военный министр при Александре I — 10.
- Аристид (540—467 до н. э.), афинский полководец и государственный деятель — 6, 53, 70.
- Багратион, кн. Пётр Иванович (1765—1812), выдающийся полководец; с 1790 г. постоянный сподвижник Суворова; с 1798 г. — полковник, с 1799 г. — генерал-майор; в 1812 г. командовал второй армией — 31, 35, 36, 39, 88, 90.
- Баколи — см. Бэкон.
- Бантыш-Каменский, Николай Николаевич (1737—1814), археограф — 73.
- Бекетов, Никита Афанасьевич (1729—1794), воспитанник Сухопутного кадетского корпуса, участник корпусной труппы, автор песен, впоследствии генерал-поручик — 61.
- Белинский, Виссарион Григорьевич (1811—1848), криптик — 97.
- Белопольский, штаб-лекарь — 126.
- Бельгард, гр. Генрих (1756—1845), австрийский фельдмаршал-лейтенант — 36, 51, 137.
- Бельгард, маркиз — 138.
- Бецкий, Иван Иванович (1704—1795), видный деятель русского просвещения — 49.
- Бибиков, Александр Ильич (1729—1774), генерал-поручик — 40, 46.

- Болтин, Е., автор статьи о «Науке побеждать» в «Военно-историческом журнале» 1940 г., № 5/10 — 127, 128.
- Бонапарт — см. Наполеон.
- Брут, Марк Юний (85—42 до н. э.), римлянин, друг Цезаря, ставший затем главою заговора против него — 60.
- Брюс, Роман Вильмович (1668—1720), генерал-майор — 16.
- Булгаков, Яков Иванович (1743—1809), дипломат и писатель-переводчик — 43, 83.
- Бэкон, Фрэнсис (1561—1626), английский философ — 82.
- Вагнер, ротмистр — 14.
- Васильчиков, Илларион Васильевич (1776—1847), генерал-лейтенант — 39.
- Вегетций, Флавий, латинский военный писатель IV в., автор трактата «De re militari» («О военном деле»). В 1764 г. «Воинские правила Вегетиевы» были изданы в русском переводе С. Глебова — 50, 128.
- Вейкарт, лейб-медик Павла I — 56.
- Веймарн, Иван Иванович (1722—1792), генерал-поручик, начальник Суворова в эпоху первой польской войны 1768—1772 гг. — 16, 24, 46, 48, 75.
- Веласкес, Дьего (1460-70—1523), наместник Кубы — 117.
- Вердье, гессенский надворный советник — 27.
- Виллар (у Суворова — Вилларс), герцог Гектор (1653—1734), французский полководец, маршал — 128.
- Виргилий, Публий-Марон (70—19 до н. э.), знаменитый латинский поэт — 71, 135.
- Вобан, Себастьян (1633—1707), знаменитый французский военный инженер, маршал. Приписываемый ему трактат «Истинный способ укрепления городов» вышел в 1724 г. По этому переводу юноша Суворов изучал основы фортификации. Классический труд Вобана «Книга о атаке и обороне крепостей» в русском переводе Ивана Ремезова издан в 1744 г. — 4, 47, 51, 52.
- Вольтер, Франсуа-Мари Аруэ (1694—1778), знаменитый французский писатель-просветитель — 52, 59.
- Вороицов, гр. Семён Романович (1744—1832), дипломат, посол в Лондоне — 21, 22, 74, 91.
- Вукасович, бар. Филипп (1755—1809), австрийский генерал-майор — 137.
- Вяземский, кн. Пётр Андреевич (1792—1878), писатель — 103.
- Гадик, гр. Карл (1756—1800), австрийский фельдмаршал-лейтенант — 138.
- Ганнибал, Абрам Петрович (ум. 1781), генерал-аншеф, прадед Пушкина — 7, 77.
- Гвидо де Колумна, итальянский писатель XIII в. — 58.
- Герострат, ефесец, сжёгший в 356 г. до н. э. знаменитый храм Дианы в Ефесе, чтобы таким образом увековечить своё имя — 62, 64, 107—111.
- Гибнер, Иоганн, автор популярного в суворовскую эпоху пособия по географии, переведённого и изданного в России при Петре I: «Краткое описание земноводного круга, из старых и новых географий, по вопросам и ответам, чрез Ягана Гибнера собранное» (1719) — 47.
- Гиньяр, автор книги «Школа Марса» — 128.

- Глинка, Сергей Николаевич (1776—1847), писатель, энергичный собиратель мемуарных свидетельств о Суворове — 54, 61, 62, 127.
- Глинка, Фёдор Николаевич (1786—1880), писатель — 97, 102.
- Гнедич, Николай Иванович (1784—1833), поэт, переводчик «Илиады» — 68.
- Гоголь, Николай Васильевич — 4, 39, 70.
- Голиков, Иван Иванович (1735—1801), историк, автор «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранных из достоверных источников и расположенных по годам» (изд. 1788—1797) — 15.
- Гомер, древнегреческий поэт, предполагаемый творец «Илиады» и «Одиссеи» — 58, 60, 67, 68, 71, 135.
- Гориквостова, Елизавета Ивановна, в замужестве Турчанинова, крестница Суворова — 146.
- Горчаков, кн. Алексей Иванович (1769—1817), племянник Суворова, сын его сестры Анны Васильевны — 53.
- Горчакова, кн. Анна Васильевна (1744—1813), рожд. Суворова, сестра полководца — 143, 148.
- Грот, Яков Карлович (1812—1893), филолог — 70.
- Давыдов, Денис Васильевич (1784—1839), партизан отечественной войны 1812 г., поэт — 10, 11, 36, 37—39, 91, 102—103.
- Даль, Владимир Иванович (1801—1872), писатель, составитель словаря русского языка и собиратель русских пословиц — 93.
- Данилевский, Григорий Петрович (1829—1890), писатель — 68.
- Делафон, Софья Ивановна (1717—1797), начальница Воспитательного общества благородных девиц при Смольном монастыре — 145—148.
- Дельвиг, бар. Антон Антонович (1798—1831), поэт — 70.
- Демосфен (384—322 до н. э.), знаменитый греческий оратор — 78, 89, 136.
- Демисов, Адриан Карпович (1763—1841), донской казак, участник штурма Измаила, польской войны 1792—1794 гг., итальянского и швейцарского походов, впоследствии генерал-лейтенант — 87.
- Державин, Гавриил Романович (1743—1816), поэт — 7, 53, 60, 70—72, 135—137.
- Дерфельден, Вильгельм Христофорович (1735—1819), генерал-аншеф — 46.
- Дмитриев, Иван Иванович (1760—1837), поэт — 5.
- Доктуров, Дмитрий Сергеевич (1756—1816), герой отечественной войны 1812 г.; в бородинском сражении командовал сначала центром, а затем левым крылом — 35.
- Драгомиров, Михаил Иванович (1830—1905), генерал-от-инфантерии, военный писатель — 30, 102, 128.
- Древиц (Древич), Иван Григорьевич (1733—1783), мекленбуржец на русской службе, генерал-майор — 16, 17.
- Дубровин, Николай Фёдорович (1837—1904), военный историк — 90.
- Дюбокаж, французский эмигрант, адъютант Суворова в 1794—1796 гг. — 90.
- Евгений, герцог Савойский (1663—1736), выдающийся полководец. С деятельностью его знакомила популярная в России книга «Жизнь и славные дела принца Евгения, герцога савой-

- ского, с описанием его военных дел и побед» (изд. 1710 и 1770) — 47.
- Екатерина II (1729—1796), императрица — 45, 104, 123, 136, 143—144, 147.
- Елагин, Иван Перфильевич (1725—1793), директор придворной музыки и переводчик — 61—62, 65.
- Елизавета Петровна (1709—1761), императрица, дочь Петра I — 8, 10.
- Ермолов, Алексей Петрович (1772—1861), генерал-от-инфантерии — 103.
- Ескалант — см. Эскаланте.
- Зубов, гр. Валериан Александрович (1771—1804), генерал-от-инфантерии — 71.
- Зубов, гр. Николай Александрович (1763—1805), зять Суворова, генерал-майор, участник заговора против Павла I — 45, 145, 149.
- Зубов, кн. Платон Александрович (1767—1822), фаворит Екатерины II, ген.-фельдцейхмейстер и шеф кавалергардов — 18, 45, 82.
- Зубова, гр. Наталья Александровна — см. Суворова.
- Зыбин, ординарец Суворова — 23.
- Ивашев, Пётр Николаевич, начальник штаба Суворова в 1794—1795 гг. — 41.
- Иосиф II (1765—1790), австрийский император — 148.
- Каменский, гр. Михаил Федотович (1738—1809), фельдмаршал — 61.
- Карачай, бар. Александр (1790—1858), крестник Суворова, поручик Фанагорийского полка — 46—50, 53—54, 66, 73.
- Карачай, бар. Андрей (1744—1808), австрийский генерал-майор, участник второй турецкой войны 1787—1791 гг.; впоследствии фельдмаршал-лейтенант — 46, 54.
- Карл XII (1682—1718), король шведский, выдающийся полководец — 6, 15, 19.
- Карл V (1643—1690), герцог лотарингский, искусный военачальник австрийской службы — 128.
- Карл (1771—1847), эрцгерц. австрийск. фельдмаршал — 29, 32, 79, 82.
- Катина (у Суворова — Катинат), Николай (1637—1712), французский маршал — 128.
- Катон Старший (234—149 до н. э.), римский государственный деятель — 53.
- Квезалкоатль (Кветцалкоатль), древнемексиканский вождь-законодатель, основатель государства Анагуак — 117.
- Квинт Курций, римский историк I века, автор истории Александра Македонского — 58, 111, 129.
- Кленау, гр. Иоганн (1758—1819), австрийский генерал — 138.
- Клинтон, лорд — 51.
- Колычёв, Степан Алексеевич (1746—1805), дипломат — 29, 32, 81.
- Конде, принц Людовик II Бурбон (1621—1686), «великий Конде», знаменитый французский полководец — 128.
- Кортец (Кортес), Фернандо (1485—1547), завоеватель Мексики — 62—64, 66, 111—118.
- Костров, Ермил Иванович (1750 или 1752—1796), поэт — 60, 67—70, 72—73, 83.
- Костюшко, Тадеуш (1746—1817), польский патриот, руководитель польской конфедерации 1794 г. — 18.

- Край бар. Павел (1735—1804), встрийский генерал-фельдмаршал — 31, 83—84, 138—139.
- Ксенофонт (434—359 до н. э.), греческий историк — 60.
- Ксикотенкал (Ксикотенкатль) тласкальский военачальник, выступавший в 1519 г. против Кортеса — 111, 115.
- Кулибин, Иван Петрович (1735—1818), механик-самоучка — 70.
- Кульнев, Яков Петрович (1763—1812), генерал-майор, один из героев отечественной войны 1812 г. — 37—39, 95—97, 99, 102, 103.
- Курас, Гильмар, автор распространённого в суворовскую эпоху руководства по всеобщей истории. «Универсальная история» Кураса неоднократно переиздавалась при жизни Суворова в русском переводе С. Волыкова — 47.
- Куртс, Иван Онуфриевич (ум. 1834), сподвижник Суворова, участник турецкой войны 1787—1791 г., правитель канцелярии Суворова в 1794 г. — 47, 49, 50, 58, 128—129.
- Курций — см. Квинт Курций.
- Кутузов, Михаил Илларионович (1745—1813), знаменитый полководец; в 1776—1790 гг. почти безоглушный боевой спутник Суворова — 33—35, 38, 97.
- Кэгорн, бар. Меншо (1641—1704), голландский инженер, прозванный «голландским Вобаном». В эпоху Петра I в России был выпущен перевод его труда «Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте, купно с показанием, как ныне при море и реках крепости делаются...», выдержавший в течение двух лет (1709 и 1710) два издания — 47.
- Кюстин, маркиз Адам-Филиппе (1740—1793), франц. ген. — 27.
- Лаудон, бар. Эрнест-Гедеон (1717—1789), уроженец Лифляндии, начавший военную службу в русских войсках, впоследствии австрийский генералиссимус — 53—54.
- Лафонтен, Жан (1621—1695), французский басисписец — 59.
- Леберехт, Карл Александрович (1749—1827), медальер — 141, 146.
- Лебрен, Андре (1735—1811), скульптор — 141—142.
- Лёвшин, Василий Алексеевич (1746—1826), писатель, собиратель мемуарных и документальных свидетельств о Суворове — 47—48, 87, 127, 128.
- Ленин, Владимир Ильич — 102.
- Леонид, царь спартанский, павший в бою, защищая в 480 г. до н. э. Фермопильское ущелье от наступающих персов — 3.
- Локк, Джон (1632—1704), английский философ-сенсуалист — 62, 64.
- Ломоносов, Михаил Васильевич (1711—1765), великий русский учёный и писатель — 8, 59, 70.
- Магискацин, тласкалец, сторонник союза с Кортесом против Монтезумы — 115.
- Магомет-паша Айдозли («Акдозла»), серасир крепости Измаил, убит при взятии Измаила 11 декабря 1790 г. — 133, 134.
- Майков, Аполлон Александрович (1761—1838), поэт и драматург — 136.
- Марон — см. Виргилий.
- Мелас, бар. Михаил-Фридрих-Бенедикт (1729—1806), австрийский фельдмаршал; в 1799 г. командовал австрийскими войсками в Италии — 31.
- Мессалина, римская императрица I в. н. э., известная своим распутством — 144.

- Мессельер, граф, французский дипломат, состоявший в 1757—1759 гг. при посольстве в Петербурге — 87.
- Милорадович, Михаил Андреевич (1771—1825), генерал-майор, командир Апшеронского мушкетёрского полка и дежурный генерал при Суворове в 1799 г., участник отечественной войны 1812 г. — 6, 37, 48, 53.
- Миллер, Герард-Фридрих (1705—1783), историограф — 61.
- Милютин, Дмитрий Алексеевич (1816—1912), генерал-фельдмаршал, военный историк — 75, 106.
- Миних, гр. Бурхард-Христофор (1684—1767), фельдмаршал — 9, 20.
- Мольер, Жан-Батист (1622—1673), французский драматург — 59.
- Монтезума (Моктезума), (1466—1520), последний властитель мексиканского государства Ацтек — 62—64, 66, 111—118.
- Монтекукули, граф Раймунд (1608—1681), австрийский полководец, автор трактата о военном искусстве, изданного в 1718 г. под заглавием «Memoria della guerra...» («Записки о войне...») — 6, 50, 128.
- Монтескье, Шарль (1689—1755), французский политический писатель — 59.
- Монтень, Мишель (1533—1592), французский писатель-моралист — 59, 60.
- Мориц, гр. Саксонский (1696—1750), выдающийся французский полководец, автор книги «Mes rêveries ou Mémoires sur l'art de la guerre» («Мои мечтания или записки о военном искусстве»), изданные в 1757 г. — 47, 50, 51, 56, 128.
- Моро, Виктор (1763—1813), французский республиканский генерал, впоследствии перешедший на русскую службу — 29, 52.
- Морцин, гр. Фердинанд-Иоганн (1756—1805) австрийский генерал — 138.
- Мотезума — см. Монтезума.
- Наполеон I (1769—1821), французский император — 35, 36, 69, 103.
- Нарваец, Панфило (около 1470—1528), испанский военачальник — 117.
- Нелидова, Екатерина Ивановна (1756—1839), фрейлина вел. кн. Марии Фёдоровны — 148.
- Нельсон, Орас (1758—1805), английский вице-адмирал — 4.
- Николай I (1796—1855), император — 39.
- Новиков, Николай Иванович (1744—1818), деятель русского просвещения, издатель — 62.
- Олешева, Марья Васильевна (1745—18...), рожд. Суворова, сестра полководца — 144, 148.
- Орловский, комендант Варшавы — 18.
- Оссиян, легендарный герой ирландских и шотландских народных преданий. Шотландские сказания об Оссияне литературно обработаны и изданы в 1760—1765 гг. Джемсом Макферсоном — 60, 67—69, 71, 83, 135.
- Отт (у Суворова — Отто), бар. Карл (1738—1809), австрийский фельдмаршал-лейтенант — 138.
- Павел I (1754—1801), император — 10, 25, 28, 33, 72, 75, 82.
- Павин, гр. Никита Иванович (1718—1783), начальник Иностранной коллегии, воспитатель Павла I — 61.
- Панин, гр. Никита Петрович (1771—1837), вице-канцлер, сто-

- рошник союза России с Англией и Австрией, направленного против Франции — 74.
- Панин, гр. Пётр Иванович (1721—1789), генерал-аншеф — 62.
- Пётр I (1672—1725), император — 7—16, 18, 19, 22, 24, 31; 35; 44, 50, 61, 77, 91
- Петрушевский, Александр Фомич (1826—1904), генерал-лейтенант, историк, автор монументального труда «Генералиссимус князь Суворов» (СПБ., 1884, 3 тома; СПБ., 1900, второе, переработанное, издание в одном томе) — 32, 63, 106, 128, 132.
- Платов, Матвей Иванович (1751—1818), бригадир; за штурм Измаила произведён в генерал-майоры; впоследствии один из героев отечественной войны 1812 г. и атаман Войска Донского — 134.
- Плутарх (около 50—120), греческий писатель, автор знаменитых «Сравнительных жизнеописаний», преследующих цель морального воздействия на читателя — 51, 52.
- Повало-Швейковский, Яков Иванович (1750—1807), генерал-от-инфантерии — 137.
- Погосский, Александр Фомич (1816—1874), писатель, сотрудник журнала «Чтение для солдат», с 1858 г. издатель журнала «Солдатская беседа» — 97, 99—102.
- Полбий (205—123 до н. э.), греческий историк — 60.
- Попов, Василий Степанович (1743—1822), чиновник особых поручений и доверенное лицо Потёмкина — 57, 75, 77, 78, 82, 83.
- Потёмкин-Таврический, кн. Григорий Александрович (1739—1791), фаворит Екатерины II — 22, 23, 26, 43, 45, 53, 58, 72, 74, 75, 77, 82, 133, 134, 144.
- Прево де Люмьян, генерал-майор русской службы — 29.
- Прозоровский, кн. Александр Александрович (1732—1808), генерал-от-инфантерии — 61.
- Пушкин, Александр Сергеевич — 39, 70, 77, 102.
- Разумовский, гр. Андрей Кириллович (1752—1836), дипломат, посол в Вене, прозванный за свою приверженность к Австрии «эригерцогом Андреасом» — 28, 29, 42, 82.
- Расин, Жан-Батист (1639—1699), французский драматург — 62.
- Рейналь, Гильом-Тома-Франсуа (1713—1796) французский историк и философ — 59.
- Репнин, кн. Николай Васильевич (1734—1801), генерал-фельдмаршал — 39.
- Рибас-де-Осип Михайлович (1749—1800), адмирал — 56.
- Рябский-Корсаков, Александр Михайлович (1753—1840), генерал-от-инфантерии, в 1799 г. командовал русским отрядом в Швейцарии — 59.
- Роган, принц Виктор-Луи (1766—1846), австрийский полковник — 138.
- Розенберг, Андрей Григорьевич (1739—1813), генерал-от-инфантерии, в 1799 г. главнокомандующий русским корпусом в Италии — 11.
- Роллен, Шарль (1661—1741), французский историк — 47, 58, 129.
- Ростопчин, гр. Фёдор Васильевич (1765—1826), генерал-адъютант Павла I, первоприсутствующий в Коллегия иностранных дел; московский главнокомандующий в 1812 г. — 28, 30, 80, 88, 103, 104.

- Румянцов-Задунайский, гр. Пётр Александрович (1725—1796), генерал-фельдмаршал — 7, 19—23, 61, 132.
- Руссо, Жан-Жак (1712—1778), французский писатель — 59.
- Сабанеев, Иван Васильевич (1772—1829), генерал-от-инфантерии; в 1799 г., в чине майора, командовал передовыми постами конницы Розенберга; в 1813—1814 гг. начальник главного штаба армии Барклая — 96, 102.
- Сакс-де — см. Мориц.
- Саксонский, граф — см. Мориц.
- Салтыков, гр. Иван Петрович (1730—1805), генерал-поручик, впоследствии генерал-фельдмаршал — 74, 77, 132.
- Салтыков, гр. Пётр Семёнович (1698—1772), генерал-фельдмаршал; в 1759 г. разбил Фридриха II при Пальциге и Кунерсдорфе — 16, 22.
- Свердлов, Яков Михайлович — 102.
- Свистунов, Пётр Семёнович (1732—1808), поэт и драматург — 61.
- Секендорф, австрийский генерал — 137.
- Сен-Жюльен, австрийский полковник, потерпевший поражение в Швейцарии в 1799 г. — 139.
- Серюрье, Жан-Матье-Филибер (1742—1819), французский генерал, взятый в плен русскими при Кассано — 17.
- Симанский, Пантелеймон Николаевич, собиратель литературы о Суворове — 62, 118.
- Скобелев, Иван Никитич (1778—1849), генерал-майор, писатель — 97—100, 102.
- Скрипцын, Павел Николаевич, сын друга Суворова Н. Ф. Скрипцына, управлявшего его московским имуществом — 46, 54, 66, 73.
- Сталь, Анна-Луиза-Жермена (1766—1817), французская писательница — 33.
- Станислав-Август (1732—1798), последний король Польши — 141.
- Старков-Третьяков, суворовский ветеран, служил в 1799 г. сержантом в мушкетёрском полку Ребиндера; впоследствии полковник; автор «Рассказов старого воина о Суворове» (М., 1847) — 52, 90.
- Столыпин, Александр Алексеевич (р. 1774), адъютант Суворова — 87.
- Строцци, Пьер (ум. 1558), французский маршал; перевёл на греческий язык «Комментарии» Цезаря — 60.
- Суворов, кн. Аркадий Александрович (1780—1811), сын полководца, генерал-лейтенант — 52.
- Суворов, Василий Иванович (1709—1775), генерал-аншеф, отец великого полководца — 7, 77.
- Суворова, кн. Варвара Ивановна (1750—1806), рожд. кн. Прозоровская, жена А. В. Суворова — 142, 143.
- Суворова, гр. Наталья Александровна (1775—1844), в замужестве гр. Зубова, дочь Суворова — 81, 82, 84, 85, 140, 142—148.
- Сумароков, Александр Петрович (1718—1777), писатель — 61, 64, 78.
- Сципион (около 234—183 до н. э.), римский полководец, победитель Аннибала — 60.
- Толстой, гр. Пётр Александрович (1769—1844), генерал-адъютант

- тант; состоял в 1799 г. при эрцгерцоге Карле для сношений с Суворовым — 28.
- Тредьяковский, Василий Кириллович (1703—1769), писатель—78.
- Тропинин, Василий Андреевич (1776—1857), живописец-портретист — 140—142.
- Тугут, Иоанн-Амедей-Франц (1734—1818), австрийский государственный деятель, министр иностранных дел — 27—29, 32, 75, 78, 80.
- Турчанкин, Пётр Иванович (1746—после 1823), правитель канцелярии Потёмкина, позднее статс-секретарь и генерал-поручик — 20, 23, 44, 45, 76, 78, 80—82.
- Тюренин, Анри (1611—1675), знаменитый французский полководец. В 1782 г. были изданы «Мемуары» Тюренина. Кроме них, Суворову были, вероятно, известны «История о виконте Тюренине, славнейшем французском полководце...» аббата Рагенета, вышедшая в русском переводе в 1763 г., а также классические образцы французского ораторского искусства — надгробные речи о Тюренине Флешье и Маскарона — 47, 53, 128.
- Уйэвелл, современный английский фельдмаршал — 15.
- Фабий (275—203 до н. э.), римский полководец, прозванный «Медлителем» («Cunctator») — 26, 33.
- Фабриций (у Суворова — Фабрициан), римский полководец III в. до н. э., прославившийся своей справедливостью и благородством — 53.
- Фалькони, голландский инженер, состоявший при Суворове в 1796 г. — 44.
- Ферзен, гр. Иван Евстафьевич (1739—1800), генерал-от-инфантерии; в 1794 г. нанёс поражение Костюшке при Мациовицах — 28.
- Фигнер, Александр Самойлович (1787—1813), партизан отечественной войны 1812 г. — 38.
- Фильдинг, Генри (1707—1754), английский писатель — 59.
- Фонтель, Бернар (1657—1757), французский писатель — 59.
- Фрелих, Михаи́л (1740—1814), австрийский генерал — 137.
- Фридрих II (1712—1786), король прусский. В Семилетнюю войну разбит русскими в ряде сражений. Упомянув о нём в письме к Карачаю, Суворов, очевидно, понимает его «Наставление... о военном искусстве к своим генералам». На протяжении 1761—1791 гг. эта инструкция Фридриха была издана в России четыре раза в переводах А. Нартова и М. Философова. Суворову принадлежат следующие слова: «Я лучше прусского покойного великого короля, я, милостью божиею, баталии не проигрывал» (Марченко, А. В. Суворов в своих рукописях, СПб., 1900, стр. 37) — 16, 25—27, 47.
- Фукс, Егор Борисович (1762—1829), начальник походной канцелярии Суворова в 1799 г., автор ряда книг и статей о нём — 43, 48, 59, 72, 75, 76.
- Хвостов, гр. Дмитрий Иванович (1757—1835), стихотворец; был женат на племяннице Суворова кн. Аграфене Ивановне Горчаковой — 25, 26, 38, 42, 44—46, 52, 72, 76, 80, 83, 84, 141, 142, 144.
- Херасков, Михаил Матвеевич (1733—1807), писатель—61, 62, 69.
- Храповицкий, Александр Васильевич (1749—1801), статс-секретарь Екатерины II — 144.
- Цезарь — см. Юлий Цезарь.

- Цицерон (106—43 до н. э.), знаменитый римский оратор — 88.
- Цукато, гр. Георгий Гаврилович (ум. 1810), генерал-майор, участник второй польской войны и итальянской кампании 1799 г. — 42, 46.
- Чимароза, Доменико (1749—1801), итальянский композитор — 18.
- Шателлер, генерал-квартирмейстер штаба Суворова в 1799 г. — 91.
- Швейковский — см. Повало-Швейковский.
- Шверин, гр. Курт-Кристоф (1684—1757), прусский генерал-фельдмаршал — 26.
- Шмидт, Иоганн-Генрих (1749—1829), портретист — 40.
- Шонбург, бригадир — 16.
- Штраух, австрийский полковник — 138.
- Шувалов, гр. Пётр Иванович (1711—1762), государственный деятель, генерал-фельдмаршал — 49, 50.
- Щербатов, кн. Михаил Михайлович (1733—1790), историк — 53, 143, 144.
- Эпаминонд (411—362 до н. э.), знаменитый греческий полководец — 6, 53, 59.
- Эскаланте, Жуан (ум. 1519), испанский военачальник — 117.
- Юлий Цезарь (100—44 до н. э.), один из величайших в истории полководцев, римский государственный деятель, оратор и писатель, автор «*Commentarii de bello gallico*» («Записки о галльской войне») и «*Commentarii de bello civili*» («Записки о гражданской войне») — 6, 9, 33, 47—49, 51—54, 58—60, 74, 129.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

При ссылках на наиболее часто указываемые источники допущены следующие сокращённые обозначения:

- Лёвшин — Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича князя Италийского, графа Суворова-Рымникого, в коих изображается истинный дух и характер сего героя, с присовокуплением Вахт-парада или Науки побеждать, сочинённой сим непобедимым полководцем, собранные Васильем Лёвшиным, М., 1809.
- Масловский, вып. II — *Масловский Д. Ф.*, Записки по истории военного искусства в России, выпуск II, 1762—1794 гг., СПб., 1894.
- Милютин — *Милютин Д. А.*, История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году, т. I—III, СПб., 1852; т. IV—V, СПб., 1853.
- Петрушевский — *Петрушевский А. Ф.*, Генералиссимус князь Суворов, СПб., 1884, 3 тома.
- «Письма и бумаги» — *Письма и бумаги Суворова*, т. I, письма 1764—1781 гг., объяснил и примечаниями снабдил В. Алексеев, Петроград, 1916.
- Фукс, Анекдоты — *Фукс Е.*, Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникого, СПб., 1827.
- Фукс, Собрание разных сочинений — *Фукс Е.*, Собрание разных сочинений, СПб., 1827.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Слава и честь русского оружия	6
Герои Суворова	40
Атака словом и пером	57

Приложения

I

Разговор в царстве мёртвых между Александром Великим и Геростратом	107
Разговор в царстве мёртвых. Кортес и Мотецума	111
Наука побеждать	119
Наставление И. О. Курису	128
Из приказов Суворова	129
Из эпистолярного наследия Суворова	132

II

Суворов и Суворочка	140
Указатель имён	150
Список сокращений	159

Редактор А. Котов

*Подписано к печати 20.10 1943 г. А2653. Тираж 100 000.
10 печ. л., 8,94 уч.-авт. л. Заказ № 5. Цена 4 руб.*

*3-я типография «Красный пролетарий» треста «Поли-
графкнига» Огиза при СНК РСФСР. Москва, Красно-
пролетарская, 16.*